

РУС

**Скитание
некроманта**

2017

Annotation

История о маге, осужденном за изучении запретного искусства, и в ходе стечения обстоятельств попавшего в другой мир.

Глава первая

Город молчал. Его уже давно не трогали ни чьи-то мольбы и стоны. В городе намертво поселилась черная лихорадка.

В первые дни, когда только появились заболевшие, власть еще пыталась как-то бороться. Гвардия наводнила улицы. Сотни патрулей день и ночь вышагивали по улицам города, пытаясь пресечь грабежи и разбои. Виселицы, с раскачивающимися на них трупами, росли с невероятной скоростью, как грибы после теплого дождя. Гвардия ни с кем не церемонилась!

Однако все было напрасно! Даже стальной кулак опытного гвардейца был не в состоянии бороться с распространяющейся заразой. Вслед за первыми заболевшими появились и вторые, потом третьи.

На пятый день Верховный конклит магов объявил о том, что маги покидают городские улицы. Десятки фигур в черных плащах, расшитых серебряными и золотыми рунами, медленно потянулись в Королевскую академию.

За магами исчезли гвардейские патрули. Город был предоставлен самому себе... Огромные кованые решетки, высекая искры, ударились о камни, наглухо перекрывая беднейшие районы от верхнего города, где жила преимущественно знать. И наступил ад! Умиравшие покинули свои дома и вышли на улицы. Сотни и сотни человек валялись на мостовой, потрясая своими язвами, и взывая к милости Митры.

— У-у-у-у-у-у! — пронзительный тоскливый вопль разорвал тишину ночной улицы. — У-у-у-у-у-у!

С противным скрипом распахнулась дверь и через порог, пошатываясь от тяжелой ноши, переступил человек. Он сделал несколько шагов по каменной мостовой и со стоном опустился на колени. Ноша в его руках мягко коснулась холодных камней. Распахнулось белое покрывало и в лунном свете показались заостренные черты женского лица.

— Как же так? Как же так? — негромко бормотал человек, дрожащими руками перебирая женские волосы. — Ну я же все сделал, что ни сказали... Все сделал! Я принес все ингредиенты. Я же принес все эти каиновы ингредиенты!

— Килиан, подожди, — из того же дома вышел высокий старик в черном балахоне. — Оставь ее. Все кончено!

Он наклонился на юношей и осторожно взял его за плечо.

— Ты ей уже ничем не поможешь... Ее уже нет с нами. Она ушла туда, где ничего этого нет.

Килиан со вздохом приподнял голову и с яростью взглянул на старика. Отпустив волосы, руки с хрустом сжались в кулаки.

— Нет, учитель! Ты не прав! — в его голосе звучало настолько непоколебимая уверенность и в то же время отчаяние, что старик непроизвольно отшатнулся назад. — Никогда, слышишь меня, никогда я не забуду ее. Еще не все потеряно! Я все смогу изменить! Я все изменю! Все будет как раньше!

Он вновь подхватил тело и понес его в дом. Через мгновение, еще недавно отчаявшийся и потерявший всякую надежду человек, превратился в "вихрь". Килиан метался по всему дому, выискивая какие-то, известные только ему, вещи. Тяжелая бронзовая посуда словно живая летела на пол. Глиняным дождем разлетались кувшины и плошки.

— Куда же я засунул этот каинов свиток? — с громким грохотом развалился на части деревянный стул. — Он должен быть где-то здесь?

Вдруг, его взгляд, некоторое время блуждавший по валявшимся в беспорядке вещам, на что-то наткнулся. С радостным воплем Килиан схватил какой-то потемневший от времени кусок бумаги, застрявший в обшивке спинки стула.

— Забыл, кто ты? — неожиданно раздался за его спиной голос. — Ты магистр первого круга и должен знать Правила Великого равновесия. Остановись! Смерть невозможно победить! Она не щадит никого! Ни королей, ни герцогов, ни престолюдинов... С ней невозможно договориться!

Взгляд старика "метал молнии". Бесформенный балахон, распахнувшись на груди, уже не скрывал массивного золотого медальона. Первый магистр Илириус Зенон, глава Верховного Конклина магов королевства, с ужасом смотрел на маленький клочок бумаги.

— Как твой учитель, я последний раз тебя предупреждаю..., - прорычал он, обвиняюще тыча пальцем на юношу. — Даже не думай об этом! Это великая ересь! Ты даже не представляешь себе, какие могут быть последствия!

Узловатые пальцы с удивительной для столь старческого возраста скоростью вцепились в пергамент и вырвали его.

— Смотри, смотри внимательно, вот что будет с каждым, кто хотя бы подумает о проклятом знании! — смятый клочок бумаги на мгновение повис в воздухе и сразу же превратился в огненный шар. — Мерзость! Это страшная мерзость, от которой нужно очистить все вокруг.

Глаза первого магистра словно зажглись безумным огнем, рот начал выплевывать обрывки слов.

— Нет, учитель, нет! — закричал Килиан, в ужасе от надвигающегося огня. — Только не ее! Не трогайте, ее!

Чудовищная сила бросила его к стене, сметая по пути кухонную утварь, и вдавила в камень. Слово припиленный иглой жук, юноша дрыгался и тянулся к телу своей любимой.

— Не надо, учитель, не надо! — бормотали надкусанные в кровь губы. — Она моя... Моя!

Небольшая комната вскоре превратилась в пылающий костер, в центре которого лежало бездыханное женское тело.

— Вот и все, — бросая на мостовую Килиана, проговорил старик. — Больше ничего этого нет. Все забыто! Ты меня понял?

Опаленное огнем лицо было закрыто руками и было непонятно, жив ли еще юноша или нет. Вдруг, откуда-то изнутри этого тела раздался глухой лишенный эмоций голос:

— Все кончено, учитель, теперь уже точно все кончено.

Килиан еще долго сидел у догорающих развалин своего дома, устало, смотря на пылающий огонь. В этот момент в нем что-то надломилось. Что-то важное, имеющее жизненное значение, сломалось и это уже было не починить.

Он смотрел и вспоминал, как выглядел этот самый дом еще совсем недавно... Крошечный каменный домишко с облупленной по краям кромкой находился на самом краю Кузнецкого городского квартала. Отсюда до Королевской магической академии было около десяти стадий. Далеко, конечно, но что поделать! Ему, недавнему студенту, с большим трудом удалось наскрести и этот десяток золотых на аренду жилья.

В общем-то, жилье ему сначала не понравилось. Дело было даже не в том, что домик был слишком далеко от академии и на занятия приходилось вставать очень рано. Нет, дело было не в этом! Вся проблема была в соседях! Эта каинова семейка кузнецов, в которой насчитывалось чуть ли не десяток здоровенных мужских душ, практически с самого утра и до позднего вечера со всей дури лупила молотом по железу. По крайней мере, именно так Килиану и казалось....

Чего он только не делал, чтобы уговорить их не стучать хотя бы по ночам. Юный маг и жаловался в городской магистрат на невыносимый шум, и носил подношения старшине кузнецов. В конце концов, когда его терпению пришел конец, Килиан чуть не поджог кузнецам дом, сделав мощный огненный шар. К счастью все обошлось, и пожар удалось во время потушить. Однако проблема не исчезла! Наоборот, после этого случая соседи, воспылав к нему еще большей ненавистью, вообще забыли про сон.

В то утро юный магистр, с совершенно невменяемой головой, шел на занятия. Пробираясь сквозь толпу горожан, он случайно с кем-то столкнулся. Удар был так силен, что оба они, сильно приложившись головами, отлетели в сточную канаву. После того, как Килиан протер глаза и взглянул на своего обидчика, он неожиданно понял, что сегодня уже никуда не попадет. Напротив него, в той же самой канаве, на расстоянии руки сидела девушка...

Тот случай все изменил! Со временем та самая девушка стала его женой и поселилась здесь же. Прежнее холостяцкое жилье приобрело совсем другой вид. Потертые, скрипучие ступеньки накрыл переплетенный камышовый коврик. На окнах повисла яркая ткань, а по стенам домика пополз изумрудный вьюн...

— Мира, почему ты? — он вновь вынырнул из забытья и, словно впервые, рассматривал догоравший дом. — За что, они забрали именно тебя? Почему не я? Почему не все эти людишки? Эти мерзкие и вечно копошившиеся в своем навозе черви лучше тебя? Да?

С трудом поднявшись на ноги, он подошел к дверному проему и стал напряженно всматриваться в затухающий огонь. Магическое пламя почти полностью уничтожило комнату: деревянная утварь, остатки мебели — все это превратилось в кучу пепла. Но его волновало не это! Килиан искал тело своей любимой.

— Каиново отребье! — шептал он, осторожно пробираясь внутрь. — Вы отобрали у меня все... Зачем мне жить? Для чего топтать эту землю?

Вдруг, возле самой стены, где когда-то возвышалась печь, он заметил какую-то яркую капельку. Крошечное, еле заметное, казалось, совсем невесомое колечко чудом уцелело в огне.

— Ты посылаешь мне знак? — еле шевелились почерневшие губы. — Может быть не все...

Глава вторая

Из донесения первого советника городского магистрата Тулия Фери в королевскую канцелярию:

... Спешу донести до сведения Вашего Величества очень тревожные известия. С времени Черной лихорадки, в городских трущобах стали находить очень странные вещи — трупы мелких грызунов и домашних животных. Проведенное расследование показало, что животные были совершенно здоровы и погибли от ударов каким-то тонким предметом. По окраинам идут нехорошие слухи о том, что в городе появился некромант и проводит какие-то исследования. Источники слухов обнаружить и пресечь не удалось, хотя на улицы брошены все наличные силы.

Прошу Ваше Величество разрешить привлечь к розыску часть гвардейских подразделений. Городским магистратом подсчитано, что для полноценного поиска необходимо лишь около пятисот солдат. В случае непринятия мер, последствия могут быть совершенно катастрофичными.

Мои люди докладывают, что на улицах появились какие-то странные проповедники. Думаю, это новая секта. По слухам, верят они в Единого и отрицают других богов.

— Значит, это не тот путь, — со злостью пробурчал Килиан, наклонившись над трупиком крупного кролика. — Это не тот каинов путь! Придется снова идти на рынок.

Серая тушка мягко шлепнулась на разделочную доску. Это был уже десятый неудачный опыт оживления, но Килиан не терял надежды во всем разобраться.

— Все равно с этим что-то надо сделать, — еле слышно шептал он. — Если не разобраться самому, значит надо найти того, кто в этом поможет. Так, вот это уже верная мысль! Стоп! Старик Коста. Как же я мог о нем забыть?

Маг недобро ухмыльнулся, вспоминая того самого, так кстати всплывшего в памяти старика. Коста был крайне известным среди юных магов человеком. Можно сказать, легендой! В запутанных коридорах Королевской академии, шептались, что этот вечно грязный и вонючий старик, что отирался у ворот, был потомком того самого первого отверженного... При этих словах говоривший, как правило, деланно озирался по сторонам, словно боялся, что его услышит кто-то посторонний. Килиан никогда не верил этим пустословам, считая, что на такие байки ведутся только молоденькие магички. Однако сейчас он уже не был так твердо уверен. "Каин его знает, — размышлял он, в задумчивости перебирая монеты в кошельке. — С одной стороны, это точно опустившийся нищеврод, у которого нет ни семьи, ни кола ни двора. В таком случае, что это отрепье вообще может знать? О чем-то говорить с ним, только время терять".

Вдруг, его рука дрогнула и медная монетка, которую он вертел пальцами, упала вниз. "А если, я ошибаюсь? — замерли синие глаза. — Уж больно много странного с ним связано". Мозг, словно взявшая след гончая, мгновенно подсунул ему нужную картинку, где сам глава Верховного конклита — Илириус Зенон почтительно раскланивался со стариком. "Этот Коста ввел себя с первым магистром так, словно был его старым знакомым, — к своему удивлению вспоминал Килиан. — А остальные маги нашей Академии, вообще, как-то странно ведут себя в его присутствии... Точно, они его боятся!".

Итогом раздумий стало то, что маг, накинув на себя ритуальное одеяние, покинул дом и рванул к Академии.

— Здорово, сосед, — воткнулся в спину глухой голос, когда он пронесся мимо какой-то лавки. — Здорово, говорю.

В брошенных словах было столько ненависти, что Килиан просто не мог не обернуться. "Какой-то дед, — пронеслось в его голове. — Какого каина ему надо?"

— Не узнал? — сверкнув глазами, буркнул тот. — Значит, хорош...

Килиан не знал, что и сказать на это. Старик, действительно, ему был незнаком. Землистого цвета лицо, покрытое страшными отметинами, кривилось в гримасе.

— Чего надо? Не видишь, спешу я, — решив, что это очередной попрошайка, недовольно протянул Килиан. — Пошел прочь!

Маг попытался оттолкнуть плечом эту неожиданную преграду, но, пожалуй, даже скалу было бы легче сдвинуть со своего места.

— Арат я, огненный ублюдок, — выплюнул из себя имя дед. — Арат, я, сосед твой бывший. Не признал, значит, соседушка?! Забыл совсем, каинова отрыжка, меня?! А внучков моих помнишь? Внучков-то чай не забыл? Кровинушек моих, вот таконьких...

Из под замызганного рубища вытянулась здоровенная багровая культия и застыла где-то в полуметре от мостовой. Килиан с ужасом следил за этим огрызком, признав в нем когда-то здоровенную руку соседа-кузнеца.

— Это ты? — хрипло пробормотал он, пытаясь отступить назад. — Но как же это так? Что с тобой случилось?

В ответ словно раздался взрыв. Страшный булькающий смех заполнил узкую улочку. Продолжая крепко держать Килиана здоровой рукой, Арат махал культей из стороны в сторону, будто приглашал еще кого-то присоединиться к его смеху.

— Узнал, наконец-то! — с трудом сдерживая себя Арат. — Вы посмотрите на это отребье, добрые люди! Это каинов огневик! Смотрите, смотрите! Это он и его братья сначала отказались нам помогать, а потом сжигали наши дома... Люди, всю мою семью сожгли! Всех до одного, а они же не болели!

Словно по мановению волшебной палочки, улочка заполнилась недобро гудящим людом. Сверкали глаза, оскаленные рты выкрикивали угрозы. Толпа предъявляла свой счет к магазинам к оплате — к оплате только кровью.

— Пустим ему кишки! Дайте его мне, мне! — разноголосицей ревела толпа. — Пусть узнает, какого было нам остаться одним. Бросили нас! Спрятались за высокими стенами от Черной смерти! Смерть!

"Все, — понял Килиан, чувствуя как его куда-то потащили. — Затопчут". Он даже не пытался вырваться, а просто отдался на милость толпы. Одежда на нем трещала от многочисленных тычков и затрещин.

— Остановитесь люди, — негромко, скорее даже тихо, прозвучал на пути толпы. — Остановитесь, пока не стало поздно.

Бушующий людской поток, мгновение назад бурлящий и клокочущий, затих. По инерции задние ряды еще напирали на передних и пытались прорваться, но это уже было не то. По толпе пошел шепоток. Еле слышимый, он скакал от одного к другому, в тот же момент, гася любое недовольство.

— Керн. Это сам Керн, — бежало вперед. — Преподобный Керн... Единого дети. Преподобный Керн.

На пути толпы стоял странный старик, в котором Килиан, к своему страшному удивлению, узнал Косту. "Что здесь к каину происходит? — с недоумением пробормотал

маг, продолжая висеть на дюжих проводниках. — Почему его все слушаются?". Коста тем временем медленно подошел к нему и мягкими движениями отодвинул от мага сопровождающих. Здоровенные парни, на мясном рынке запросто кидавшие тяжеленные бычьи туши, дрожали от страха, когда их касалась узловатая ладонь.

— Идите, идите по домам, — ласково произнес он, обращаясь к толпе. — Я поговорю с ним сам... Идите! И ты, Арат, иди со всеми! — уже с некоторым нажимом говорил проповедник. — Я буду молиться Единому за всех вас, чтобы он никого не оставил без своей милости.

— Но, как же так? — заупрямился кузнец, раздвигая толпу широченными плечами. — Это же он во всем виноват! Вот, посмотри на это!

Багровая культа взлетела вверх.

— Братья! А! — кузнец, запнувшись на слове, неожиданно стал заваливаться назад, где его осторожно подхватили какие-то люди.

Остолбневшего Килиана проповедник взял за рукав и повел в сторону реки, где у него была небольшая избушка.

— Что сильно удивлен, маг? — доброжелательно улыбаясь, спросил Коста, ставя перед собеседником глиняную бутылку. — Вот, угощайся! Напиток богов.

Он взял какую-то ткань и с наслаждением вытер ей лицо. К изумлению Килиана, Коста оказался совсем и не стариком, как представляли себе все окружающие. Его лицо, лишенное привычной копоти и пыли, принадлежало скорее мужчине в полном расцвете сил, чем глубокому старцу.

— Я догадываюсь, за чем ты пришел, — непринужденность и легкость в его тоне моментально сменилась скрытой угрозой. — Тебе нужно запретное знание. Чего кривишься? Разве, я сказал хоть слово неправды? Нет, все правда! Все, до единого слова! Ты не просто хочешь узнать..., — превратившиеся в щелки глаза, казалось, пронзали его насквозь. — Ты хочешь знать все!

Килиан "поплыл". Лишь только этим словом более или менее точно можно охарактеризовать его состояние. "Но откуда? Я же не оставлял следов, — застыл в ступоре маг. — Я не вел записи. Животных покупал у разных торговцев... Как?".

— Я давно за тобой наблюдаю, — Коста продолжал буравить его глазами. — Думаю, ты созрел, чтобы стать учеником мастера Великого Некроса. Да, да, Килиан, ты определенно готов.

Вдруг, Коста со всей силы ударил по столу. Бах! Крепкий дубовый стол угрожающе закрипел.

— Посмотри на меня! — прошипел он, нависая над магом. — Смотри внимательно? Что ты видишь? А? А я скажу, что ты видишь... Косту! Старого нищего и попрошайку, Косту, который постоянно торчит у ворот магической академии. Или может быть ты видишь того, чьим именем пугают хорошеньких девушек в подворотнях — проповедника Керна?! Я Коста! Ха-ха-ха-ха! — с какой-то визгливой ноткой засмеялся он. — Так ты ошибаешься! Я никакой не Коста!

Нависший над столом человек неуловимо изменился.

— Я последний магистр Великого Некроса! — торжественно проговорил Коста. — Я последний из тех, кто чуть не втоптал в грязь живых на это земле!

— Тогда ты Зло! — пробормотал Килиан, пытаясь встать из-за стола. — Ты некромант!

— И здесь ты ошибаешься, мой дорогой ученик, — некромант, наконец-то, уселся на

место, прекратив давить на него. — Зло?! Зло не здесь! Оно не во мне и моих деяниях! Настоящее Зло ты каждый день видишь в своей проклятой Академии. Вот там-то и поселилось истинное Зло. Вспомни, что делают эти "мудрецы"? — последнее он произнес с усмешкой. — Чему они учат? Или ты забыл, что было во время Черной смерти? Эти бездари и неучи бросили всех на произвол судьбы! Вот где таится истинное Зло! Смотри!

Керн начал кидать на стол какие-то вещи. Монеты, различные украшения, безделушки, кувыркаясь летели и со звоном падали на доски стола. Сверху ложилась вышитая золотом парча, акметистывая ткань.

— Вот оно Зло и твои любимые маги приняли его всем сердцем, — насмешливо продолжал говорить некромант, кивая на лежащее на столе. — Они забыли истинное предназначение магии! Хотя нет, они его и не знали! Где этим погрязшим в роскоши баранам знать цель настоящей магии? Их удел наслаждение! Запомни, ученик, первый урок! Только с болью приходит истина. Там где наслаждение и нет боли, нет и истинного знания! Что не убедил?

Не дождавшись от Килиана отклика, Керн негромко свистнул и сразу же в комнату юркнул неприметный человек в сером плаще.

— Передай детям Единого мое слово, — как-то по особому внушительно бросил Керн. — Сейчас Единый явит нам свою милость, исцелив убого. Приведи Зарию.

Не сказав ни слова вошедший исчез за дверью. Через какое-то время на улице начал раздаваться странный гул, чем-то напоминавший отголосок бушующего океана. Он то нарастал, то спадал. Вдруг, Килиан понял, что это.

— Керн, Керн, Керн, — одновременно скандировали несколько сотен человек, приближаясь к избушке. — Керн, Керн, Керн.

Скрипнула дверь и в комнате появилась невысокая девушка. Неимоверно худая с длинными волосами, словно еще одно платье опоясывавшими ее.

— Покажи мне свое лицо, — Керн медленно подошел к ней. — Не бойся дитя мое.

Узкие ладошки выскользнули откуда-то из платья и поправили закрывшие лицо волосы.

— О, Митра! — не смог сдержать восклицания Килиан, увидев ужасные отметины. — Это же Черная смерть!

Лицо девушки напоминало только что вспаханное поле. Глубокие рваные борозды были на лбу и щеках, уродовали нос и подбородок. Килиан понял, что она лишь чудом выжила после лихорадки.

— Ты веришь мне, дитя мое? — мягко спросил Керн, осторожно касаясь ее головы. — Веришь ли ты искренне и всей душой?! Не надо не плачь. Единый милостив! Он все знает и видит! Он ни кого из нас не оставит без своей милости...

Его руки медленно пробежали по ее волосам. Потом погрузились в них и также неторопливо прошли по лицу. По щеке Керна скатилась капелька пота. Во время всего этого Килиан едва дышал. "Не может быть! — мелькало в его голове. — О, Митра! Он лечит тех, кого отметили Черная смерть! Как же может быть такое? Он же некромант?". Скрюченные в напряжении пальцы, словно что-то тащили из девушки. Тяжелое, страшное, оно сопротивлялось и не хотело покидать молодое тело.

— Все! — выдохнул Керн, едва успевая подхватить падающую девушку. — Все, дитя мое, все... Иди домой, к матушке. Порадуй ее.

Вновь появившийся без звука помощник быстро вывел ее наружу.

— Ты был прав..., учитель, — прошептал Килиан, низко склоняя голову и признавая

ТЕМ САМЫМ СВОЕГО НОВОГО НАСТАВНИКА.

Из подслушанного в магической лавке одним чрезвычайно любопытным субъектом.

— Здравствуйте, уважаемый магистр Итаро Найрот. Пусть Благословенный Митра будет всегда сопутствовать в ваших делах.

— Спасибо за добрые слова, уважаемый Загиб. Что привело вас в мою лавку.

Вошедший, грузный и богато одетый, купец прервался на мгновение, словно запутался в своей цветастой речи. Потом, слегка запинаясь продолжил.

— Горе пришло в мой дом, уважаемый магистр, — с мольбой посмотрел он на мага. — Моя дочь... Мое сокровище, моя дочурка едва не умерла. Черная смерть накинута на нее как зверь. Три дня и три ночи она металась по постели.

Магистр в миг поскущел. Казалось, из него вышло все его дружелюбие и радушие.

— Вы же знаете, правила Королевской академии. Черная смерть — это табу.

— Но она же страшно изуродована! — с горечью пробормотал купец. — Это же настоящая смерть. Что теперь с ней будет? Всю жизнь провести в доме, спрятавшись от белого света? Не познать ни счастье супружества и материнства?

— Я ничем не могу вам помочь. Уходите! Вы мешаете торговле!

Купец побагровел в лице и, сдернув рубаху, заорал:

— Все вы можете, каиново отродье! Золота хочешь?! Камней?! На! Держи! Все забирай!

На широкий стол полетели полновесные золотые кругляши. Мелодично звякая, они катились по столу и падали на пол.

— Это твой первый урок, — Керн, вновь одетый в свои лохмотья подтолкнул Килиана вперед. — Запомни, не познав боль, ты не узнаешь истины. В этих трущобах, ты найдешь все, что тебе нужно — грязь, боль, страдания и, конечно же, ненависть. Испытай все это полной мерой! Пусть грязь войдет в тебя и станет одной из твоих сторон! Пусть боль и страдания грызут тебя изнутри, не давая ни минуты покоя! Прочувствуй, каково это, жить как навозный червяк, умирая в одиночестве и темноте. Иди, неделя тебе сроку. Посмотрим, какой толк из тебя будет...

Килиан с дрожью посмотрел перед собой. Они забрели в самый дальний от ратуши городской район, где раньше располагался старый королевский дворец. Сейчас во всеми покинутых развалинах обосновались все те, кому все отказали в помощи — отмеченные Черной смертью.

Оставив ученика, Керн в сопровождении молчаливых серых балахонов двинулся в совершенно другом направлении. Его путь лежал в богатый район, к одному неприметному особняку.

— Открывай, пес, к твоему хозяину пришли, — со всей дури забарабанил проповедник в массивные бронзовые ворота. — Да, пошевеливайся!

Через некоторое время за воротами раздалось какое-то копошение и одна створка приоткрылась ровно на столько, чтобы в образовавшуюся щель можно было просунуть голову.

— Что вам угодно? — задала вопрос лохматая башка с заспанными глазами, высунувшись из щели. — Господин никого не принимает!

— Ха-ха-ха-ха-ха, — добродушно рассмеялся Керн, резко хватая привратника за уши-лопухи. — Меня господин примет, обязательно примет. Я Керн, и все мы дети Единого.

Приготовившаяся было заорать, башка мгновенно украсилась самой широкой из своего арсенала улыбкой. Щербатые губы раздвинулись, явив миру обломанные желтоватые зубы.

— Все хорошо, сударь, все хорошо, — сразу же забормотал привратник. — Господин вас уже давно ждет.

Керна, действительно, ждали... В роскошно обставленных покоях в нетерпении прохаживался статный мужчина, в котором любой из придворных сразу же бы узнал лорда-канцлера — Беату Марите.

— Я смотрю, вы не очень-то спешили, — недовольно бросил хозяин вошедшему гостю. — Вы меня сильно огорчаете, преподобный Керн!

— Чай не красна девица, чтобы огорчаться, — в ответ окрысился Керн, без всякого спроса развалившись на мягком топчане. — Потерпишь.

Любой другой, кто хотя бы только подумал говорить с Марите в таком тоне, в мгновение ока оказался бы на плахе. Любой другой, но не преподобный Керн!

— Хорошо, хорошо, преподобный, — почему-то пошел на попятную лорд-канцлер, с достоинством усаживаясь напротив гостя. — Зачем нам с вами ссориться?! Мы же союзники... Общие интересы слишком крепко нас связывают.

Все это время Керн вел себя так, словно это он хозяин в особняке. Вальяжно валяясь, он медленно цедил красное вино. Его лицо излучало просто космическую скуку.

— Вы очень правильно заметили, уважаемый Марите, — протянул Керн, наклоняясь вперед. — У нас с вами общие интересы, но разве вы ведете себя, как настоящий союзник? — увидев недоуменное лицо собеседника, он продолжил. — Получается, всю грязную работу должны выполнять я и мои сторонники, а вы, уважаемый лорд-канцлер, получите все самое сладкое! Так не поступают союзники и смею надеяться, друзья... Или я ошибаюсь?!

Теперь настала очередь лорда-канцлера излучать добродушие и готовность сотрудничать.

— Ну, какая к кайну грязная работа? — с искренней обидой в голосе удивился он. — Это будет просто невинная прогулка влюбленных по аллее! Королевский трон прогнил насквозь. Мореот Второй уже давно не занимается ничем кроме улаживания свой утробы! Вашим, я извиняюсь, оборванцам, будет достаточно появиться у дворца и все — власть упадет в наши руки, как перезревший плод!

Однако, Керн тоже был далеко не таким простаком и восторженным фанатиком, каким рисовался с первого взгляда. Все замаскированные потуги лорда-канцлера казались настолько ясными и прозрачными, что вызывали смех.

— Нет, нет, мой друг, — не менее добродушно и понимающе проговорил Керн. — Я все прекрасно понимаю. Вы говорите совершенно правильные и логичные вещи. Однако вы кое-что не предусмотрели... Или предусмотрели, но не сказали? А, что, например, будет делать гвардия? Куда будет смотреть наш славный магистрат? Пусть стражников и крохи, но и эти две когорты могут наделать просто огромных проблем. Наконец, почему-то я совершенно ничего не услышал о Верховном Кокнлите, — взгляд, брошенный на Марите, был, несомненно, искренен и доверчив. — Что маги будут делать в тот момент, когда дети Единого начнут громить дворец? Хотелось бы услышать ответы на эти вопросы...

Слегка раздосадованный хозяин дома оторвался от вина, бокал которого, похоже, помогал скрашивать общество Керна.

— А вы полны сюрпризов, мой друг, — пробурчал Беату Марите, уже с несомненным

интересом рассматривая собеседника. — Какая речь, какие манеры... Вы определенно не так просты, как хотите показаться. Кто вы такой, а? — задав этот, по-видимому, риторический вопрос, лорд-канцлер продолжил. — Значит, хотите получить ответы?! Хорошо! Я с вами абсолютно честен и мне совершенно невыгодно вас в чем-то обманывать. Во-первых, гвардия... Она останется в казармах и поддержит любого, на кого я укажу пальцем. Во-вторых, магистрат также не дернется. Там мои люди! Ни один из стражников не появится на площади в нужный день. Скорее даже они нам помогут проникнуть во дворец. Наконец, остались маги. Здесь ситуация гораздо хуже!

Чувствовалось, вопрос далеко не так прост, как хотел его представить лорд-канцлер. "Определенно, с магами намечались крупные проблемы, — неприятный холодок зашевелился в душе Керна. — Как известно, с магами шутить не надо! Каинова отрывка! Если маги встанут на стороне короля, то весь переворот очень быстро затопчут".

— Мне никак не удастся подобрать ключики к этой старой заднице — магистру Зенону, — от злости Марите хлопнул по столику с вином. — Говорить в открытую с ним опасно, хотя он и не сторонник короля! Глава конклита слишком привержен старым порядкам и не допустит свержения короля. Но! Но я кое-что предпринимаю, что бы окончательно решить эту проблему. Вы, преподобный, извините, но пока распространяться об этом я не буду. К сожалению, подлые уши есть везде, и даже в моем особняке.

Он на несколько минут замолчал и выразительно посмотрел по сторонам, словно эти самые уши, действительно, растут из стен. Керн в ответ еле заметно кивнул, давая понять, что полностью согласен с собеседником.

— Продолжая разговор, добавлю, что я предпринял еще кое-какие шаги, — вновь заговорил Марите. — в нашем с вами общем деле нам могут помочь и соседи. Да, да, я имею ввиду Кусконского владыку.

Глава четвертая

История, которой могло бы и не быть... Столица Кусконского эмирата ждала ночи, когда пропадет вездесущее солнце и воздух станет прохладным. Многоуровневый дворец, раскинувшийся на десятки лиг, просыпался от спячки. Куча разномастных, черных, белых, желтых поварят, слуг, массажистов и танцовщиц, суетливо забегали, готовясь к пробуждению владыки.

— Когда же солнцеподобный владыка, сможет принять меня, о уважаемый Бахти? — в очередной раз задал свой вопрос худощавый мужчина, с трудом скрывая свое раздражение. — Я стою под этими дверьми с самого утра... А лорд-канцлер приказал немедленно доставить известие.

— Вы чем-то недовольны? — насмешливо скривилось сальное и залитое потом лицо толстяка в дорогом и явно теплом халате. — Тогда, знайте, когда солнцеподобный изволит почивать, остальные монархи могут лишь ждать и надеяться, что он проснется в хорошем настроении.

Вдруг, придворный, колыхая своими роскошными телесами, резво вскочил и бросился к двери, ведущие в покои владыки. Оттуда раздался еле слышный шум, как будто кто-то ворочается под одеялом. Дверь осторожно приоткрыли. Сразу же лицо толстяка расплылось в широкой улыбке, а спинной хребет начал медленно выгибаться дугой.

— О, несравненный господин, — чуть не мурлыкая от счастья, затараторил придворный, протискиваясь в покои. — Как вы изволили почивать? Был ли спокоен ваш сон? Мягка ли была ваша постель?

Пухлые, унизанные крупными перстнями, пальцы начали порхать по одежде владыки, поправляя образовавшиеся после сна складки.

— Солнцеподобный владыка, осмелюсь доложить, что прибыл посланец от лорда-канцлера Китонского королевства и нижайше просит принять его, — владыка еле заметно скривил губы, словно новость его не радовала. — Но если несравненный не желает, то...

— Хватит, раб! — искусно расшитый золотыми нитями туфель с силой врезался в бок придворному. — Знай свое место! Лишь я здесь могу что-то желать или не желать! Ты понял меня червь! Давай, зови его!

Царственный пинок позволил придворному быстро достичь двери, из-за которой через несколько секунд появился сам посланник.

— О, божественный и несравненный..., - с трудом завел свою песню вошедший, не переставая кланяться. — О, могущественный...

— Ну, хватит, — уныло кивнул ему владыка. — Хватит, командующий Моллис. Что думали, владыка Кускона совсем пропил мозги и не узнает первого генерала Китона, своего бывшего противника?

Лицо посланника отразило бурю противоположных эмоций: от плохо скрываемого удивления и до животного страха.

— У Беату совсем стало плохо с верными людьми, раз он посылает командующего северными армиями? — владыка, еще не старый мужчина, указал на низенькую тахту у стены. — Или может быть дело в другом?! В том, что порученное дело настолько тайное, что знать об этом не должен никто?!

Посланник, наконец-то, отошел от ступора и уже с интересом стал смотреть на владыку.

— Владыка, вы очень проникательны, — бессознательно пытаясь нащупать кинжал на поясе, проговорил генерал. — Порученное послание, действительно настолько тайное, что только мне было доверено отвезти его.

Он осторожно расстегнул отворот верхней рубахи и медленно вытянул небольшой пергамент. Владыка быстро пробежал глазами листок и вновь посмотрел на застывшего посланника.

— В послании ничего нет, владыка, — незамедлительно заговорил Моллис. — Мы боялись предательства. Лорд-канцлер велел передать, что после победы он готов передать Кускону приграничную область с двумя крепостями. Все вооружение гарнизоны оставят в арсеналах и кладовых.

Хозяин аж хрюкнул от восхищения, услышав такое богатое предложение. Лорд-канцлер пообещал отдать ту самую область, за которую обе державы уже не раз за последние два столетия погружались в пучину кровавой бойни.

— Это очень щедрое предложение! — благодушно улыбаясь, проговорил владыка. — Область и две крепости... Получается, вы отдаете мне почти весь север Китонского королевства. Неужто положение лорда-канцлера настолько тяжело, что он решился на такие жертвы?! А ты, генерал, что думаешь?! Я тебя совсем не узнаю! Еще совсем недавно ты зубами вгрызался в каждый клочок это каменистой пустыни. Что с тобой случилось?!

Моллис окаменел лицом. Старый ветеран был поражен в самое сердце.

— Я, владыка, солдат, — хрипло пробормотал он, до боли сжав подлокотники сидения. — И готов хоть сейчас сразиться и умереть, держа в руках меч! Отдавая эти земли, я вырываю кусок своей плоти и бросаю его на растерзание собакам. Но, разве лучше смотреть, как страна превращается в один большой бордель, где правят золото и подлость?! Никогда! Пусть кровь и боль очистят Китон, а потом... Потом может случиться что угодно! Возможно, я вновь буду стоять перед вами... с мечом...

Вслед за последней фразой неувовимо взлетели тяжелые шторы и около горла генерала застыл остро заточенный клинок.

— Ты храбрый солдат, — одобрительно буркнул владыка. — Не каждый даже в моей армии решился бы на такое! Я ценю настоящих воинов! Но ты меня оскорбил, а я такое не прощаю! Поэтому вот мое решение: если хочешь жить, вступи в мою гвардию.

— Нет! — отрицательно мотнул головой генерал, раня шею о клинок. — Никогда!

— Я не ждал другого ответа! — захлопал в ладоши владыка. — Скормите его моим малышам...

Трущоба исходила страшным зловонием. Почерневшая кровь с перемазанными в гное тряпками покрывала углы развалин, где загибался очередной полу труп.

— Воды, воды, сынок, дай мне воды! — жалобный голос раздался из под горы какого-то мусора. — Дай мне воды. Пить, пить.

Килиан устало вздохнул и медленно опустился на корточки. Очередного просящего не было видно. Вдруг, из под рванья потянулась почерневшая кисть с обрызганными в кровь ногтями. Вслед за ней показалось и само тело — худое с выпиравшими из грудины острыми ребрами, которые того и гляди прорвут посиневшую кожу. Нищий, поблескивая единственным глазом, жалобно просипел:

— Пить, пить.

Кожаный бурдюк повис перед его ртом и он с жадностью приник к горловине. Нищий пил нетерпеливо, с шумом, словно боялся, что воду вот вот отберут. Вода светлой струйкой

стекала по его подбородку. "Бедный старик, — подумал Килиан, с острой жалостью всматриваясь в его лицо. — Судя по отметинам на его лице, ему осталось не больше двух дней. О, Митра! Как же мне это все надоело!"

Старик, вдруг, выронил из рук бурдюк и затрясся в сильном приступе кашля. Волна за волной кашель сотрясал его тело, заставляя выворачивать конечности дугой а суставы трещать от напряжения. Наконец, из его рта хлынуло какая-то мерзкая на цвет жидкость. Старик заорал как оглашенный и начал ногтями царапать себе голову.

— Дерьмо! — не своим закричал маг, отпрыгивая от нищего в сторону. — Каиново дерьмо!

Трясучка продолжалась недолго и вскоре старика отпустило. Он скрючился и затих. Килиан с отвращением наклонился за бурдюком, как что-то почувствовал. Это было какое-то новой совершенно незнакомое ему чувство. Маг с удивлением огляделся по сторонам, но, ничего не обнаружив, вновь уставился на старика. "Что же это такое? — мучительно размышлял он. — Похоже, на живой источник... Да! Кажется, в академии мы видели что-то такое! Значит, где-то стал активен живой источник".

Вдруг, Килиана слегка шатнуло. Тело нищего окуталось легкой дымкой, сквозь которую проступали едва уловимые багровые линии тела. Туман становился все более прозрачным, а линии медленно затухали, словно их кто-то гасил. "Вот, значит, о чем мне говорил учитель, — в восхищении уставился на это зрелище Килиан. — Это тоже живой источник, только совсем другой, не как учили в академии! Он едва заметный и слабенький. Вот вот потухнет!"

Энергия, словно крошечный костер медленно съежилась, оставляя тело беж жизни. Потрясенный маг осторожно потянулся к нему руками. Его пальцы медленно обхватили огонек и ласково его сжали. Это было незабываемо! Мощный разряд эйфории прошиб Килиана с головы до ног! Жизненный источник быстро перетек в мага, оставляя после себя съезжившееся тело.

— Что я вижу? — прямо за его спиной раздался насмешливый голос учителя. — Мой ученик, наконец-то выполнил свое первое задание! Так, ведь?! Вижу, что доволен! Счастлив!

Действительно, Килиан просто лучился от счастья. Каждую его клетку пронизывал какой-то неземной поток легкости и энергии. Ему было безумно хорошо: хотелось куда-то двигаться, что-то делать...

— Очнись, ученик, — Керн с силой тряхнул его за плечо. — Ты усвоил не весь урок! Это лишь часть, самая малая часть. Не повторяй чужих ошибок и иди дальше! Ты открыл живой источник в умирающем человеке и взял его себе. Чувствуешь эйфорию?! У тебя обострились органы чувств, кровь быстрее побежала по жилам. Тебе хочется взлететь подобно птице.

Все это время Килиан восторженно махал головой, полностью подтверждая сказанное.

— Запомни, это не главное! — вновь вернул его на землю голос учителя. — Живой источник — это все лишь средство, чтобы идти вперед, чтобы развиваться! Ты не должен его тратить на свои чувства, на свои эмоции! Понимаешь меня?!

Слегка расширенные зрачки юного мага явно говорили о другом. Килиан, действительно, от нахлынувшего ощущения счастья с трудом разбирал слова учителя.

— Тогда, вот! — Керн взмахнул рукой, с зажатой в кулаке палкой, и вокруг трупа вновь забелел неуловимый туман. — Смотри, как можно использовать энергию источника.

На глазах, быстро приходящего в сознание, Килиана тело нищего вновь покрылось

багровыми линиями. Более толстые и ветвистые, они подобно сети опутали старческое тело.

— Это тоже энергия источника, но пропущенная через тебя! — разжевывал свои действия Керн. — Я пустил ее обратно в покинутое ею тело. Смотри внимательно! Здесь, по-прежнему, нет жизни! Живой источник, пропущенный некромантом через свое "я", лишь придает движение конечностям.

Свернувшийся калачиком труп зашевелился. С отчетливым хрустом, встали на место перекрученные суставы. Тело заскребло ногами по мостовой. До Килиана начало с ужасом доходить, что оно пытается встать.

— Учитель, учитель, — суеверный страх перед запретным искусством, годами вколачиваемый в каждого жителя Китона, вновь заговорил в нем. — Он оживает! Оживает!

— Молчи, дурак, — засмеялся тот, вновь делая взмах рукой. — На большее он не способен. Иди, к себе! Завтра снова приходи ко мне! У меня будет для тебя новое задание!

К вечеру преподобный оказался у себя в каморке в крайне непростом настроении. Можно сказать, что его обуревали крайне противоречивые чувства.

— Как-то все усложнилось, — в раздражении пробурчал он, притягивая ближе к себе глиняную бутылку. — И мне это совсем не нравится! О, Великий Некрос, а все так хорошо начиналось!

Неспешно потягивая вино, некромант вспоминал, как он радовался встрече с Килианом. "Да, мне удивительно повезло встретить такого ученика, как Килиан, — мелькало у него в голове. — Огромный, просто неисчерпаемый потенциал... Признаюсь, в первый момент я даже склонялся к его смерти, настолько был впечатлен. Со временем из моего ученика может вырасти очень сильный маг. Хм! Какой к Каину маг?! Он станет некромантом! Настоящим черным некромантом — Посвященным стигом". От такой перспективы у Керна резко прошло раздражение.

— А может быть и Верховным стигом, — не выдержав, вслух пробормотал он. — Вот бы посмотреть на рожу верховного магистра в тот момент, когда он узнает, кем стал один из его бывших учеников! Ха-ха-ха-ха! Килиан — Верховный стиг! Да, тогда мы сметем всех этих недоучек, словно мурашей со стола!

Вдруг Керн сразу же сник, словно увидел что-то страшное. Однако, дело было совершенно в другом — некромант вспомнил, что Килиан еще не прошел первое посвящение Великого Некроса. "Надо быстрее проверить это дело, — Керн вперил свой взгляд окно, будто ожидал немедленного появления ученика. — Время бежит и мне вскоре очень понадобится опытный некромант! Значит, завтра! Завтра, я проведу первое посвящение...".

Глава пятая

Этот вечер Пармак, владелец одного из самых популярных трактиров столицы, запомнил навсегда...

— Господин, господин, — дрожа от возбуждения, тараторил вихрастый пацан. — Господин, там на улице... На улице... гвардейцы идут! Пятеро их идут! А с ними тот самый! Ну, тот, что главный!

Нахмутив брови, Пармак сразу же оставил в покое тряпку, которой натирал крупный дубовый стол.

— Гвардия! — буркнул он, заталкивая глубже под стойку бочонок с дорогим вином. — Эта Каменная башка ни как не успокоится! Опять приперся ко мне! Эй, ты, гони в магистрат, да позови стражу!

Едва мальчишка скрылся, как входная дверь открылась с таким грохотом, что затрещали косяки. В трактир, мешая друг другу, ввалилась шумная компания здоровенных лбов, одетая в форму гвардии. Самый крупный из них, выпучив налитые кровью глаза, оглядел сидящий люд и громко выдохнул:

— Хозяин, какого каина нас не встречаешь? Гвардия хочет гулять!

Посылая проклятья на всю армию Китона и гвардию в частности, трактирщик быстро выскочил из своего угла и, натянув улыбку, подскочил к вошедшим.

— Зачем шуметь, доблестный Шара? — с удивлением спросил он, показывая на крепкий стол в самом углу трактира. — Разве Кармак хоть кого-нибудь еще не встретил как надо? Нет! Все знают, что у меня самое лучшее пиво, вино и мясо! Вот здесь все готово! Все уже давно ждет доблестных гвардейцев!

Лейтенант Шара, среди врагов и друзей известный, как Каменная башка, буркнув что-то в ответ, упал на лавку. Его зубы, как клыки дикого зверя, сразу же начали рвать мясо косули.

— О, наш каменнолобий, нашел себе занятие! — заорал один из его товарищей, плюхаясь рядом. — Хозяин, а где вино? Я не вижу вина? Каин тебя забери, тащи сюда самого лучшего вина!

Через некоторое время, когда их стол начал ломиться от расставленных чашек с едой и питьем, между гвардейцами завязалась странная беседа. Необычного в ней было то, что хорошо набравшиеся гвардейцы обсуждали ни много ни мало, а переворот.

— Башка, к тебе уже подходили? — громко спросил один из гвардейцев, бросая в сторону обглоданную кость. — Ты взял золото?

Казалось, вопрос был не услышан и Шара невозмутимо продолжал вгрызаться в кабанью ногу. Густой жир медленно стекал по его подбородку, оставляя на коже длинный жирный след.

— Я тебя спрашиваю, Башка? — не мог успокоиться гвардеец, переваливаясь через стол. — Ты с нами? Или тебе этого мало?

Наостривший уши, трактирщик осторожно отступил назад, в сторону массивного дубового шкафа. Огромный опыт его не подвел...

— Ты, карпанье дерьмо, спрашиваешь меня? — глухим голосом выдал Шара, отрываясь, наконец, от мяса. — Спрашиваешь, взял ли я проклятое золото? Да?! На!

Крупный волосатый кулак без всякого замаха влетел в нос неугомонного гвардейца. Тот успел лишь охнуть перед тем, как сползти на пол. Размазывая кровавые сопли, он ворочался

где-то под столом, пытаясь встать.

— Вот мой ответ всем, кто решил предать короля! — потрясая кулаками, вскочил Каменная башка. — Любому вырву его никчемушное сердце и сожру сырым!

Килиан шел в самый дальний конец города, где издавна располагался цеха забойщиков мяса, и недоумевал, почему учитель решил дать ему задание в таком странном месте. Искомое место было несложно узнать — страшное зловоние накрывало почти всю территорию забойщиков.

— Учитель, я здесь, — окликнул Килиан проповедника, стоявшего в компании с той самой девушкой — Зарой. — Что у нас на сегодня?

— Не спеши, ученик, — усмехнулся некромант, узнавая в юноше себя в его годы. — Знание не терпит беготни и неразберихи. Сегодня мы пойдем в самое сердце квартала мясников.

До невысокого здания они добрались примерно в полдень. Здесь Килиан окончательно понял, что ранее почуянное им зловоние, было нежным ароматом весенних цветов. Вокруг деревянного покосившегося дома высились горы костей с гниющими на них шматками мяса. Десятки облезлых псов возились в мусоре, выискивая добычу покрупнее.

— Что, непростой запахок? — спросил Керн, глядя на сморщившегося Килиана. — Привыкай, запретное знание пахнет, отнюдь, не амброзией! Вперед, в дом!

Внутри оказалось довольно просторно. По всему помещению висели масляные лампы, бросавшие кроваво-желтые блики на стены. Сам пол, собранный из плохо пригнанных друг к другу досок, был покрыт широкими бурыми разводами. Чувствовалось, что животных здесь забивают часто и много!

— Пришло время спросить тебя, Килиан, об одной вещи, — Керн занял место в самом центре помещения. — Осознаешь ли ты тяжесть своих поступков и готов ли отвечать за них? Добровольно ли ты выбираешь стезю Великого Некроса?

Килиан, опешивший от такой странной обстановки и прямо заданных непростых вопросов, не спешил с ответом.

— Подумай, маг, что тебе может открыться на пути познания Великого Некроса? — продолжал Керн, внимательно наблюдая за реакцией ученика. — Запретное знание откроет перед тобой просто безграничные возможности в магии. Ты узнаешь настолько удивительные вещи, что весь остальной мир просто померкнет перед тобой! Готов ли ты вступить в новое братство — братство Великого Некроса?

Волшебные слова об удивительных возможностях, таинственном знании ложились на благодатную почву юношеского сознания. В этот самый момент сомнения Килиана начали исчезать. "Это совершенно другой мир, — безнадежно тонул маг в глазах некроманта. — Это иная сторона знания! Кто сказал, что она плохая или хорошая? Кто назвал это знание запретным? Оно же может помочь всем людям, а магов сделать более сильными".

— Да, учитель, — с удивлением Килиан услышал свой голос. — Я согласен посвятить себя служению Великому Некросу! Я, Килиан, магистр первого круга огненной стихии, добровольно и в полном сознании готов пройти посвящение...

Еле скрывая свое возбуждение, Керн медленно вытащил из глубин своего плаща какой-то сверток. Шурша ветошью, он с благоговением обнажил длинный клинок с крупным синим камнем.

— Как же давно сердце Некроса не видело дневного света, — прошептал он, нежно поглаживая холодный металл. — Думал и не увижу... Ничего, ничего, скоро все

измениться...

Вдруг, некромант дернулся и оказался за спиной девушки. Ничего не успев понять, Зара оказалась на коленях. Спутанная заклинаниями и не в силах пошевелиться, она лишь глухо рычала и с ненавистью зыркала по сторонам.

— Возьми клинок, ученик! — торжественно проговорил некромант, протягивая ритуальный предмет. — Великий Некрос ждет от тебя жертвы! Это клинок последнего посвященного — Верховного стига, который владел половиной этого каинова мира! Лишь кровь, живая кровь откроет тебе твое новое имя! Только через кровь ты станешь посвященным и одним целым с Великим Некросом! Возьми и сделай! Давай!

Расширенными глазами, Килиан смотрел на клинок и ни как не мог его взять в руки. Только сейчас до него стал доходить весь ужас происходящего. "О, Светозарный Митра! — ошеломленно думал Килиан. — Что же я наделал? Как же я мог? Я — некромант?! Нет! Нет! Нет! Я же хотел не этого!"

Не заметив заминки или не придав ей значение, Керн подошел ближе и сам вложил клинок в руку ученика.

— Не бойся, Килиан, — легонько направляя его руку к горлу жертвы, прошептал некромант. — Эта жертва необходима... Ей не будет больно.

Острые слегка коснулось шеи, заставив девушку побледнеть. Рубиновым ожерельем на белоснежной коже, выступила кровь! Воздух вокруг магов неожиданно уплотнился и превратилось в густой кисель... Стало трудно дышать. Потом зашипела кровь, покрывающая пол и стены. Крошечные голубые молнии наполнили пространство.

— А-а-а-а-а! — неожиданно закричал Килиан, отталкивая учителя от себя и бросая клинок в сторону. — Нет! Никогда! Прочь от меня! Я не хочу быть некромантом!

— Стой! Не прерывай ритуал! — словно безумный заорал некромант, бросаясь за летящим клинком. — Ты убьешь нас всех!

Его слова потонули в мощном взрыве, буквально разметавшем как кегли человеческие фигурки. Проломивший своим телом стену, Килиан сразу же вскочил и понесся как угорелый прочь от этого места.

— Не уйдешь, не уйдешь, — хрипел Керн, выплевывая густую кровь. — От меня еще никто не уходил. Всех подниму на ноги! Все в каиновом городе будут искать тебя, чтобы сжечь на костре! Стража, гвардия, маги... Ха-ха-ха-ха!

Свою угрозу Керн воплотил в жизнь уже к полудню...

Неприметный гонец в сером балахоне, крепко держа холщовую сумку, устремился в верхний город. Его целью был высокий особняк, раскинувшийся на четверть квартала.

— Господин Илириус Зенон никого не принимает, — даже не глядя на постучавшего в ворота, внушительно произнес привратник. — Все вопросы к секретарю королевской академии.

Бросив это, он попытался закрыть ворота.

— Нарушены правила Великого равновесия! — негромко проговорил посланник, придерживая створку. — Килиан Барторий.

— Что?! — удивленно переспросил привратник, переходя на шепот. — Нарушены правила Великого равновесия?! Этого не может быть! Некромантов же не осталось!

Несколько мгновений он переводил взгляд с посланника на протянутое им письмо и не шевелился.

— Лучезарный Митра! — пораженно проговорил он, хватая письмо. — Надо срочно

сообщить первому магистру!

Из услышанного на рыночной площади...

Худолицый глашатай покраснел так, словно его при всех собравшихся уличили в чем-то особо противоестественном. Сначала щеки, потом лоб и даже подбородок приобрели ярко красный цвет. Руки, державшие пергамент слегка дрожали.

— Все собрались, — толкнул его в грудь посланник в расшитой золотом ливрее. — Начинай!

— Жители и жительницы Китона, благородные и простые, — наконец-то собрался с мыслями глашатай и вновь развернул пергамент. — Слушайте и передайте тем, кто не услышал! Послание Верховного конклита!

Рыночная площадь, за мгновение до этих слов исходившая зудом любопытства, громко охнула и вся превратилась в одно большое ухо. Ни разу за последние полтора столетия Верховный конклит не обращался к простым жителям...

— Жители Китонского королевства, за противоестественное занятие магией некроса разыскивается магистр первого круга огненной стихии Килиан Барторий! Любому, кто сообщит сведения о его местонахождении или приведет одного мага на суд Верховного конклита, королевское казначейство выплатит пятьдесят полновесных золотых монет.

По толпе прокатился еще один вздох, в котором можно было угадать целый сонм эмоций — от ужаса перед некромантами и их деяниями и до восторга перед столь огромной суммой.

— Ой, что же теперь будет с нами? — взвизгнула, вскинув руками, торговка рыбой. — Куды же теперь податься?

— Молчи, дура, — буркнул на нее сосед. — Куды, куды?! Стой на месте и торгуй своей рыбой! Никто не даст магу долго гулять на воле...

— Ведут! Ведут! — стал быстро растекаться крик по узким улочкам города.

Горожане, позабыв про свои заботы, напряженно всматривались в темную громадину столичной тюрьмы, угрюмой скалой возвышавшейся над кварталом.

— Где же они? Куды же запропастились? — приплясывал от нетерпения румяный булочник. — Может гвардейцы мимо ратуши пошли... Так, там дальше получится.

— Да, нет! — прервал его размышления стоявший рядом кузнец. — Тута пойдут! Здесь до дворца один шаг...

— А я слышал почтенные, — вмешался в их беседу маленький как гном старичок, до этого настороженно зыркавший по сторонам. — Его (при этом он многозначительно поднял палец кверху) могут освободить. Да!

Булочник, выпучив от удивления глаза, зафыркал, как рассерженный барсук.

— Не может быть! — отдышавшись, возразил он. — Наша гвардия никогда не допустит этого!

— Гвардия! — презрительно сплюнул на брусчатку, кузнец. — Гвардия уже давно не та. Они только и горазды, чтобы подолы бабам задирать. Вот я помню во времена Кусконского вторжения.

— Да вон же они! — заорал кто-то прямо под ухом. — Ведут!

Из-за угла здания показалась четверка гвардейцев. Закованные с ног до головы в сталь белоснежных доспехов, они казались существами иного мира. Массивные алебарды, по

слухам, выкованные из небесного металла, были опущены вниз, словно вот-вот раздастся яростный вопль и атакующая толпа ринется вперед. Следом за ними мерно вышагивали маги, своими плащами сметавшие дорожную пыль. На лицах, традиционно излучавших высокомерие и презрение ко всем окружающим, на этот раз поселился страх. Длинные тонкие пальцы судорожно сжимали боевые посохи, кристаллами направленные на пленника, а губы непрерывно повторяли защитные магические формулы. В самом хвосте вдобавок двигался конный отряд гвардии, с обнаженными мечами.

При приближении процессии люди в толпе замолкали. Казалось, ужас не только поселился в душах солдат и магов, но и охватил всех собравшихся горожан. Дородные мамы, боявшиеся сглаза, прятали за широкими юбками своих младенцев, а детям постарше закрывали глаза. Почтенные бюргеры, толпившиеся у самой края дороги, старательно отводили глаза и шептали слова молитвы. Лишь молодежь — девицы и парни — поднимались на цыпочки и высматривали того, кого вели на казнь.

Главный виновник этого переполоха шел с высоко поднятой головой, словно он не всеми презираемый преступник, а предводитель всего шествия. Бесформенный черный балахон, расшитый магическими формулами принуждения и повиновения, хорошо скрывал его фигуру. Правда, позднее, кое-кто из юных горожанок шепотом будет рассказывать о горящих небесным пламенем глазах, иссиня черных волосах, небрежными прядями ниспадавших на плечи...

Двигавшийся в полном молчании отряд остановился около высоких ворот, ведущих на дворцовую площадь. Трое гвардейцев, вышагивавших первыми, нерешительно топтались на месте, пока высокий сержант осторожно приоткрывал створку ворот.

— Господин капитан! — вдруг крикнул он. — Вы должны это видеть...

Один из конных рысью пролетел расстояние, отделявшее его от сержанта.

— Что за остановка? — прорычал капитан, снимая шлем с роскошным плюмажем.

Спрыгнув с коня, он раздраженно оттолкнул сержанта от ворот и открыл их настежь.

— О, лучезарный Митра! — раздался его возглас. — Всем назад!

Гвардейцы, ошетилившись железом, стали медленно отходить назад. Всё пространство, известное каждому столичному жителю как дворцовая площадь, было заполнено людьми, что-то яростно выкрикивавшими.

— Сержант! — зло заорал капитан. — Откуда взялось это каиново отребье?!

— Господин капитан, это фанатики Единого бога! — испуганно пробормотал сержант. — Я слышал, что преподобный Керн поклялся разорвать нашего пленника на части и скормить их крысам.

— Гвардия, в круг! — взревел капитан, размахивая мечом. — Вы (ткнул он в пеших солдат и магом) к пленнику! Сейчас, это быдло узнает, как вставать на пути гвардии!

Вдруг, воздух прорезал пронзительный звук горна. Толпа замерла, в недоумении уставившись на дворец. Окованные красноватой бронзой створки медленно открылись, и дворцовое нутро извергло металлическую змею. Сотни и сотни солдат, закрывшись ростовыми щитами, врезались в людей. Рослые легионеры дворцовой стражи, не сдерживаясь рубили и кололи, заливая площадь алой кровью беснующейся толпы. Раздавшиеся в ответ ругань и проклятия их нисколько не трогали, ведь они служили лишь королю и никому больше.

Чуть больше часа понадобилось страже, чтобы очистить от фанатиков широкий проход, достаточный для безопасного прохождения конвоя.

— Вперед! — отдал приказ капитан, довольно усмехнувшись. — Смотри, некромант, как украсили площадь к твоему приходу!

Пленник вздрогнул, когда услышал, как его назвали, но так и не проронил ни слова. Он молчал даже тогда, когда шел по ковру из порубленных и стонавших тел, покрывавших площадь. Казалось, ничто не могло поколебать его спокойствие...

— Проклятый некромант! — с пеной у рта орал плюгавенький мужичок, пытаясь протиснуться между двумя дюжими стражниками. — Убирайся в преисподнюю! Подожди и мы отправим тебя вслед за тварью — твоей женой!

— Отродье дьявола! Сгинь! Сгинь! — визжала как резанная растрепанная простолюдинка, раз за разом бросаясь на стену щитов. — Я все равно до тебя доберусь!

Дворцовая стража с трудом сдерживала беснующуюся толпу, укрощая самых ретивых ударами мечей.

— Опомнитесь, воины! — проникновенно вещал красномордый проповедник, усевшись на плечи двух бочкообразных мужиков. — Кого вы спасаете?! Это же исчадие ада! Посмотрите на его руки. Они в крови безвинных чад! Воины, подумайте о ваших семьях! Что с ними будет, когда придут мертвые! Поверните ваше клинки...

— Да заткните кто-нибудь эту морду! — в сердцах воскликнул капитан, увидев, что некоторые солдаты стали в нерешительности оглядываться назад. — Вперед, вперед, паскудное племя!

Подгоняемый рыком капитана, конвой устремился к дворцу. Последние метры были пройдены под градом камней и палок, щедро осыпаемых толпой.

— Наконец-то, все! — пробормотал сержант, с вздохом снимая тяжелый шлем. — Мы дома!

Парадная лестница дворца была заполнена до предела: офицеры, придворные, маги — все негодующе смотрели на конвоируемого.

— Ввести обвиняемого! — гулко загремел величественный голос. — Уважаемые члены Верховного Конклита, мы собрались с вами, чтобы принять тяжкое решение — осудить нашего бывшего коллегу. Никогда до этого дня, никогда за всю более чем тысячелетнюю историю Конклита под сводами королевского дворца не судили магистра!

Первый магистр Верховного Конклита Илириус Зенон замолчал. Его влажные от слез глаза были устремлены на дверь, из которой появился бывший пленник. Вокруг него, по-прежнему, вышагивали сопровождающие маги и четверка гвардейцев-латников.

— Я с великим прискорбием оглашаю его имя... — после небольшой паузы продолжил первый магистр. — Килиан Барторий, магистр стихии огня первого круга. Уважаемые магистры, мне сложно говорить. Килиан был одним из моих учеников и без преувеличения лучшим учеником!

Он вновь бросил взгляд на обвиняемого и покачал головой.

— Но ересь, чудовищная ересь должна быть уничтожена в самом её зародыше! — его голос приобрел фанатичные нотки. — Надо выжечь её огнем! История не должна повториться! Согласен ли со мной Верховный Конклит?!

— Да! — высокие своды дворца огласил яростный рев собравшихся. — Да!

Килиан стоял в самом центре зала, вокруг которого в ввысь поднимались ряды громадного амфитеатра. Его лицо, которое уже не скрывал капюшон балахона, было бесстрастно. Казалось, его уже ничто не заботило, и он со всем смирился.

— Магистр Килиан! Уже бывший магистр Килиан, — гневно начал Илириус Зенон. —

Покусился на устои Верховного Конклита, которые незыблемы уже тысячелетие! Он посмел нарушить правила Великого равновесия!

Негодующий вздох волной прошелся по рядам магистров.

— Любой, даже самый последний недоучка-школяр магической школы знает, что правила Великого равновесия составляют основу нашего бытия. Мы все существуем в мире только лишь благодаря им! — все больше заводился первый магистр. — Да как ты мог?!

Костлявый палец разъяренного мага был устремлен прямо на Килиана.

— Ты, самый успешный маг Огненного ордена, лучший магистр первого круга! Как ты посмел проявить преступное любопытство?! Как вообще могло такое тебе прийти в голову?!

Не дождавшись ответа, Илириус Зенон повернулся к богато украшенной ложе, где находилось остальное руководство Верховного Конклита.

— Я прошу Первого магистра Ториана Пияту приступить к допросу, — произнес он.

На выступающей вперед трибуне появился невысокий плотного телосложения человек. Маленькие глазки и чуть выдающаяся челюсть, густо поросшая рыжеватой щетиной, придавали ему вид дикого вепря. Он взмахнул рукой, призывая собравшихся к молчанию, и произнес:

— Верховный Конклит! Я Первый магистр Ториан Пияту клянусь Светлым Митрой, что буду честно и справедливо исполнять свои обязанности Великого судьи! Итак, обвиняемый встаньте и назовите ваше имя и магический ранг!

Медленно поднявшись, Килиан четко и громко произнес:

— Мое имя Килиан Барторий. Я магистр стихии огня первого круга.

— Ответьте, знакомы ли вы с правилами Великого равновесия?! — продолжал Великий судья.

— Да! Мне известны древние законы, именуемые как правила Великого равновесия, — невозмутимо отвечал Килиан. — Да не поднимет маг руку на мага. Да будет проклято и забыто мертвое знание. Да будут незыблемыми магические стихии...

— Хорошо. Значит, вы подтверждаете, что знакомы с данными правилами, — подытожил Ториан Пияту. — Но, известно ли вам, что нарушение правил Великого равновесия карается Верховным Конклитом?!

— Да, Великий судья! Я, как и любой поступавший в магическую академию, был ознакомлен с тем, что данные правила неприкосновенны! — так же твердо отвечал Килиан.

— Значит, вы и это подтверждаете, — голос судья, казалось, лучился благодушием и состраданием. — Прекрасно! А нарушали ли вы данные правила? Отвечайте Верховному Конклиту, ничего не скрывая!

— Мне нечего скрывать и нечего стыдиться! — глядя ему прямо в глаза, сказал Килиан. — Я подтверждаю, что своими действиями нарушил правила Великого равновесия.

— Вот, уважаемые магистры! — торжествующе обратился к собранию Великий судья. — Обвиняемый сам признал, что виновен.

— Нет! Тысячу раз нет! — раздался протестующий вопль обвиняемого. — Я нарушил правила. Да! Нарушил! Но я не виновен!

Зал словно взорвался. Возмущенные маги вскакивали со своих мест и призывали проклятия на его голову.

— Да, как он смеет!

— Трус! Признай свою вину!

— Проклятый мертвец!

— Да! Я не виновен! — не обращая никакого внимания на бушующее у его ног собрание, продолжал Килиан. — Вы, обличенные властью "решать и судить"... Вы обвиняете меня в том, что я угрожаю миру и разрушаю ваше прекрасное будущее. Оглянитесь! Вы успешно справились и без меня! Своей упрямой близорукостью, своим тупым следованием древним традициям, вы уже вырыли всем нам могилы. В магических школах и академиях Китона поселилось невежество, маги и их воспитанники превратились в тупых подражателей некогда великого искусства! Своими путями, словно мерзкие пауки, вы опутали все королевство, не давая вырваться истинному знанию. Где они, юные маги, стремящиеся познать тайное?! Где их опытные наставники, владеющие секретами мироздания?! Посмотрите вокруг! Сколько магических школ было открыто за последние сто лет? Какими стихиями мы овладели? Какие магические формулы были раскрыты? Ответ на все это один! Нет, нет и ещё раз нет!

— Хватит! — возмущению первого магистра не было предела. — Ты посмел в своих грехах обвинить Верховный Конклит.

Казалось, еще мгновение и его хватит удар.

— Значит, ты сам выбрал свою судьбу! — отдышавшись, проговорил первый магистр.

Он с кряхтением выпрямился и, с вызовом посмотрев на собравшихся, выкрикнул:

— Мое слово — Око Драконта!

Зал замер. Тихий шепот побежал по рядам.

— Око Драконта наследие Проклятой империи.

— Невиданный по силе артефакт.

— Ворота во тьму.

Подсудимый с удивлением посмотрел на магистра Зенона. Он не мог поверить, что бывший наставник, с малолетства опекавший его, произнес эти слова.

— Нет, нет. Этого не может быть, — в полной прострации бормотал Килиан. — Только не это.

Ошарашенным выглядел и второй магистр. "О чём это он говорит? — размышлял потрясенный Торинат Пияту. — Он хочет разбудить Око... и приговорить еретика к вечным мукам. Старый совсем выжил из ума! Даже преступивший правила не должен так страдать".

Однако, зал уже шумел. Брошенная в сердцах фраза обрела новых сторонников и зазвучала по-новому. Сначала, поднялись магистры левого крыла, где заседали повелители стихии огня и воды, затем встали маги земли и воздуха. Все громче и громче они повторяли два слова:

— Око Драконта. Око Драконта. Око Драконта.

Глухо раздались три удара и шум стал стихать. Первый магистр отложил в сторону молоток и торжественно произнес:

— Верховный Конклит сказал свое слово. Да пробудится Око Драконта!

Окончательно потерявшего дар речи, Килиана подхватили под руки и потащили в дворцовое хранилище, которое столетия служило магической сокровищницей. "Как же такое могло случиться? — проносилось в его голове. — Я же ни в чем не виноват! Я же не сделал ни чего плохого! Этого просто не может быть! Нет, нет! Я лишь хотел знать! Лишь познание нашего мира было моей страстью!".

Пришел в себя он лишь у алтаря. Сокрытый от глаз непосвященных древний артефакт предстал перед ним во всей своей красе. Массивный, покрытый заворазивающей вязью, постамент блестел так, словно десятки рабов ежедневно натирали его до умопомрачения.

Прямо над ним висело чуть вибрирующее Око.

Четыре магистра синхронно вскинули руки вверх и помещение заполнил магический Зов. Монотонный речитатив мужских голосов создавал в воздухе причудливое плетение магии.

Око Драконта проснулось... Кроваво алое пламя начало пульсировать с бешеной скоростью, втягивая в себя все новые и новые порции магической энергии... Вдруг, лица магов, стоявших в ритуальном круге, исказила гримаса боли...

— Бросайте его! — не в силах больше терпеть, закричал Илириус Зенон. — Бросайте!

Перед Килианом мелькнуло перекошенное лицо гвардейца и юный маг отправился в небытие.

Око, получив новую жертву, полыхнуло с новой силой. Помещение заполнил яркий свет, оставивший после себя лишь смятые балахоны высших иерархов. Верховный Конклит ошибся в очередной раз, осудив невинного на смерть.

Лес видел пожары и пострашнее, чем разыгравшийся в это утро. Бывало, едва тлеющий огонек превращался в огненный шторм, который оставлял за собой только обугленные стволы деревьев и тушки животных, а то и людей. Такой пожар мог бушевать неделями, превращаясь для окрестных жителей настоящее бедствие. Этот же, ничем не напоминая своих собратьев: не было ни вздымающегося вверх пламени, ни высушивающего жара, ни треска горящих деревьев. Он возник словно из неоткуда. Сначала утреннюю поляну потряс мощный хлопок, а затем все вокруг залило необычным ярко-зеленым пламенем. Все, до чего он бы не дотягивался (деревья, кустарники и трава), с противным шипением начинало обугливаться и превращалось в прах.

В самом центре пепелища, оставленного стремительно потухшим пламенем, лежало скрюченное тело. Нелепо раскинутые руки, во множестве мест прожженный черный балахон придавали человеческой фигуре немного комичный характер. Казалось, уставший комедиант после своего представления решил прилечь...

Пробуждение было ужасным. Еще не успев открыть глаза, Килиан уже почувствовал страшную боль. Все тело нестерпимо ломало, судороги раз за разом пронзали конечности.

— А - А — А! — еле слышно он простонал, загребая пальцами землю. — А — А - А! З: что же мне это?!

Он попытался встать на колени, но лишь со второй попытки ему удалось это сделать. Тяжело вздохнув, Килиан огляделся. Он оказался в самом центре покрытой пеплом поляны, окруженной со всех сторон обугленными стволами деревьев. Кругом была чернота: черная, оплавленная земля, тлеющие деревья и даже воздух, казалось, бы пропитан сажой и гарью.

Вдруг, Килиан сложился пополам и, обхватив голову руками, дико захохотал:

— Ха — ха — ха! Замшелые пни! Ученые тупицы и бездари! Сотни лет страха и преклонения и что?! Ха — Ха — Ха!

Он никак не мог успокоиться. Дрожь, переходящая в всхлипы, сотрясала его тело.

— Неучи! Пугали нас Оком Драконта! Ха — ха — ха! Оком Тьмы?! Да, это же дверь! Обыкновенная дверь!

В конце концов истерика кончилась и он побрел прочь от этого места.

"Так, куда же я попал? — недоуменно вертел Килиан головой, пробираясь по лесу. — Ясно одно — это не Китон! Это вообще, другой мир!"

Время от времени молодой магистр отводил от себя гибкие ветви, норовившие хлестнуть его побольнее. "Деревья, трава, воздух — мучительно он размышлял. — здесь все другое... Где же я очутился? О, Светозарный Митра, куда же ты меня забросил?!".

Так, бормоча себе под нос, Килиан не заметил не только, как закончился лес, но и как совсем рядом возник небольшой бревенчатый дом. Крытая потемневшей от непогоды соломой избушка внешне была очень похожа на жилище простолюдинов в Китоне. Единственным отличием, пожалуй, было лишь странное прозрачное вещество, покрывавшее окна. Сначала, он принял его за тонкие пластинки олова, мастерски натертые до блеска, однако при приближении ему пришлось признать с вою ошибку.

— Хм! Какая прекрасно выполненная иллюзия! Даже в королевской академии найдется мало магов, способных повторить такое — завистливо проговорил Килиан, пытаясь одновременно просунуть туда руку. — О! Настоящее!

— Ti sto eto, pascudnik, rukoi tikaes? — неожиданно раздалось у него прямо под ухом. — Steklo raskoles!

На онемевшего от испуга магистра надвигалась разгневанная бабулька, размахивавшая какой-то ветошью.

— Na tebe, na! — успела она его несколько раз стегнуть, пока он не отскочил. — Upraw! na was ni kakoi net!

Разглядев, наконец, что женщина была бедно одета и ни как не могла быть знатного рода, Килиан возмутился:

— Ты, старуха, совсем ослепла что ли?! Не видишь кто перед тобой?!

Расправив свой балахон, он гордо произнес:

— Я, Килиан Китонский, магистр огненной стихии первого круга! Узнала, наконец-то?

Реакция бабки была совершенно не похожа на ту, на которую рассчитывал Килиан. Женщина зачем-то руками уперлась в свои бока и стала пристально рассматривать...

— Ва, ne nas! — всплеснув руками, воскликнула она. — Na nemzuru proklatu! ne pohos wrode... Moset is ewakurowannih? Ti, sinok, prosti duru staruj!

Килиан вскинул руку, останавливая словесный поток бабушки. Было ясно, что разговор так больше не может продолжаться.

— Похоже, придется подучиться местному наречию. Вот только слаб я после перехода и сил может не хватить.

Формула обучения незнакомому языку всплыла сама собой; оказалось, не зря ее заставляли повторять до автоматизма еще на школьной ступени. Напевно произнесенное предложение на языке Ушедших, общепринятом в Китоне языке магии, заставило старуху сначала вздрогнуть, а потом схватиться за голову.

Буквально через мгновение Килиан уже пробовал произнести первые слова. Местное наречие, казалось ему, неприятным и каким-то ломанным.

— Я, Килиан, магистр огненной стихии первого круга. Теперь, ты меня понимаешь, женщина?!

Вздрогнувшая было от удивления, бабушка быстро справилась с собой и пробурчала:

— Ну, вот и заговорил ясный сокол, а то вздумал пугать меня Ты смотри больше не балуй! Как там говоришь зовут то тебя? Кирьян, что ли?

Бабка подошла поближе и стала рассматривать одежду молодого мага. Она ее, почему-то сильно развеселила.

— И из каковских ты, касатик, будешь? — ухмыльнувшись, спросила женщина. — Судя по одежке, бежишь, откуда-то?

Килиана странное незнание старухи смутило. Вбитое в него с детского возраста почтение к магическому искусству и его адептам, казалось, было совершенно не известно этой странной женщине. "В любом мире маг должен пользоваться всеобщим уважением, — подумал магистр. — Может она не очень хорошо слышит?".

— Магистр, я! Специальность — огненная стихия первого круга.

Взгляд бабушки стал более осмысленным.

— Магистр?! Стихия первого круга?! Учитель что ли?! Значит, о природе детишкам в первом классе рассказываешь Хорошее это дело детишек учить, сынок! Как же это ты к нам попал? Вон оборванный весь, грязный да худющий какой!

Маг понял, что его приняли за учителя начальной школы. "Учитель, начальная школа, — размышлял он, слушая бабушку. — Выходит, здесь очень многое, как у нас. Тогда

подождем и не будем спешить. Кто знает, как здесь относятся к магам?!".

— Да, бабушка, ты права, — медленно, словно ему было тяжело вспоминать, произнес Килиан. — Я учитель, и могу сказать, что хороший учитель! Но на моей родине идет война, и мне пришлось бежать отсюда (он был уверен, что в этом мире тоже где-то могли воевать и при некотором везении ему удастся сойти за беженца из тех мест).

— Ой, сынок! — беря его за руку, всплакнула старуха. — Да знаю я, знаю! Ироды эти и к нам приезжали... Митрича с сыном забрали, да коровку ихнюю постреляли. Меня вот не тронули. Да, что с меня то взять! Одна я век векую. Из живности у меня, вон только Буян да Мурка...

— У-у-у проклятущие! — пригрозила старуха сухоньким кулачком в сторону околицы. — Ироды, чтоб вам на свете тяжело стало!

В дом Килиан шел медленно, придерживая за руку расчувствовавшуюся бабульку. Она ему что-то рассказывала о своей жизни, но он толком и не слушал. Просто молодой маг был поражен, как какой нежностью и теплом эта женщина к нему обращается. "Она видит во мне не попрошайку, бегущего от военной разрухи и смерти, а своего, родного человека, которому надо помочь несмотря ни на что, — размышлял он. — И дело здесь, похоже, совершенно не в страхе перед магической карой. Кажется мне посчастливилось в этом богом забытом месте встретить настоящую, искреннюю доброту!".

— Ой, чего же это я стою то, как на свадьбе?! — очнулась бабка от переживаний. — Ты поди как и голодный?! Вон, щек то совсем нет! Иди-ка, помойся. Воды вон у печки возьми; седня только грела. Я пока на стол соберу кой чего.

Килиан мылся долго, фыркая от наслаждения, смывая с себя многодневный пот и грязь. После он оделся в приготовленное старухой стиранное-перестиранное, но новое трепье и превратился в простолюдина. По крайней мере, когда маг нагнулся над кадкой с водой, оттуда на него посмотрел не некогда многообещающий китонский магистр, а какой-то селянин, будто только что пришедший с огорода.

— Вот и славно! — все таки нашел в себе силы чтобы улыбнуться Килиан. — Здесь мне нельзя выделяться!

За едой бабушка не могла нарадоваться на своего Кирьяна, как она его стала теперь называть.

— Кушай, кушай, Кирюша, — ласково говорила она, подвигая к нему то одно, то другое. — Исхудал весь. Ничего, поживешь у меня. Вон по хозяйству поможешь, а если что случится, то в погребе спрячешься!

Килиан ел медленно, с настороженностью поглядывая на незнакомые блюда. Особенно ему понравился странный сероватый плод, похожий на яблоко. На изломе он рассыпался желтоватой и сытной мякотью. Бабка называла его чудным словом "бульба".

Неожиданно его обед прервали. С улицы послышалось какое-то непонятное тарыхтение и еле слышные человеческие голоса. Старушка подскочила, как ошпаренная и с отчаянием заголосила:

— Кирюша, сынок, давай ховайся в погреб! Снова эти ироды приехали...

Однако он не успел даже привстать, как входная дверь распахнулась от мощного пинка. В комнату буквально влетели два дюжих человека в странной мышинового цвета одежде и настороженно уставились на Килиана.

— Кто это есть, бабка? — грозно пролаял первый, тыкая в мага непонятной палкой. — Это есть партизан?! Бистро!

Старуха затараторила, одновременно стараясь закрыть Килиана собой:

— Да який же это партизан? Племяш это мой. Из города прибыв недавно. Говорит голодно там, вот и двинул сюды...

Второй солдат выдернул Килина из-за стола и заорал ему прямо в лицо:

— Pariren, schnell! Где твои бумаги? Отвечай, ты партизан?

Бабка вновь попыталась влезть между ними, но после резкого удара отлетела в самый угол дома, где и затихла. Килиан остолбенел. "Этот мир ничем не отличается от моего, — тяжело ворочалась страшная мыслишка. — Зло везде! Оно словно многорукое чудовище проникает повсюду."

— Halt! — заорал второй солдат, пытаясь остановить дернувшегoся Килиана. — Halt!

Последним, что запомнил молодой маг, был резкий хлопок, мгновенно сменившийся мучительной болью.

Вырванная страничка из армейского дневника рядового Ганса Мольтке: 22 июля случайно свернули с дороги и выехали к каким-то покосившимся домишкам. Нам несказанно повезло! Тут жили такие куркули. О! Мы доверху загрузили наш броневик превосходным шпиком, яйцами и молоком, а старика с сыном, пожалевшим доблестной германской армии чуточку продуктов, забрали с собой. Ха-ха-ха!

23 июля опять наведались в то село. Этим русским свиньям снова не хватило ума спрятаться! Курт и в этот раз повеселился на славу. Я поражаюсь, как он ловко управляется со своим карабином. Так мастерски стрелять во всем полку, пожалуй, никто не сможет! "Иван" только дернулся, а в груди уже дырка. Наш унтер говорит, у Курта талант!

Злоба душила Килиана, быстро шагавшего по лесной дороге. "Как же это так? За что? — раз за разом спрашивал он себя. — За что нужно было ее убивать? Она, что кому-то угрожала? Эта сухонькая бабушка, которую вполне мог унести сильный порыв ветра, кого-то могла испугать?"

Не в силах больше терпеть, он закричал:

— Я, Килиан, магистр огненной стихии первого круга, клянусь, что они будут умирать так, как никто еще не умирал в этом мире! Они будут выть, умоляя, чтобы я позволил им умереть.

Первый шаг к исполнению своей клятвы он смог сделать уже через несколько минут, когда вышел к огромному полю.

— О Светозарный Митра, что за сражение здесь было? — не в силах сдержать чувств, воскликнул маг. — Уж не боги ли сошли здесь с неба, чтобы выявить самого сильно из них?

Не раз сталкивавшийся с тем, что оставляла после себя война в Китоне, Килиан был поражен до глубины души увиденным. Поле было перепахано многочисленными воронками, словно непрерывно, изо дня в день, сотни катапулт посылали в него гигантские шары. Только как ни крутил по сторонам головой, самих каменных снарядов он так и не обнаружил.

Чуть в стороне прокопченными громадинами, дерзко тянувшими свои хоботы в сторону, возвышались груды металла, о назначении которых маг мог только догадываться. Он настороженно бродил вокруг них, время от времени прикладывая к потемневшему железу руку. Казалось, тепло до сих пор теплилось в них, и непонятные монстры ждали лишь приказа.

— Это, несомненно, повозки! — бормотал, пораженный величественным зрелищем, Килиан. — Повозки!. Вон колеса, маленькая дверца. Но почему тут столько металла?!

Столь расточительное отношение к железу ему было непонятно. В Китоне каждый грамм даже самого плохонького металла, едва выплавленного ремесленником, мгновенно раскупался проезжими торговцами. Продукция же гномьих мастеров вообще была по карману лишь самым знатным в королевстве.

— Сколько железа! — не мог успокоиться маг. — Сколько выброшенного на ветер железа!

Некоторые громадины выглядели так, словно великан с палицей молотил по ним изо всех сил. Чудовищно скрученные трубы, сквозные дыры, оторванные куски металла.

Недалеко от застывших повозок вповалку лежали человеческие тела. Казалось, смерть примирила недавних противников: зеленая форма смешалась с серой, кровь с землей. Но Килиан всем телом ощущал острый запах ненависти, идущий от этого места.

— Нет! — прошептал он, слегка качая головой. — Нет! Тут далеко не так все просто! Похоже, этих людей даже смерть не может избавить от ненависти друг к другу.

Он молча стоял и смотрел вниз... Молоденький солдат с жутко перекошенным лицом даже после смерти продолжал грызть своему врагу горло.

— С такими солдатами я раздавлю их, как тараканов, — зловеще усмехаясь, проговорил маг. — Зло будет само бороться со злом. Хватит оглядываться! Долой переживания и осторожность! Да восстанут мертвые из земли и станут живые прахом!

Килиан вздел руки к небу и забормотал магические формулы призвания... Земля под его ногами стала покрываться трещинами. Осторожно заскрежетал металл повозок. Зашуршала ткань. Из земли стали появляться первые солдаты. Они вылезали точно такими, какими и покинули этот бранный мир. Вот медленно выпрямился высокий светловолосый парень, пытавшийся неуклюжими движениями рук затолкать внутренности в страшную рану на животе. За ним с четверенек поднялся маленький недомерок, сжимавший в руках какое-то полотнище. Между ними вылез из засыпанной щели молодой паренек, словно крот во все стороны отбрасывавший землю. Его противник с перегрызенной шеей подняться так и не смог.

Они подходили, осторожно перешагивая через своих бывших собратьев, от которых оставались лишь отдельные части. Вскоре вокруг Килиана собралось несколько десятков мертвых солдат, выжидательно смотревших на него.

— Я, Килиан — ваш хозяин! — молодой некромант, сразу же "взял быка за рога". — Больше вы не противники! Вы все, мои слуги! Ваша главная цель — служить мне!

Эта небольшая речь была больше нужна самому Килиану, чем его новым солдатам. Поднятым силой магии мертвецам были не нужны красивые слова и клятвы, им был нужен лишь сам хозяин.

Все предыдущие его опыты со стихией некромантии были жалким подобием осуществленного опыта. Пара лично удушенных кроликов, только что забитый хряк и умерший от оспы мальчик — вот и весь перечень его объектов как некроманта. Сейчас же за ним вышагивал целый отряд, готовый исполнить любой его приказ. Поэтому было вполне понятно некоторое воодушевление молодого мага, который еще недавно был презираем своими бывшими коллегами, соседями и родными.

Странное это было зрелище. Небольшая колонная окровавленных, перемазанных жирной землей людей, медленно шла по дороге. Мертвецы, еще недавно бывшие полными сил мужчинами и до умопомрачения хотевшими жить, продолжали крепко сжимать в своих руках оружие. Бывшие враги сейчас шагали бок о бок, словно забыли что их разделяло, и сколько крови было пролито.

Возвратившись в деревню, Килиан рьяно взялся за устройство своей маленькой крепости в этом мире.

— Только будучи маленьким и незаметным, я смогу сегодня выжить! — размышлял маг, наблюдая, как четверо солдат создают на месте узкой лесной дороги засеку. — Посижу пока здесь. Немного понаблюдаю. Как говорится, освежу свои навыки... Так, а вот здесь не помещает еще и прокопать небольшой ровик (вновь вернулся он к солдатам перегораживавшим дорогу).

Точно такие же засеки создавали вокруг деревни и остальные мертвецы. Не знавшие усталости работники быстро подрубали самые ветвистые деревья у основания и влили их верхушкой в стороны потенциального врага. Потом тоже самое делалось и с другой стороны. Учитывая, что леса вокруг маленького в три дома поселения были очень густыми, засека получалась подстать древним укреплениям на родине Килиана. Именно так, превращая естественные чащобы в непроходимые завалы, китонские стражники укрепляли границы государства.

Деревья валились на десятки метров в глубину, а основания и сердцевину стволов неутомимые солдаты перевязывали веревками, сплетенными из лоскутьев коры.

Естественные овраги, огибавшие деревню с одной стороны, Килиан решил завалить всяким мусором — листьями, полусгнившими пнями, выкопанными из земли валунами.

Однако, главное здесь все же было в том, что эта деятельность по маскировке и обороне его жилища не требовала от мага ни каких-то особых материальных или ментальных затрат, ни привлечения живых помощников.

Понаблюдав, как выполнялись его приказы, Килиан успокоился.

— Думаю, в этот богом забытый край вряд ли кто-нибудь еще сунется, — пробормотал маг. — А я пока займусь оружием... Что же интересного мне там принесли мои солдаты?!

Он перебирал кучу, состоящую из каких-то металлических и деревянных шуток, причудливых механизмов. Поначалу все это было сразу же зачислено им в боевые амулеты. Ошибиться было не мудрено, так как от оружия шел отчетливый запах смерти.

— Похоже, без гномов здесь все-таки никак не обошлось! — в сердцах воскликнул некромант, не обнаружив на оружие ни капли магии. — Занятно все это... Вот механизм (он провел рукой по светло зеленой поверхности какой-то конструкции с длинной и толстой трубкой и маленькими колесиками) и убей меня прямо на месте Митра, если это не арбалет! Ага! Рядом лежат и стальные болты! Только что-то они больно крошечные, да вдобавок еще и золотистые Против оборотней что-ли?

Держа в руках очередное изделие местных оружейников, Килиан понял, что сам он в этом никогда не разберется.

— Нужно где-то раздобыть ремесленника и порасспросить его.

Позвать кого-нибудь из суевившихся рядом восставших солдат, ему и в голову не приходило. Зомби, твердо усвоил начинающий некромант, способен выполнять лишь простейшие команды и добиться от него исполнения чего-то большего, физически невозможно.

— Значит, пора наведаться в ближайшую таверну, — продолжал размышлять Килиан, ориентируясь на знание реалий своего мира. — Ибо только там можно не вызывая подозрения разговорить какого-нибудь подвыпившего солдата.

Этот пункт по поиску и добычи новой информации о мире, ставим неожиданно для него домом, Килиан незамедлительно внес в свой план первоочередных мероприятий. В нем первым и основным пунктом уже давно стояла маскировка своего нового жилища. Далее молодой маг планировал наращивать свою обороноспособность...

Вообще, он довольно оптимистично смотрел в свое будущее. "В мире, где ведутся такие войны, — сам себе говорил он. — некромант никогда не пропадет! Война губит лишь живых, для мертвых же — это настоящее раздолье."

Из донесения коменданта города К...: за последний месяц были отмечены случаи осквернения захоронений солдат и офицеров вермахта. Расследование показало, что тела погибших были вырыты и унесены в неизвестном направлении. Попытка привлечь к розыску служебных собак не дала положительных результатов. Расследование продолжается.

Совершенно секретно. Рапорт начальника фронтового госпиталя полковника Фрица Меркера: вызывает серьезную обеспокоенность психологическое состояние наших солдат. Фиксируется значительный рост числа госпитализированных солдат с острыми формами психического расстройства. Представляется необходимым отделу пропаганды приступить к незамедлительной разработке и осуществлению специальных медицинских, психологических и организационных процедур по оздоровлению морально климата в воинских подразделениях вермахта.

Кранке зло одернул свой воротник, поправляя и без того безупречно сидящую форму.

— Третий за неделю случай! — в раздражении проговорил он. — Это неслыханно!

— Что опять там стряслось? — недоуменно спросил Отто Винкель, его закадычный друг. — Снова непорядок в роте?

— Эти остолопы, — еле сдерживаясь пояснил Кранке. — на посту развели бардак! Кресты, молитвы, скоро чеснок принесут... Вдобавок они меня еще чуть не пристрелили! Я минут десять орал около казармы пароль и убеждал их, что я именно лейтенант Кранке!

— Доложи майору! — невозмутимо на это ответил Винкель. — Пусть с этим он и разбирается!

— Ты, Винкель, не понимаешь что ли?! — вдруг, взорвался Кранке. — Это третий случай за неделю в моей роте! Посажу я этих баранов на гауптвахту и с кем потом мне прикажешь воевать?! Может взять этих молодых волчат из местных? Они ведь так хорошо умеют резать женщин и детей.

— Что, действительно, все так серьезно, Ханс? — обеспокоился, наконец-то Винкель. — Мне показалось, что ты как обычно шутишь.

— Мой дорогой Отто, шутки кончились еще тогда, когда мы пересекли эту чертову границу. — с нотками обреченности в голосе пробормотал лейтенант. — Прошло время, когда мы днем прогуливались по Елисейским полям, а вечером наливались шампанским до самых бровей! Это война! Настоящая война, Отто!

Он тяжело опустился на стул и обхватив голову руками.

— Знаешь, Отто, мне иногда кажется, что я сам схожу с ума на этой войне. — прошептал Ханс, оглядываясь на дверь. — Только вчера я видел старину Райке. Ты помнишь, Райке?

Дождавшись кивка головой от своего товарища, Кранке продолжил:

— Я видел его, как тебя сейчас. Он был такой же жирный и вонючий, как обычно. Понимаешь, мне стало страшно! Я по настоящему испугался! Ты же знаешь, я всегда смотрю смерти в лицо. Но...

— Слушай, Ханс, ты здоров? — прервал его Винкель. — Чего ты испугался?! Да, раньше каждый день раз по двадцать видел этого поганого Райке.

— Отто, — серьезно посмотрел на него Кранке, подняв вверх палец. — Этот Райке погиб позавчера. Я лично его сам закапывал. Ты это понимаешь?! Я, вот этими самыми

руками его лично закапывал! Лично! Сам!

Винкель с трудом смог прекратить истерику. В конце концов, ему удалось влить в своего товарища полбутылки отличного трофейного коньяка и уложить в постель.

— Да, дела. — расстроено протянул Отто, выйдя, наконец, на улицу. — Кто бы мог подумать, что железный Кранке окончательно спятит?! Райке увидел. Надо же!

Поправив кобуру, он замолчал...

— Тьфу! — плюнул он. — С этими разговорами и сам скоро отправлюсь следом за Хансом! Пора развеяться. Пойти посты проверить что-ли?!

Выполняя эту здравую мысль, офицер двинулся к углу дома, где располагался первый пост. "Сейчас, я этим поганцам покажу! — злорадно ухмыльнулся Отто, почувствовав странный запах. — Опять что-ли какое-то дерьмо с территории не убрали."

С каждым шагом пахло все сильнее и сильнее. Около самого угла Винкель уже боролся с тошнотой.

— Карл, Фридрих! — не в силах больше молчать, заорал лейтенант. — Что за дерьмо здесь твориться? Сколько раз я вам говори, территория вокруг поста должна быть в полном порядке!

Во мраке он различал какую-то фигуру, склонившуюся над пулеметом. Этот человек ему показался очень похож на толстяка Карла, постоянно отиравшегося около полковой кухни.

— Карл! — со всей силы Отто ударил по спине замершего солдата. — Ты оглох что-ли?!

Человек медленно развернулся и Винкель мгновенно понял, почему на посту так мерзко пахло. В упор на него смотрел тот самый Райке... Землистое, плоское как тарелка, лицо равнодушно пялило на него белки глаз. Синеватая форма, блестящая витым серебром погон, висела рваными лохмотьями.

Винкель попытался рвануть назад, но посиневшие руки крепко его держали. Не дали ему и закричать; чья-то рука, теплая и живая, закрыла ему рот...

Очнулся лейтенант в лесу. Рядом на корточках сидел молодой человек, пристально его рассматривавший.

— Ну, что очнулся почтенный господин? — довольно странно он обратился к Винкелю. — Головка, наверное, болит. Прошу извинить моих слуг! Они же безмозглые, что с них взять то?

Лейтенант ни как не мог понять, издеваются над ним или нет... Однако, черноволосый незнакомец, кутавшийся в черный балахон, не думал смеяться. Он вскинул подбородок кверху и довольно учтиво произнес:

— О, Митра! С этими мертвецами я совсем позабыл о хороших манерах. Позвольте представиться! Я, Килиан Китонский, магистр огненной стихии первого круга! А вы кто позвольте полюбопытствовать?!

Винкелю показалось, что он ослышался:

— Мертвецы? Какие еще, к черту мертвецы? Вы вообще понимаете, что похитили офицера германской армии?!

— Я все прекрасно слышу, — отбросив юмор, жестко произнес человек, представившийся Килианом. — Не надо так орать! А если вы интересуетесь мертвецами, то вон они, рядом...

Лейтенант, которому до сих пор все это казалось какой-то глупой шуткой, медленно повернул голову в сторону и замер. Буквально в паре метрах от них, застыли перепачканные

в земле и крови солдаты. Кто то из них был одет в полевое обмундирование вермахта, а кто-то — в ненавистные гимнастерки русских... Однако, вдруг до него дошло — что в них ему показалось таким странным! На солдатах были повреждения, с которыми не возможно остаться в живых.

— А-а-а-а-а! — внезапно тонко по бабьи заорал Винкель. — А-а-а-а-а!

Он упал на четвереньки и быстро-быстро пополз в сторону деревни.

— Еще один! — мрачно пробормотал Килиан, отвечивая своему пленнику одну пощечину за другой. — Что же вы все какие слабые?! Ну, увидел мертвеца. Ну, ходит он. И что теперь?

Вскоре взгляд Винкеля стал более осмысленным, и он простонал:

— Не надо больше бить. Чего вы от меня хотите?

— А ты оказался по крепче, чем я ожидал! — обрадовался Килиан. — Успокоился, наконец?! Давай рассказывай. Где я нахожусь?

Лейтенанту вновь стало хуже, и он с большим трудом удержался, чтобы не потерять сознание...

— Как это где? — заикаясь, переспросил он. — Что-то я не понял вопроса?

Молодой некромант рассмеялся и, повернувшись куда-то в сторону, сказал:

— Смотри-ка, какой непонятливый экземпляр мне попался. Я повторяю вопрос: где в данный момент мы находимся? Какое это королевство?

Глаза Винкеля стали совсем круглыми. Дрожащими руками он несколько раз попытался расстегнуть ворот гимнастерки, но пальцы все время соскальзывали.

— Королевство?! Может Белоруссия. Да, да! Мы в Белоруссии!

— Наконец-то, внятный ответ! — проговорил Килиан, потирая от возбуждения руки. — Белоруссия! Хорошо! А с кем вы интересно воюете?

Лейтенант держался очень неплохо, и казалось, его уже было сложно чем-то поразить. Однако последний вопрос, не смотря на его положение, вызвал просто гомерический хохот.

— Ха, ха, ха! Я, определенно, спятил! Ха, ха, ха! — захлебывался он от смеха. — Белоруссия... Мертвецы... И он меня еще спрашивает, а с кем мы воюем. Мы, Германский рейх. Ха, ха, ха! Этого не может быть! Ха, ха, ха!

— Хватит! — заорал Килиан на сразу же замолчавшего пленника. — С кем вы воюете? Отвечать! Быстро!

Его тон не оставлял сомнений: еще одна такая выходка и он, Винкель, мгновенно пополнит отряд мертвецов.

— Великая Германия находится в состоянии войны с Советским Союзом, — быстро отчеканил лейтенант. — Первые результаты летней кампании говорят о скорой и безоговорочной победе германского гения.

— Победа — это, конечно, хорошо, — словно в раздумьях пробормотал Килиан, с интересом разглядывая своего соседа. — Новая победа — это мои новые солдаты. А ты рассказывай, рассказывай дальше. Как здесь воюют? Какое оружие?

Винкель, испытав страшный шок, впал в такое состояние, когда ему было просто все равно, что и кому рассказывать... В этот самый момент он уже адекватно не воспринимал окружающую обстановку. Сознание не фиксировало ни стоявших вблизи трупов, ни непонятного молодого человека.

— Суть современной войны и залог настоящих и будущих побед германского оружия состоит в постоянном движении. Войска должны обладать максимально мобильностью и

огневой мощью. Создание мощных оборонительных укреплений в настоящих условиях теряет свою актуальность, так как любое сооружение, как бы сильно оно не было подготовлено, может быть прорвано... Огромное знание для германской армии имеет организация непрерывного военно-профессионального совершенствования немецкого солдата, который и несет на себе всю тяжесть боевых действий. Наш противник, русские, являются неполноценным народом и занимает место, которое по праву должно принадлежать арийской нации. Неполноценным народам не место в современном мире, где должны остаться только избранные...

Лейтенант выплевывал короткие рубленые фразы из учебников по военной истории и пропагандистских фильмов, когда-то просмотренных и благополучно забытых им.

— Любопытно, очень любопытно. — продолжал негромко, сам для себя, комментировать некромант. — Какой извращенный мир. Избранные народы, не избранные народы. Очень все это напоминает Проклятую империю с её фанатичностью беспощадностью к варварским народам.

Вперив остекленелый взгляд прямо перед собой, Винкель продолжал вещать:

— Основным стрелковым оружием Вермахта является магазинный карабин Mauser 98k, официально принятый на вооружение в 1935 г. Оружие хорошо зарекомендовало себя и характеризуется высокой точностью, силой боя и надежностью.

— Значит, эта железяка и есть ваше оружие?! — задумчиво пробормотал Килиан, взяв в руки карабин. — Может я чего-то не понимаю в военном деле, но оно мне кажется каким-то уродливым. Нет в нем смертоносной красоты, нет ощущения силы! Все это больше похоже на оружие простолюдина...

Магу вспомнилось вооружение королевской гвардии.

— Огромные богато изукрашенные алебарды. Небесный металл блестел на солнце так сильно, что слепил глаза. Вот, это я понимаю оружие! А, тут какая-то невзрачная железяка, — с разочарованием на лице, Килиан бросил карабин в общую кучу оружия. — Так... Что же ты еще мне поведаешь?

— Залогом победы в любом сражении является грамотное использование всех имеющихся в распоряжении ресурсов. Активное взаимодействие пехоты, танков и авиации позволяет решать широкий спектр, как тактических, так и стратегических задач. Основным танком германской армии является средний танк PzKpfw III. Прекрасные приборы наблюдения и прицеливания, отличная радиостанция, позволяют танку PzKpfw III успешно бороться не только с машинами противника аналогичного класса, но и танками классом выше.

— Все, пожалуй, хватит на сегодня, — громко произнес Килиан, обращаясь к своему информатору. — Посиди пока у нас! Я подумаю, что с тобой делать.

Быстро подошедшие мертвецы, безо всяких усилий подняли Винкеля и потащили в сторону деревни, молодой маг продолжал сидеть, обдумывая полученную информацию.

С каждым днем он узнавал об этом мире все больше и больше, но ясности от этого не прибавлялось. Получалось совершенно наоборот! Каждая новая деталь не дополняла и не раскрывала картину этого мира, а привносила в неё еще больший хаос.

Килиан, будучи человеком раннего средневековья (если давать оценку уровню развития китонского общества, то раннее средневековье будет наиболее точно отображать характер развития социальных, экономических и политических процессов в королевстве), просто утонул во впечатлениях и информации. Многие здесь приводило его то в восторг, то ужасало

своей жестокостью. Подчас, маг вел себя, как абориген с далеких полинезийских островов, первый раз увидевший технические артефакты современной цивилизации. Он мог часами стоять над осколками обычной стеклянной бутылки, рассматривая игру солнечных зайчиков, или с детской улыбкой наблюдать, как кукушка раз за разом выскакивает из часов... С другой стороны, его чрезвычайно веселил страх местных перед проявлениями магии. Так, маг смеялся до икоты, когда Винкель бледнел при приближении мертвого солдата.

Из донесения начальника штаба... дивизии... Карла фон Руе:... в зоне ответственности дивизии в последнее время фиксируется значительный рост активности партизанских соединений. Только за неделю... были совершены два нападения на комендатуры сел Барановичи и Клупино, уничтожены четыре грузовика с боеприпасами и амуницией, похищен лейтенант Отто Винкель... Нападения характеризуются особой дерзостью и тщательной подготовкой, что позволяет говорить о нахождении в районе... подготовленных диверсионных групп противника либо крупных партизанских отрядов... Оперативная обстановка требует принятия незамедлительных мер по локализации и уничтожению угрозы...

— Эй, Курт, сколько ты еще там будешь возиться? — недовольно крикнул длинный немец, пытаясь в очередной раз в одиночку закинуть труп в телегу. — Лейтенант же приказал, закончить все до вечера! Давай, быстрее, мне тут одному не справиться!

Курт ползал на четвереньках и на крики не обращал ни какого внимания. Все его внимание было приковано к трупам красноармейцев, сложенных беспорядочной кучей. Высунув от напряжения язык, он старательно выковыривал штыком золотой зуб.

— Да, сколько же можно?! — не переставал возмущаться его напарник, вытирая пот с лица. — Курт! Эй, Курт! Очнись, наконец-то! Тут работы лишь на несколько часов.

— Чего орешь? — наконец подал голос Курт, не прерывая своего занятия. — Видишь, я занят. Гельмут, подожди еще немного.

— Какая же ты свинья, Курт! — весь кипит от возмущения, сорвался длинный немец. — Занят, он. Оставь ты мертвых в покое!

— Сам ты свинья! — негромко пробормотал толстяк, зачарованно перебирая тусклые золотые огрызки. — Свинья и неудачник. А, я, молодец! Приеду домой и открою пивную прямо напротив ратуши, и черта с два ты у меня получишь свежего пива. Нашел, дурака.

Вдруг, из под груды тел что-то блеснуло. Он мгновенно выбросил окровавленную фотографию молодой женщины, которую только что вынул из солдатской гимнастерки, и бросился переворачивать трупы.

— О-о-о! — восхищенно протянул Курт едва только увидел показавшиеся на белой кисти массивные часы. — А этот дурак Гельмут не верил, что пехота хоть что-то нам оставит. Как говорится, кто ищет, тот всегда найдет!

Пытаясь расстегнуть ремешок, он наклонился к самой земле и полностью скрылся с глаз своего напарника. Часы долго не поддавались его усилиям; ремешок был весь в засохшей крови и расстегивался с большим трудом. Наконец, застежка слетела и довольный Курт стал осторожно засовывать часы в нагрудный карман...

Курт повернул голову, чтобы крикнуть своего напарника, но из горла раздался лишь еле слышный хрип. Посиневшие руки, внезапно вытянувшиеся из самой кучи трупов, стали все сильнее и сильнее сдавливать горло. Следом за руками наружу медленно вылезла голова с вытекшими глазами, потом показалось массивное тело в командирской гимнастерке. Все это Курт уже не видел; тело его хотя и продолжало трепыхаться, но сердце остановилось еще несколько минут назад.

— Ты уже меня достал! — длительное молчание Курта окончательно вывело из себя

Гельмута. — Жирный подонок!

Размахивая карабином, он решительно направился к куче с трупами. Однако, едва он подошел ближе, как весь его боевой настрой быстро улетучился. Жирное тело Курта, трепыхаясь, медленно исчезало в куче.

— А-а-а-а! — сорвался в крик, Гельмут и дрожащими руками попытался передернуть затвор карабина. — А-а-а-а!

Его руки ходили ходуном, потные пальцы ни как не могли ухватиться за железку, а глаза продолжали неотрывно смотреть вниз. Лежащие вповалку трупы зашевелились. Словно невидимые разряды сотрясали окровавленные тела, заставляя дергаться руки и ноги... Вот поднялась одна голова, затем вторая. Куча шевелилась и осторожно расползлась в стороны. Казалось, огромные, жирные черви во множестве выползали из блестящего живого сгустка.

Наконец, Гельмут справился с затвором и стал с диким воплем стрелять в поднимающихся мертвецов. С нескольких метров убийные пули буквально рвали тела на части.

Клац, клац, клац... Вместо выстрелов зацелкал боек. Гельмут с ужасом смотрел вперед и продолжал безостановочно жать на курок. Клац, клац, клац.

— Не надо, не надо! — еле слышно начал он скулить, когда, наконец-то, одному трупу удалось подняться. — Не надо. Мама, мама!

Коренастый красноармеец, приволакивая ногу, медленно приближался. Через прорехи в его гимнастерке были видны буроватые лоскуты неряшливо свивавшейся плоти, а на вытянутой вперед руке чуть ниже манжета отчетливо бросалась в глаза светлая полоска от часов.

Через мгновение Гельмут упал на землю и скрылся под телами.

— Стоять! Я сказал — стоять! — от леса бежал, громко крича, высокий парень. — Стоять! Не трогать его!

Мертвецы сразу же недовольно застыли, но немцу это уже не помогло. Из разодранной темно-синей туши мощными толчками выливалась кровь.

— Опять! — раздраженно выпалил, Килиан, едва увидел окровавленные рожи своих слуг. — Вот же, безмозглое мясо! Просто мясо! Тупое и безмозглое мясо! Только ведь на секунду отвлекся, и на тебе — загрызли...

Молодой маг был просто взбешен. Некромантия, казавшаяся раньше ему легкой тропой, являла все новые и новые сюрпризы. Первой отчетливо проявившейся проблемой явилось начавшее "сбоить" управление мертвецами. Если одно, два или чуть большее число восставших из праха тел, Килиан контролировал без особой трудности, то несколько десятков становились для него огромной занозой. В такие моменты связь между ними не просто слабела, а пропадала и сам маг оказывался потенциальной жертвой.

— Стоять, стоять! — вновь отдал приказ Килиан, увидев, что мертвецы снова принялись грызть Гельмута. — Стоять, каиново мясо!

Он физически чувствовал, как рвутся управляющие нити и растет сопротивление мертвых. Один за другим, они замирали на месте и начинали нерешительно озираться по сторонам...

— Похоже, не осилил, — забормотал маг, осторожно делая шаг в сторону леса. — "Черной сети" оказалось мало и на всех не хватило. Надо будет попробовать еще и "двойное кольцо" наложить на каждого.

Вдруг его нога подвернулась и он упал на что-то мягкое, как оказалось, ранее бывшее

рядовым германской армии Куртом Шильмаером. Ошеломленный Килиан еле успел отдернуть свой руку, как рядом несколько раз клацнули огрызки зубов. Обглоданный череп с лохмотьями волос, не дотянувшись до живой плоти, с ненавистью уставился на мага.

— О, Митра! — ошеломленно зашептал Килиан. — Митра! Не удержал, все таки.

Мертвецы, ранее догрызавшие немца, начали неторопливо обступать молодого некроманта.

— Тупые твари, решили мною закусить?! — заорал взбешенный Килиан, начиная вскидывать руки. — А, огоньку не желаете?!

Воздух вокруг него бешено завертелся, превращаясь в бурлящую стену. Из самой середины начали бить длинные молнии, испепеляющие траву. Через мгновение на этом месте расцвел огромный багровый шар, поглотивший все, до чего мог дотянуться...

От волнения маг произвел активацию не совсем того боевого заклятия, которое планировал. Для уничтожения вышедших из под контроля мертвецов было более чем достаточно обычной огненной стены, что без особого труда мог исполнить практически любой более или менее способный ученик начальной ступени. Килиан же использовал формулу призвания огненного взрыва, мощность которого достаточна для успешной борьбы даже с красными драконами, живущими в пламени действующих вулканов.

К вечеру на место побоища прибыл комендантский взвод во главе с разозленным лейтенантом, который так и не дождался своей похоронной команды.

— Стой! — не своим голосом вскричал лейтенант, едва бросив взгляд на огромную воронку. — Партизаны! Из машины! Занять оборону!

Не прошло и минуты, как солдаты, словно разбросанные взрывом, вылетели из грузовика и застыли у земли. Машина, лишившись водителя, проехала несколько метров и остановилась у самой обочины... Лейтенант, осторожно приподнял голову и осмотрелся. Все выглядело очень мирно, словно и не было ни какой войны... Шумели, что-то шепча, березы, а ели в ответ кивали им своими верхушками, пытаясь поддержать разговор. Над ними в самой вышине ветер продолжал гнать по небу белые облака.

— Господин лейтенант! — негромко произнес замерший рядом пулеметчик, настороженно водящий стволом. — Птиц не слышно. Ни одной. Будто вымерли все, а время то для них, в самый раз!

— Да, Фриц, — с тревогой отозвался командир, вслушиваясь в тишину. — Тихо. Очень тихо, словно кто-то ждет нас. Дай-ка, очередь по лесу. Вдруг, кто и отзовется.

Фриц поправил ленту и веером накрыл лес.

— Ладно, капрал приготовиться к атаке из леса! — крикнул лейтенант так и не дождавшись реакции возможных партизан. — Второе отделение, собрать и осмотреть тела!

Солдаты разбрелись по небольшому полю, пытаясь стащить обнаруженные трупы в одну кучу. То с одной стороны, то с другой, слышались негромкие ругательства тех немцев, которым повезло вместо более или менее целых тел наткнуться на отдельные ошметки.

— Черт меня побери, если я понимаю, что здесь произошло, — задумчиво проговорил пожилой солдат, осторожно пиная какое-то паленое тряпье. — Одно мясо.

— Фриц, тебе это ничто не напоминает? — окликнул пулеметчика лейтенант, кивком показывая на огромную воронку. — Солидный калибр. Да?!

— Да, господин лейтенант! — подтвердил, присевший на корточки у воронки, Фриц. — 210, а может даже и 240 мм. Но откуда они здесь взялись?

— Вот и я о том же, — пробормотал командир, высматривая что-то на земле. — Ни

тебе осколков, ни тебе следов взрывчатки.

Вдруг, в стороне от них, раздался полный злорадства голос:

— Есть один! Живой! Шевелиться еще. Сейчас мы это исправим!

— Отставить! — встрепенулся лейтенант, рысью ринувшись к солдатам. — Где этот?

Когда он подбежал, то найденыша уже практически откопали; в земле оставались лишь ноги.

— Это еще что такое? — презрительно спросил лейтенант, выразительно показывая на одежды откопанного. — Кого вы там отрыли? Ты кто? Партизан?!

Висевший на руках солдат, человек выглядел более чем странно и совсем не походил на партизана. Его лицо с тонкими губами, классическим греческим носом, волевым подбородком выглядело не просто утонченным, а породистым. Создавалось впечатление, что пленный мог легко перечислить всех своих предков вплоть до десятого колена. Он был одет в мешковатый, замызганный балахон с непонятными серебристыми символами, за плечами спадал черный, испачканный в земле, плащ.

— Может это священник?! — вновь попытался достучаться до него лейтенант. — Святой отец? Э! Падре?!

— Поп, господин лейтенант, — негромко подсказал, запыхавшийся Фриц. — Вы наверное хотели сказать поп.

В этот момент найденыш открыл глаза и изумленно стал осматриваться.

— Я, что умер и попал в ад? — достаточно громко спросил Килиан, разглядев настороженные фигуры солдат.

Грянувший в ответ здоровый хохот был скорее отрицательным, чем положительным ответом.

— Киль, у тебя рожа по уродливее. Грузи его в грузовик и поспрашивай там! — сквозь смех, приказал лейтенант, кивнув здоровенному капралу с неряшливым шрамом на лице. — Может примет тебя за черта и сразу все расскажет. Давай, только быстрее, а то уже почти стемнело...

Позвякивая оружием солдаты быстро забрались в кузов. Капрал, предварительно связав, бросил пленника им под ноги. Всю дорогу он задавал ему лишь один вопрос "ну и как тебе в аду" и под хохот солдат отвечивал очередной пинок. Вскоре он увлекся настолько, что Килиан отключился и пропустил все самое интересное: и как его, избитого в кровь, снимали с грузовика, и как за излишнее усердие лейтенант снимал "стружку" с капрала, и как уже какой-то штабной офицер "строил" самого лейтенанта...

— Воды! — гулко пронеслось под сводами просторного подвала. — Даст кто-нибудь воды или нет?! Так. Да, не мне! Ему в рожу плесни! Вот!

Очнувшийся Килиан почувствовал, как его окатил поток холодной воды. Он попытался повернуть лицо на свет, но затылок сразу же отозвался чудовищной болью.

— Говоришь, Курт, акцента ни какого не заметил? — прозвучал тот же голос. — Странно это. Фольксдойче что ли или агент? Давай-ка, сфотографирую эту ветошь...

По одежде Килиана проворно забегали руки, проверяя все закоулки одежды.

— Господин лейтенант, может быть взять чуть крупнее? — нерешительно спросил другой. — Вот эти символы на плаще кажутся достаточно любопытными...

— Курт, кто из нас бывший криминалист из Гамбурга? Я или ты? — недовольно пробурчал лейтенант. — Фиксируй все, что вызывает твой интерес! Здесь может быть важна любая мелочь.

— О, наша птичка проснулась! — усмехаясь, говоривший смотрел на Килиана. — И прямо сейчас начнет нам все рассказывать. Правда, ведь?! Курт, покажи-ка ему, что мы приготовили в качестве подарка!

В поле зрения лежащего мага появился второй — высокий с брезгливым выражением лица офицер, и показал небольшую сумочку с аккуратно разложенными хромированными инструментами — ножичками всевозможных размеров и форм, пилочками, пружинками, буравчиками.

Кто сказал, что любой из нас настолько отважен, чтобы смело посмотреть в лицо смерти? На самом деле таких очень мало!

— Ну, вот и славно, — ласково пробормотал лейтенант, увидев кивок Килиана. — Меня зовут Вильгельм Маер, лейтенант Вильгельм Маер! Обращаться ко мне следует так — господин лейтенант!... А как твое имя?

— Килиан, — назвал свое имя маг, вздрогнув при звук собственного имени. — Килиан Барторий.

— Вот видишь, Курт, — довольно потирал Маер, повернувшись к своему соседу. — Вежливость — это ключик, который открывает любые двери! Килиан. Килиан Барторий. Какое-то странное имя. Грек? Или итальянец?

Маг, не зная что ответить, недоуменно молчал.

— Может фолксдойче? — терпеливо продолжал лейтенант. — Нет?! Кто же ты? Белорус?!

— Я. Я, — забормотал Килиан. — Я не знаю, господин лейтенант...

Услышав ответ, Маер скрестил руки на груди и недовольно пробурчал:

— Курт, продемонстрируй-ка нам твой фирменный! Может господин Килиан соизволит вспомнить, кто он такой и откуда...

Раньше Курт не только работал криминалистом, но и довольно успешно выступал на ринге в полу-среднем весе, поэтому удар у него был очень хорошо поставлен.

Через несколько минут Килиан, выплюнув остатки зубов, прошептал:

— Не бейте. Не бейте меня! Я все расскажу! Все, что вам надо, все расскажу...

— Отлично! — похлопал лейтенант Курта по плечу. — Я всегда знал, что на тебя можно рассчитывать! Бумагу и карандаш, Курт!

Прерывисто дыша, Килиан с горечью в голосе начал рассказ:

— Меня, действительно, зовут Килиан Барторий. Родился в семье потомственного кузнеца на самой границе. Очень рано у меня обнаружили благословенную искру и...

— Так, Килиан. В семье кузнеца, — проговаривал вслух Курт, прилежно фиксирую сказанное. — На границе. Стоп! На какой это границе?

— С варварами, — пояснил Килиан, решивший рассказать все. — Только не с северными, а южными.

— Какие, к черту, варвары? — недоуменно спросил Курт. — Монголы? Да, вы все здесь варвары!

— Хватит! — со всей силы ударил по столу Маер. — Курт! Что это за бред? К дьяволу границу и варваров! Говори, что случилось с Куртом Шильмаером и Гельмутом? Как там его?

— Гельмутом Шварцем! — подсказал Курт.

— Так, что же случилось с Куртом Шильмаером и Гельмутом Шварцем? — лейтенант схватил Килиана за воротник и стал трясти. — Что случилось с солдатами немецкой армии,

которые были на том поле? Отвечай!

Килиан молчал. Он прекрасно понимал, что любой его ответ на этот вопрос — это долгая и мучительная смерть.

— Молчим?! — свирепел Маер. — Курт, опять твой выход!

Довольный, что начальство оценило его способности, Курт от души провел двоечку в грудь пленнику, который после этого сполз с лежанки на пол.

— Подними эту дрянь! — приказал Маер, махнув рукой. — Вон, ставь его к стене! Дурак! Здесь же наши лежат! К другой стенке!

Обессиленный Килиан у стенки держался с большим трудом. Голова жутко кружилась, и он с облегчением облокотился на стол, на котором что-то лежало.

— Ну-ка встал прямо! — заорал Маер, взбешенный странным поведением пленника. — И убери свои грязные руки от тела немецкого солдата!

Килиан, не веря своему счастью, отошел от стола; до него, наконец-то, дошло, в каком помещении он находился. Подвал с низким потолком и мощными стенами, где рядами располагались столы с телами, представлял собой обыкновенный дивизионный морг, устроенный в бывшем совхозном овощехранилище.

— Значит, все-таки коллега! — Маер произнес непонятную для Килиана фразу. — Полковая разведка?! Или может быть осназ?!

Килиан улыбался. Его губы шептали формулу призвания. По разбитым в кровь рукам медленно пробегал разряд. Управляющие нити тянулись во все стороны помещения, цепляясь за мертвую плоть...

— Сейчас, большевистский ублюдок, — бормотал Маер, побелевшими от напряжения пальцами доставая вальтер. — Сейчас, скормлю тебе немного свинца...

Вальтер до половины вышел из кобуры и все... Руку что-то держало.

— Курт! — кипя от злости, что ему кто-то посмел помешать, заорал Маер. — Руку! Отпусти!

— Господин лейтенант! Господин лейтенант! — раздался из-за спины изумленный голос Курта. — Это. Тут.

Маер изо всех сил дернул руку и с освобожденным пистолетом повернулся назад.

— Дьявол! — прошептал мгновенно посеревший лейтенант. — Дьявол!

Со стола, рядом с которым он стоял, слезал разбухший как бочка солдат. Серая форма на нем расползлась, из прорех вылезло багрово-синее мясо, но все это совершенно не мешало ему тянуть свои руки к лейтенанту.

— Дьявол, это же мертвец! — потеряно повторял он, отступая шаг за шагом к выходу. — Мертвец! Это же чертов мертвец! Курт, это же мертвец! Курт!

То тут то здесь откидывались простыни и поднимались обезображенные тела — бывшие солдаты двадцать первой дивизии. Бледные без единой кровинки лица солдат были совершенно бесстрастны, казалось со смертью они обрели полный покой и ни на что не претендовали.

Пистолет у Маера в руках ходил ходуном.

— Курт, Курт, — дрожал его голос. — Давай к выходу!

Однако, тот уже ни чего не слышал. Бывший гамбургский криминалист руками и ногами отбивался от наседавших мертвецов. Смачные удары, раздаваемые Куртом, сдирали мертвую плоть и брызги кровавым дождем разлетались по комнате, но падающие как неваляшки тела вставали и вновь бросались вперед...

— А-а-а-а! — тонко закричал лейтенант, увидев, что Курт окончательно упал. — Твари! На. На!

Один за другим раздались гулкие выстрелы. Пули рвали тела, добавляя к старым боевым ранам новые...

Маер окутался легкой пороховой дымкой, сквозь которой были видны шевелящиеся трупы. Трясущими руками он начал снаряжать обойму; золотистые патроны, вынимаемые из подсумка, через один падали на землю.

— Дьявол! Чертова война! — сквозь зубы бормотал он. — Чертовы мертвецы. Чертова страна. Валить надо отсюда...

Осторожно нащупывая ступеньки, Маер медленно поднимался вверх.

— Эй! Есть там кто-нибудь? — уже возле самой двери проорал он, хватаясь за ручку. — Солдаты!

Входная дверь резко открылась... Облегченно вздохнувший, Маер увидел перекошенный черно-зеленый оскал и блестящее лезвие мягко вошло в грудь офицера. Придержав падающее тело, разведчик спрятал клинок и неуловимым движением бросил вниз "лимонку".

Глава одиннадцатая

Доклад начальника особого отдела пятнадцатой стрелковой дивизии:... в ходе профессионально подготовленной и успешно осуществленной операции был уничтожен склад авиационного топлива юго-западной армейской группировки... Бойцами особого диверсионного отряда были взяты в плен два офицера штаба, захвачены схемы минных полей...

Выписка из протокола допроса задержанного Ы172:... задержанный был одет в странного покроя одежду. Ее отличительные черты: мешковатая форма, темный цвет, не идентифицируемые светлые символы, расположенные по всей поверхности плаща...

— Что же нам с тобой делать? — задумчиво проговорил молодой капитан, протирая треснутое пенсне. — А, товарищ Кирьян? Или правильнее господин...

Килиан, только что назвавшийся Кирьяном, беспомощно отводил взгляд.

— Ну, не помню я ничего! Не помню, — с рыданием твердил он, надеясь, что ему поверят. — Я вообще ничего не помню! Помню, что зовут меня Кирьян, и все!

— Запоматовавал, говоришь? — усмехнулся капитан, демонстративно расстегивая кобуру. — А мы сейчас посмотрим. Вдруг случится чудо, и ты сразу же все вспомнишь...

Из угла, где в полумраке не было ни чего видно, вышел пожилой комбат.

— Постой, Юрий. Не гони лошадей, — устало проговорил он, присаживаясь за стол. — И этого, тоже что-ли в расход? Ты, капитан, пойми. У меня в ротках по тридцать — сорок штыков осталось!

Комбат медленно раскрутил самокрутку и глубоко затянулся. Сизый дым густыми хлопьями потянулся куда-то кверху.

— После этого буденовского рейда именно через мой батальон поперет Гудериан со своими танками! Вы каким местом там думаете?! Кого я теперь поставлю?

— Да, понял я, — прервал его капитан, засовывая пистолет обратно. — Понял! Забирай этого дезертира себе. Может и станет еще человеком. Иди!

Килиан облегченно выдохнул и, поднявшись, вышел вслед за комбатом.

— Считаю, ты, парень, с того света вернулся, — сказал ему комбат около полевой кухни. — Ты на капитана зла не держи... Письмо с месяц как пришло ему; пишут семья в Ленинграде осталась. Вот и лютует он.

Комбат остановился и, посмотрев ему прямо в глаза, сказал:

— Ты, служи солдат, как должен! Ни о чем не волнуйся, кровь, она все спишет... Давай на склад к Алексееву. Скажешь, комбат приказал. Он все и выдаст. Бегом! Марш!

Килиан сорвался с места и побежал.

Этот день пробежал как-то мимо его сознания. Низкий, словно вросший в землю склад, рябой сержант с перебинтованной рукой, смешные штаны с широкими штанинами — все это события, сменяя друг друга, нескончаемой чередой проходили и растворялись в пелене.

Он лежал на жестких досках в полусырой землянке и размышлял. "Это же страшный мир, — проносилось у него в голове. — Ужасный мир! Он раздавит меня и не поморщится словно букашку. Я, Килиан Китонский, маг огненной стихии первого круга, здесь самый последний! Я хуже самого грязного простолюдина, самого слабого мечника. Здесь их дом, их земля. А, я, что? Что я такое здесь? Жалкий человек! Бывший маг-недоучка! Да, грош цена всем моим знаниям в этом мире".

Результатом ночных размышлений явилось, наконец-то, его полное душевное спокойствие. Килиан решил оставить все на своих местах. "Судьба все расставит сама, — решил он. — не будем отчаиваться раньше времени. Может Светозарный Митра проявит свою благосклонность и я вернусь домой живым и здоровым, а мои враги будут наказаны".

Из беспокойного сна его вырвал мощный хлопок по спине и сопровождавший его бас: — Вставай, болезный! Солнце уже высоко и немчура скоро кушать закончит...

Открыв глаза, Килиан обомлел. Над ним возвышался огромный краснорожий солдат, настоящий человек-гора.

— Чо, испужался? Так, зря ты это! Меня зовут Петр. Можно просто Петруха... Давай, поднимайся скорее!

Бывший маг с кряхтением выполз из под шинели и наткнулся на застывшего во входе солдата..

— Слышь, рама в небе воет?! — Петр со злобой кивнул вверх. — Значит, немец скоро попрет... Винтарь то с собой захвати, или чем других фрицев встречать собрался?

Килиан недоуменно заметался по землянке, пытаясь понять, чего же такое ему надо взять с собой. "О, Митра, нож что-ли? — перебирал он свои немногочисленные пожитки. — Может вон тот ящик? Каиново отродье! Что же это за винтарь!".

— Держи! — усмехнувшись, Петр протянул ему длинную деревянную палку, обитую железом. — Совсем что-ли мозги отбили? Так, наши это могут. Имя то свое хоть помнишь?

— Кирьян, я! — схватив протянутое оружие, пробормотал Килиан.

Двигаясь по извилистому окопу, он старался не отставать от Петра, который, как оказалось, был командиром его отделения.

— А, вот я снова на войне, — еле слышно, словно молитву, шептал Килиан. — На этой проклятой войне...".

— Чего там бормочешь про себя? — неожиданно обернувшись, спросил Петр. — Молитву? Верующий что-ли?

— Э-э, — не зная что ответить, растерялся Килиан.

В этот момент раздался противный ноющий звук, быстро к ним приближавшийся.

— Мины! — не своим голосом взревел Петр, вжавшись в стенку окопа. — Вниз, дурак! Вниз!

Про обстрел позиций противника каменными шарами из катапульта Килиан не только слышал, но и не раз ощущал на себе, поэтому мгновенно бросился на землю.

— Хм. Удивили! — бормотал Килиан, упираясь носом в землю. — У нас бывало, если говорит королевское требуше...

В этот самый момент раздался оглушительный взрыв. Поднявшиеся в небо земляные комки, куски дерева, раскаленные осколки металла через мгновение накрыли лежащих в окопе людей. Выпучив безумные от ужаса глаза, Килиан часто-часто дышал.

— Эх, деревня! — засмеялся Петр, размазывая по лицу грязь. — Испужался?! Зря считай, нонче они и не стреляли, так баловались. Давай-ка, подымайся! Кажись, началось.

Килиан, до сих пор хватая ртом воздух, медленно встал и прислонился к кромке окопа. Некоторое время, тараща с опаской глаза, маг смотрел вперед, пока вдали не показались размазанные черные фигуры. "Похоже, повозки с самострелами перед собой катят, — размышлял он, оперируя старыми воспоминаниями. — Только что-то ни флагов, ни конницы не видно. Сбоку что-ли обходят?!".

— Один, второй, третий, — вслух считал Килиан, шустро приближавшиеся повозки. —

Двенадцать всего!

— Нам паря и этого хватит! — почему-то угрюмо проговорил Петр, старательно туша и пряча маленький окурок. — Раскатают. Как пить дать, раскатают! Без артиллерии, с одними этими пукалками (он с презрением кивнул на двух бойцов, суется рядом с необычно длинным ружьем).

Килиан чувствовал, как вокруг нарастает возбуждение. Ноги внезапно потеряли чувствительность, казалось из них вынули кости и взамен набили вату. Вдобавок захотелось пить; язык покрылся пылью, а на зубах противно скрипел песок.

Со стороны горизонта шел страшный скрежет. Черные повозки выросли в размерах и Килиан с ужасом узнал в них те огромные железные механизмы, так поразившие его раньше. То, что в свое время казалось лишь величественной грудой застывшего металла, теперь надвигалось прямо на него.

Вот один, дальше всех вырвавшийся вперед, задрал длинный хобот и, окутавшись беловатой пеленой, выстрелил. Чуть позже открыл огонь второй, потом заговорил третий. Гулкий грохот сотрясал воздух! Через мгновение перед окопами выросла сплошная стена взрывов.

— Пехоту. Пехоту отсекай! — сквозь грохот доносился чей-то приказ. — Бронебойщики по танкам огонь!

Оглушенный Килиан, старательно косясь на своего соседа, передернул какой-то рычажок и, закрыв глаза, выстрелил. Больно лягнувшая его винтовка чуть не выскочила из его рук.

— Чертов олух, куда палишь?! — заорал ему прямо в ухо озверевший Петр. — Фрица, фрица выщеливай!

Мелкие, совсем крошечные фигурки суетливо бежали прямо за танками. Время от времени они падали, потом вставали и бежали снова, затем опять падали. Килиана заразило какое-то безумие. Он, как и все, что-то кричал. Заряжал винтовку, целился и стрелял. "Убить, убить, убить!" — стучало в его мозгу. Он доставал из подсумка очередной патрон и винтовка оживала снова. Весь огромный, прежде казавшийся ему таким красочным и прекрасным, мир в этот момент съежился и превратился в маленький, еле видный, живой кусочек... Глаза нацеливали винтовку на очередную серую фигурку.

— А-а-а-а! — недалеко кто-то, как резанный, заверещал. — Братцы, обошли! Танки сзади!

Потянувшись за очередным патроном, Килиан опешил... Чадя и отфыркиваясь, словно подраненный зверь, танк медленно взбирался по брустверу. Только сейчас Килиан по настоящему осознал, насколько был огромен и страшен этот механизм. Два роста в высоту, два в ширину, разбрызгивая отвердевшие комья земли, он навис над окопом. Угловатая башня, угрожающе шевелила толстым хоботом, высматривая очередную жертву.

Извиваясь змеей под танк скользнуло тело Петра. Вдруг, выпустив сизую струйку дыма, машина ожила. Грозно ревя, она стала медленно проворачиваться на своем пяточке. Многотонный танк без всякого труда сминал стенки окопа, наполняя его земляной жижей.

Сделав несколько кругов, танк на мгновение замер и несколько раз выстрелил из орудия... Килиан, сжимая бесполезную винтовку, беспомощно оглянулся. Вокруг царил ад! Гулко ухали взрывы, засыпая пространство осколками. Сводил с ума противный свист вражеских минометов, посылавших в стороны оборонявшихся очередной снаряд, где-то еще продолжал огрызаться пулемет... Длинные извилистые окопы, прежде казавшиеся надежным убежищем от любой напасти, превратились в неглубокие канавки, которые без

труда перепрыгнет и ребенок.

Килиан с трудом выплюнул из пересохшего рта застывшую пыль и со злостью прошептал:

— Да, сколько же можно прятаться?! Умру? Ну и что! Лучше так, лицом к лицу!

Бросив оружие, он медленно пополз в сторону надвигавшегося танка. Остервенело загребая руками опаленную землю, Килиан почти добрался до него, как пулеметная очередь прошла по его груди.

Перед глазами все плыло... Килиан чувствовал, как с кровью его покидают последние силы. Вскинутые вверх, руки казались неподъемными и норовили снова упасть. Струйка крови осторожно скользнула по подбородку, потом оставила след на шее. Его губы еле слышно шептали, путаясь выдать певучую трель, но раздавался лишь тяжелый хрип. Наконец, сделав над собой усилие, маг произнес:

— Лаариненине котилеинени...

С пальцев ударили молнии, с треском замкнувшиеся в пышущий жаром шар. Руки сразу же обессилели и рухнули на землю, а шар нерешительно замер. Воздух вокруг него стал стремительно нагреваться, приводя в движение все новые и новые потоки. Через несколько секунд на месте лежащего красноармейца вспыхнуло новое солнце, показавшееся наступающей немецкой пехоте в тысячу раз ярче прежнего. Не успевший отъехать танк, как пушинку подбросило и обрушило на землю дождем перекрученных железок.

Немцы оперативно отреагировали на взрыв. Командирский танк сразу же встал как вкопанный около проутюженной линии окоп. Из откинутого люка осторожно высунулась чумазая физиономия и стала в бинокль внимательно осматривать видневшуюся вдалеке лесосеку.

— Имею потери! Огнем противника уничтожена четвертая машина! — пролаял танкист в микрофон, оторвавшись от бинокля. — Повторяю, уничтожена четвертая машина. Особо крупный калибр. Повторяю, на направлении прорыва действует артиллерийская батарея. Предположительно, дивизионный калибр. Есть!

На глазах у изумленной горстки бойцов, собравшихся у бывшего штаба дорого продать свои жизни, немецкие танки не только прекратили огонь, но и стали медленно пятиться назад.

— Юра, как там? — тихо спросил комбат, на корточках снаряжая пулеметный диск. — Опять прут?!

— Алексеич, дорогой, танки уходят! — повернувшись, радостно заорал капитан. — Уходят, уходят.

Роня на земля почти заполненный диск, комбат вскакивает на ноги.

— Это что же, братцы, выстояли?! — недоуменно произнес он, обращаясь то на одного, то на другого бойца. — Выстояли, что ли?

Глава двенадцатая

Из стенограммы заседания штаба 501 отдельного батальона тяжелых танков:... августа в районе деревни Сандомировка отмечено ожесточенное сопротивление противника. В ходе прорыва оборонительных укреплений было уничтожено до двух батальонов пехоты... Не смотря на донесения разведки, танки батальона были встречены огнем замаскированной артиллерийской батареи...

— Сестричка, вон там, на пригорочке посмотри! — сквозь ватную пелену с трудом пробивались слова. — Стонал вроде там кто-то.

Молоденькая медсестра, крепко вцепившись в большую сумку, с трудом взбиралась наверх. Изящные сапожки глубоко проваливались в рыхлой земле, поэтому время от времени ей приходилось помогать себе руками.

— А-а-а, — раздался еле слышный стон. — А!

Стонавший солдат был практически не виден. Из под земли выглядывало бледное без единой кровинки лицо.

— Держись солдатик, держись, — шептала девушка, осторожно откапывая красноармейца. — Сейчас, мы тебя вытащим. Заштопаем, настоящим красавцев будешь!

— Я же и так красавец, сестричка, — попытался улыбнуться солдат, тут же скривившись от пронзившей тело боли. — А-а-а.

— Терпи! Терпи! — продолжала она его заговаривать, быстро откидывая землю. — Вот и ножки показались. Еще чуть-чуть потерпи. Вон санитары идут!

Однако, к раненому, опередив санитаров, подполз сам комбат.

— Как тут наш герой, Анечка? — весело спросил он, принявшись помогать в раскопках. — Жив что-ли? Ну, Петро, ты орел! Такую зверюгу гранатой. Герой!

Аня на мгновение остановилась и с восхищением посмотрела на раненного.

— Товарищ подполковник, так это он его взорвал?! — удивилась она. — Но товарищ подполковник. Николай Алексеевич.

Медсестра мягко коснулась плеча комбата, взглядом показывая вниз. Из под тела раненного выглядывала рука, крепко сжимавшая противотанковую гранату. Комбат удивленно поморщился...

— Так, — обращаясь к санитарам, распорядился он. — Кладите его на носилки и бегом в к доктору. Потом с ним поговорим.

Два пожилых солдата уложили раненного и пригибаясь понеслись в тыл.

— Аня! — заглядывая в глаза медсестре, начал комбат. — Пока не разберемся, для всех он герой! Хотя подожди-ка, кажись там еще один наш лежит. Вон, смотри!

Около огромной воронки скрючившись лежал полуобнаженный человек. Первым до него добрался комбат и быстро оглядев, радостно воскликнул.

— Ба, да это же наш бегунок! Ань, я же его знаю! Вчера только у особиста отбил. Надо же выжил! Не думал, не думал...

Бросив взгляд на воронку, комбат вспотел. Профессионально отмечая глубину, диаметр, он недоуменно гадал, что же могло быть причиной такого:

— Танковый боеприпас что-ли рванул? Вон края даже оплавилась. Чертовщина какая-то!

Примерно через полчаса Килиана уже осматривал доктор. Четкие уверенные движения, равнодушный взгляд, спокойный голос, словом, врач выполнял доведенные до автоматизма движения.

— Посмотрим, посмотрим, — бубнил он, снимая опаленные лохмотья. — Так, ранений нет, переломов тоже вроде не видно. Странно. А, где же ожоги? Вот, дурьи бошки! Вы, кого мне сюда притащили? Он же здоров, совершенно здоров! Забирайте отсюда!

— Но, Константин Николаевич! — всплеснула, стоявшая рядом Аня. — Как же так?! Он же. Вот только же притащили! Он же без сознания лежит!

— Анечка, — подняв усталые глаза, проговорил врач. — Анечка, ваш подопечный совершенно цел. Он практически здоров! Спит, просто! Отлежится, и опять на передовую. Не переживайте... Так, вы (подозвал он санитаров), тащите его в угол. Я пока вздремну чуток.

Двое перемотанных с головы до ног бойцов с кряхтением перетащили спящего Килиана на кровать, где тот сразу же попал в заботливые руки медсестры.

Аня присела на край кровати и "мышкой застыла". Ей нравилось, вот так, смотреть на спящих раненных. Ворочаясь и что-то бормоча, они напоминали ей то далекое время когда, она, еще совсем маленькая девчонка, точно также смотрела, как спит ее маленький братик. Он совершенно также причмокивал губами, ворочался, заворачиваясь в драповое одеяло с головой...

Вдруг раненный застонал. Лицо скривила гримаса боли, а сквозь стиснутые зубы вновь раздался стон.

— Ты что, родненький? — зашептала Аня, боясь разбудить остальных. — Спи, спи...

С нежностью глядя на Килиана, она осторожно стерла пот с его лба.

— Киль сайто метон! Нит! Нит! — вслед за стоном, побледневшие губы выдали оборванную порцию незнакомой речи. — Лагай-та, мирити. Нит!

Девушка вздрогнула и резко обернулась, не слышал ли кто-нибудь этих слов. Однако все спали!

— Кирюша! — шептала она, низко наклонившись. — Молчи! Не надо. Молчи, лучше!

Он продолжал метаться по кровати, время от времени что-то яростно бормоча.

— Нет! Нет, я не виновен! — вновь услышала Аня. — Не виновен! Учитель, но как же так? Почему? Они же неправы!

Девушка навалилась на него всем телом, стараясь удержать рванувшегося было Килиана.

— Стойте! Стойте! — продолжали сыпаться слова. — Так же нельзя! Это люди! Люди!

Последние слова Килиан практически выкрикнул, разбудив остальных обитателей палатки. В угол подошел потиравшие воспаленные глаза врач, следом подтянулись обеспокоенные санитары.

— Что, бредит? — негромко спросил доктор.

— Да, Константин Николаевич! — взволнованно заговорила Аня. — С самого вечера никак не успокоится. Рвется куда-то и бормочет постоянно...

— Ничего, Анечка, — мягко проговорил доктор. — Бредит он, просто бредит. Вот отлежится маленько, и все придет в норму... Все они так.

— Да, уж. После боя это самое первое дело! — улыбаясь в прокуренные усы, пробормотал один из санитаров. — У нас тут один танкист три ночи в атаку ходил! Бывало, как начнет орать: "По оврагу обходи, иродов! По оврагу!", так до утра, сердечный, и не

может успокоится.

— Да, бывает. У нас тут и не такое бывает! — поддакнул второй.

— Анечка, давай-ка, посиди с ним немного... — устало подвел итог врач Константин Николаевич. — А то он всем больным спать не дает!

Медсестра кивнула и вновь присела на кровать...

Над палаткой еще только рассветало, но в полуразрушенных траншеях уж кипела активная жизнь. Вновь прибывшее ополчение шустро приводило в порядок окопы; отрывались новые ходы сообщения, дополнительные огневые точки. Взъерошенный комбат как угорелый носился туда-сюда, контролируя работу подчиненных. То и дело он останавливался около очередного отделения, занятого строительными работами, и начинал орать...

— Лейтенант, ты, что на курорт попал? — остановившись рядом с молоденьким лейтенантом, распекал он. — Это разве окопы?

Комбат с раздражением тыкал пальцем в траншею метровой глубины, которую только что выкопали бойцы.

— Это детский сад! — лейтенант бледнел все больше и больше. — От чего они здесь должны прятаться?! От пулеметного огня, или может быть от минометного?!

Неожиданно комбат схватил его за грудки и прямо в лицо выдохнул:

— Сынок, пойми же, чем глубже ты здесь зароешься, тем дольше проживешь... Не жалей бойцов! Пусть потом своим польют землю, пусть хорошо польют. Может потом кровушки меньше будет. Так, что исправить!

Резко развернувшись, командир пошел в сторону госпиталя. Проштрафившийся лейтенант, сразу же как наскипидаренный, принялся вместе с бойцами углублять окоп, поэтому и не услышал тихо брошенные комбатом слова:

— Без толку все это. Опять пацанов под танки бросили!

Он со злости пнул попавшийся ему под ноги ящик из под снарядов.

Подавленность комбата была вызвана скверно складывавшейся для дивизии оперативной обстановкой. По сведениям разведки, немцы, встретившие на данном участке фронта ожесточенное сопротивление, начали скрытную передислокацию. Сто пятнадцатую пехотную дивизию, которая в проходивших боях была основательно потрепана, направляли в тыл, а ей на смену направлялась пятьдесят шестая пехотная дивизия и танковый батальон семнадцатой моторизованной дивизии. Завершение передислокации войск противника планируется через через двое суток. Этому бронированному кулаку Красная Армия могла в данный момент противопоставить лишь одну пехотную дивизию не полного состава и несколько старых танков — многобашенных монстров Т-28.

Его тяжкие раздумья неожиданно были прерваны выскочившим из-за кустов растрепанным бойцом. Потянувшаяся было к кобуре рука с некоторой неохотой вернулась на место, а комбат стал с раздражением рассматривать солдата. Тот, делая огромные глаза, пытался быстро привести себя в порядок.

— Здравия желаю товарищ, — громко начал он, застегнув воротник.

— Хватит, хватит орать, — остановил его комбат. — Чего шатаешься около медсамбата? Дела что-ли нет? Так я сейчас найду?

Боец начал было оправдываться, рассказывая о каком-то приказе.

— Давай, в окопы! — зло приказал командир. — Сейчас есть только один приказ — приготовиться к сражению! А твоему лейтенанту я потом все объясню, если жив останется!

Отправив солдата, он прислушался к тишине, которая на рассвете была наполнена огромным количеством звуков. Вдруг, комбат замер... Со стороны леса, где находился штаб дивизии, слышался звук приближавшейся техники.

— Танки, кажется, — с надеждой пробормотал он. — Неужто, комдив расщедрился и прислал таки пару "змей горыночей" (ласковое название танков Т-28). Хорошо бы нам пару танков. Я бы уж их пристроил, по самую маковку вкопал.

Подходили, действительно танки. Ослепляя в рассветном тумане светом фар, темные машины медленно выходили из леса.

Комбат, приветственно махая рукой, быстро пошел в сторону танков. Однако с каждым пройденным шагом, его охватывало все более и более странное чувство — чувство тревоги. Он даже остановился на мгновение, прислушиваясь к своим ощущениям.

— Танки! Танки! — вдруг прорезал воздух радостный вопль. — Братки, коробочки приехали!

— Ну, танкеры, приехали, значит, — не скрывая радости, проговорил комбат подбежавшему танкисту.

Весь перемазанный коренастый парень лихо вытянулся и отрапортовал:

— Так точно, товарищ подполковник! Прибыли! Докладывает командир отдельной танковой группы капитан Кольцов. Группа в составе четырех танков Т-28 полностью укомплектована экипажем, боеприпасами и готова к выполнению боевого приказа!

— Орел! — сказал довольный комбат. — Не тянись так. Нам вместе воевать, а не по плацу маршировать. Давай показывай машины, заодно и обмозгуем куда и что поставить...

Уже при подходе к танкистам чувствовалось, что капитан свое дело знает на "отлично". Чумазые фигуры бегали вокруг своих монстров, как заведенные. Мехводы деловито копались в механических внутренностях, громко костеря конструкторов, а остальные, нагруженные по самую верхушку, тащили срезанные ветки.

— Здорово, бойцы! — громко выдал комбат. — Чем вы тут заняты?

— Здравия желаем, товарищ подполковник! — слитно грянули, быстро построившиеся, танкисты.

Сделавший шаг вперед, невысокий крепыш быстро добавил:

— Технику осматриваем и маскируем, товарищ подполковник!

— Бравый солдат, — пробормотал комбат, сделав отмашку рукой. — Давай-ка, капитан, отойдем в сторонку и не будем мешать...

На снаряжном ящике они разложили клеенную-переклеенную карту и склонились над ней.

— Ну, так вот, капитан... — начал комбат, взяв в руки карандаш. — Не знаю, что там тебе в штабе говорили, но ситуация у нас хуже некуда! Разведка докладывает, что немцы полностью обновили передний край. Могут быть танки, возможно, до батальона. Хотя, это все не проверенные данные... Так по макушкам прошлись.

Он стал водить карандашом по карте, отмечая для капитана опорные узлы нашей и немецкой обороны.

— Смотри, вот тут и тут, расположилась артиллерия. По данным, всего две батареи, но нам и этого за глаза хватит! Ближе к нам идет передний край: это окопы полного профиля, дополнительные ходы сообщения, колючка. Есть подозрение, что минные поля расположили вдоль оврагов. Силы немерено, а опасаются, гады! У нас все гораздо хуже. Окопы, мы, кажется успеем отрыть заново, кое-где подлатаем пару дотов, но это капля в море! Хуже

того, минирование не проведено, в пополнении один молодняк, из противотанковых средств — лишь бутылки с зажигательной смесью...

Комбат оторвался от карты и негромко произнес:

— Поэтому, капитан, вся надежда на тебя и твоих танкистов. Когда немчура прорвет полевые укрепления. Прорвет, прорвет, не сомневайся! Ты должен ждать ровно столько, сколько понадобится немцам для ввода в действие своих основных сил. Только тогда, запомни, только тогда, ты должен ударить. Да, так ударить, чтобы с первого раза выбить все танки противника. Понял?

Танкист задумчиво поскреб подбородок и еще раз внимательно посмотрел на карту. Потом решительно взял карандаш и ткнул им в район небольшого леса, выступом нависавшим над позициями наших войск.

— А, что если, товарищ подполковник, мы парочку вот тут и тут вроем, — предложил капитан. — Используем их, так сказать в качестве неподвижных огневых точек. Зароем, замаскируем, ни одна собака раньше срока не заметит.

— Хочешь свои танки лишить их главного козыря — подвижности? — недоуменно спросил комбат. — Сейчас мы должны их, прежде всего, удивить, а потом разгромить! Неожиданно ударил во фланг, потом маневр и ты в другом месте.

— Товарищ подполковник..., - слегка волнуясь, возразил танкист. — Какая у наших "линкоров" подвижность? Ресурс двигателя практически выработан; мы же в начале войны на рембазе были, движки перебирать собирались. Нас сейчас на тракторе обогнать можно, да и шум от Т-28 за несколько километров слышен. А, используя их в качестве дотов с противотанковым вооружением, мы преподнесем им такой сюрприз, что они его точно надолго запомнят!

— Значит, сделаем так — после некоторого колебания проговорил командир батальона. — И не по твоему не по моему! Гляди сюда, прямо сейчас, мухой, двух своих зверей зароешь вот здесь и здесь. Так мы перекроем подступы с оврага — там самое опасное направление. Остальные два танка оставим в резерве; в лес загонишь и лично будешь там сидеть, пока петух нас не клюнет! Понял?!

— Есть! — решительно ответил капитан и бросился к своим.

Через несколько минут многобашечные монстры, ревя двигателями, отправились на позиции.

Глава 6

Город замер в предчувствии большой беды. Первыми почувствовали неладное менялы, которым сам бог велел быть все время на стороже. Еще с вечера их работники забили в домах окна, выходящие на улицу, а на двери накинули крепкие затворы. Меняльные конторы, и без того хорошо укрепленные, превратились в настоящие крепости. Потом их примеру последовали купцы и мелкие торговцы; с рынков, площадей и мостов быстро стали исчезать палатки, лотки, повозки с товарами. Последними опомнились простые горожане, как тараканы разбежавшиеся по своим каменным клетушкам.

Утро город встречал непривычной тишиной. Не было слышно ни визгливых криков торговцев рыбой, ни задорных воплей бегающей детворы... С улиц исчезла даже городская стража, зычный ор которых раньше непременно будил горожан.

— Что это такое? — в бешенстве тыча рукой в окно, орал король. — Что это такое, я вас спрашиваю?

Толпа разодетых придворных испуганно смотрела на беснующегося короля. Каждый

старался спрятаться от глаз монарха. Дворяне, стоявшие в самой гуще, слегка горбились и исчезали за спинами тех, кто стоял впереди. Последние, в свою очередь, начинали внимательно рассматривать пол, вследствие чего перед королем выстраивались аккуратно подстриженные макушки.

— Стадо бездарей, только и умеющих, что выпрашивать новые титулы и поместья! — продолжался королевский ор. — Кто-нибудь может мне ответить на простой вопрос? Что это такое?

В личных покоях монарха, за исключением гвардейского караула, остался только один совершенно невозмутимый человек, которого, казалось, ярость монарха совершенно не трогала — лорд-канцлер Беатус Марите.

— Ваше Величество, разрешите мне помочь вам? — делая шаг вперед, негромко проговорил лорд-канцлер.

Мгновенно замолчав, король повернулся к нему. Лицо монарха странно кривилось. Со стороны можно было подумать, что он с трудом сдерживается, чтобы снова не впасть в ярость. Однако более внимательный взгляд мог бы заметить, легкую, еле уловимую наигранность в бешенстве монарха.

— А-а, наш лорд-канцлер соизволил к нам обратиться, — удивительно бархатным, почти слащавым голосом, заговорил король. — Знаете, а я уже было начал думать, что срываю свой голос перед каменными истуканами. Помогите нам, сделайте милость.

Переход монарха от бешенства к умиротворенности оказался настолько контрастным, что дрогнули даже невозмутимые гвардейцы. Облаченные в белую сталь фигуры практически одновременно вскинули алебарды, готовясь заколоть любого, на кого укажет королевский палец.

Лорд-канцлер, словно ничего этого не замечая, быстро пересек покои и застыл у открытого окна, стараясь понять, что так могло заинтересовать короля.

— И, как вы нам это можете объяснить, наш дорогой лорд-канцлер? — раздался рядом с ним полный сарказма голос. — Дворцовая площадь и прилегающие улицы совершенно пусты. Нет ни торговцев, ни нищенок, вообще, нет ни каких людишек! Или может быть, я ослеп?!

На лице лорд-канцлера не дрогнул ни один мускул. Придворные и до этого стоявшие безмолвно, вообще перестали дышать.

— Вы совершенно правы Ваше Величество, — спокойно ответил лорд-канцлер. — Улицы безлюдны. Как раз именно сейчас, я и шел к вам с докладом об этом странном происшествии.

Король слегка наклонился в его сторону, будто не хотел ни одного слова не пропустить из сказанного им.

— Мои осведомители донесли, что сегодня в полдень на дворцовой площади будет выступать преподобный Керн, — невозмутимо продолжал лорд-канцлер. — Он призвал прийти на его речь всех, кто считает себя истинным последователем учения о Едином Боге...

Прозвучавшая новость была не просто неожиданной, а, более того, ужасной! Учение о Едином Боге столь быстро набирало популярность в королевстве, что среди его приверженцев уже давно были не только обычные простолюдины, но и часто встречались благородные. Некоторые злопыхатели даже говорили, что сама королева благосклонно отзывалась о Едином Боге и несколько раз принимала в своих покоях преподобного Керна.

Однако дело было даже не во взглядах королевы и некоторых дворян, а в чрезвычайной фанатичности последователей Учения. Верующие с такой яростью и жестокостью громили чужие храмы и священные святилища, что диву давались даже многие повидавшие ветераны-гвардейцы.

До короля, в отличие от встревожено загалдевших придворных, смысл сообщения, казалось, не дошел. Он, не торопясь, сел в кресло и со вкусом откусил, взятое со стола, яблоко.

— Ваше Величество, — пробормотал, позволивший, наконец, себе удивиться, лорд-канцлер. — Ожидается, что последователи соберутся почти со всей королевства... Керн пообещал, что... вы, сир, лично выслушаете его...

Король продолжал молчать, увлеченно грызя яблоко, словно ему только что рассказали не очень занимательную и, даже более того, скучную историю. Наконец, проглотив очередной кусок, он поднял голову и ехидно спросил:

— Нам, кстати, интересно, лорд-канцлер, а когда вы намеревались обо всем этом доложить? Или вы думали, что, мы, его королевское величество, Мореот Второй Китонский такими вещами не интересуемся? Может, мы настолько глупы, что совершенно не разбираемся в делах собственного королевства? Так, что же вы молчите?

Марите смертельно побледнел и цвет его лица стал лишь немногим отличался от беломраморной стены дворца. Он не торопился отвечать на столь провокационные вопросы и лихорадочно искал спасительный ход, позволивший бы ему выскользнуть из этой ловушки. "Значит, этот королевский увалень не такой уж и глупец, как мы считали! — размышлял лорд-канцлер, физически чувствуя, как утекает время. — Он все знал. Знал и про моих шпионов, и про намечающееся сборище фанатиков... Возможно, королю известно и о заговоре. Но почему же меня еще не схватили? Играет или издевается?! Нет, слишком уж он спокоен и доволен собой. Если бы он хоть что-то знал о заговоре и его участниках, знать уже давно бы хватили по всему Китону и вешали на столбах. Похоже, он просто радуется, что узнал о фанатиках сам, без моего участника. Думает, сделал мне маленькую гадость! Ладно, посмотрим".

Ваше Величество, — искусно придавая своему голосу нотки подобострастности и лести, заговорил лорд-канцлер. — Даже в мыслях я не позволяю такого! Напротив, я был и остаюсь, ваше Величество, самого высокого мнения о ваших способностях! Вы, несомненно, лучший монарх, которого Светозарный Митра только мог подарить благословенному Китону! Я всегда восхищаюсь вашим бесподобным чутьем и отменной выдержкой и у Вашего Величества нет более верного слуги, чем лорд-канцлер!

Поднимая склоненную голову, лорд-канцлер мгновенно почувствовал, что выбрал беспроегрешный путь и, если не вернул прежнее доверие короля, то, несомненно, избежал немедленного изгнания или казни. Король Мореот Второй "цвел и пах"; на его лице играла довольная улыбка, а с величественной горделивой позы можно было писать как минимум портрет легендарного Спасителя Отечества Порета Великолепного, одного из старых китонских королей.

— Хорошо, лорд-канцлер, — причмокивая толстыми губами, пробормотал король. — Мы совсем не сомневались, что вы наш преданный слуга и готовы выполнить любое наше повеление. Но, запомните, впредь такое больше не должно повториться! Мы, Мореот Второй, должны знать все о наших поданных!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

С видом победителя, он посмотрел на столпившихся придворных, которые уже сегодня должны были разнести по всему дворцу об официальной порке лорд-канцлера.

— Так, а где глава Конклита? — вдруг, недовольно спросил король, желавший, чтобы все, включая и сообщество магов, знали об унижении всемогущего лорд-канцлера. — Что-то я его не вижу.

— Ваше Величество, — слегка склоняя голову, заговорил Пелту Дарин. — Верховный Конклит утвердил нового главу. С сегодняшнего дня, я, Пелту Дарин, был положен в первые магистры.

— Ох, уж эти ваши дрызги! — поморщился король, словно под нос подсунули какие-то отбросы. — Как быстро и тихо Илириуса сняли. Дети, прямо!

Бывший первый магистр в этот момент находился в своем кабинете. Закончив мерить шагами пол, Илириус Зенон тяжело опустился на высокий резной стул. В нем уже совсем ни чего не осталось от того Зенона, который величественно восседал во главе Верховного Конклита, и перед которым трепетал сам монарх. Сейчас в комнате находился обыкновенный старик, окончательно придавленный грузом полетевших лет и тяжестью свалившихся на него невзгод.

Волосы, кое-где отливавшие чернотой, окончательно покрылись серебром. На впалых щеках поселилась желтизна, заострился крючковатый нос.

Его взгляд обежал стол, ставший за все эти годы таким родным, и остановился на пожелтевшем пергаменте. Тяжело вздохнув, он взял его в руки и остекленело уставился на расплывающуюся вязь букв.

"...Верховный Конклит обвиняет Первого магистра Илириуса Зенона в профессиональной некомпетентности, опасном попустительстве к распространяющейся по всему Китону ереси, в сочувствии к осужденным преступникам, в помощи беглому преступнику, — вспыхивали огнем переливающие буквы. — Собрание магических иерархов постановляет: сместить Илириуса Зенона с поста Первого магистра, лишить доступа к собранию магических артефактов и вынести предупреждение".

— О, Митра, как же я мог быть таким слепым?! — обхватив голову руками, горько пробормотал бывший Первый магистр. — Я же даже не мог представить себе, что такое возможно. Я лишь хотел разжечь искорку в молодых душах, добавить чуточку пламени...

— Вот-вот, Илириус! — раздался со спины знакомый голос. — Все мы хотели, чтобы в молодых сердцах вновь разгорелась страсть и пламя!

Быстро обернувшись, Зенон встретился глазами со своим другом — Торианом Пияту, стоявшим у полураскрытой двери.

— Думаешь, только ты видел, что Конклит стал разлагаться и потихоньку начал смердеть, как старая падаль? — печально продолжал Ториан. — Нет, и еще раз нет! Это чувствовали все! Все мы понимали, что так больше нельзя жить.

— Да, мой друг, так больше жить нельзя, — склоняя голову, опустошенно повторил за ним Зенон. — Как оказалось, нельзя, посадив королька (крошечная птичка, выдававшие чудесные трели) в золотую клетку, ждать от него таких же прекрасных песен, как и на свободе... Как же мы ошибались, Ториан! Почему дальше своего носа мы ничего не видели?

Ториан Пияту медленно подошел к нему и, положив руку на плечо, произнес:

— Теперь это уже не важно. Давным-давно, мы уже сделали свой выбор и сейчас пришло время за него расплачиваться. Илириус, я пришел не затем, чтобы поговорить с тобой о прошлом. Для этого нужно другое время и другое место... Верховный Конклит

постановил послать тебя и еще трех сильнейших магов, чтобы вернуть Килиана Барториуса. Он не должен избежать казни!

— Выходит, они все знают! — удивился Зенон. — Но, откуда? Как?

Пияту, наклонившись к нему, прошептал:

— Буквально, вчера, ищайка Первого магистра в архивах откопала обрывки пергамента времен Проклятой империи... Там оказалась инструкция по управлению Оком Драконта. Верховный Конклит бушевал все утро, когда магистры узнали, что Око Драконта на самом деле обыкновенный артефакт переноса.

— Черви! — с отвращением бросил Зенон. — Выходит, я должен снова предать своего ученика... Опять предательство! Опять ложь! Кругом одна ложь! Они ничем не лучше нас с тобой. Лгуны!

Бывший глава Верховного Конклита вскочил со стула и стал нервно прохаживаться по комнате.

— Нет! Они хуже! — распался он, размахивая руками. — Они не только лгуны, но и властолюбцы! Вся эта клика алчет власти, как дикий зверь горячей крови. Что им старый учитель со своим учеником? Какое им дело до сотен магов, медленно превращающихся в тупых невежд? Им нужна лишь власть, и нет такой цены, которую бы они с радостью не заплатили! Нужна кровь? Так они дадут кровь! Много крови, реки крови! Нужны человеческие души? Пожалуйста, на алтарь алчности хлынут непрерывным поток души...

Внезапно, Зенон наткнулся на своего друга и резко остановился. Ториан схватил его за рукав и мягко проговорил:

— Илириус! Друг, пойми, сейчас только они могут держать в руках рвущуюся с привязи толпу! Ты их ненавидишь — пусть, будет так! Но, только не иди против. Ты же прекрасно знаешь, что в магическом обществе разброд и нет прежнего единства. В Конклите еще сильны твои позиции; многие прекрасно помнят тебя и с ностальгией вспоминают то время. Ты, понимаешь?! Все старики и большая часть болота (устоявшееся название магов среднего возраста, которые составляли большинство Верховного Конклита) в случае твоего отказа могут выступить против Первого магистра! Пелту поддерживает в основном молодежь, которая тебя практически не застала. Ты хочешь свары? Раздора среди магов? Посмотри, будет же бойня! Пелту в случае опасности просто вырежет все руководство по одному...

— Ладно, Ториан, — еле слышно сказал Зенон. — Я согласен. Передай им, что с моей стороны препятствий не будет.

Входная дверь, вдруг, открылась и в комнату вошли два старших магистра. Насторожено зыркая глазами, они быстро осмотрели помещение и статуями застыли у порога. Через несколько минут на пороге появился сам Первый магистр Пелту Дарин, величественно запахнувший свой роскошный плащ.

— Вот видите магистр Ториан, все сложилось самым наилучшим образом и у нас уже есть первый доброволец, — усмехаясь произнес он. — Думаю, за остальными дело не станет... Я всегда знал, что вы, бывший Первый магистр (Дарин посмотрел на Зенона), адекватный человек и сразу же поймете, что нужно делать. Именно так и случилось! А теперь, нам всем надо быть в королевской зале, а то можем не успеть на торжественное представление. Что, вы не знаете? Хм. Странно. Именно сейчас, вам, магистр Зенон предстоит принести клятву подчинения. А, вы, думали, я глупец? Думали, отпущу вас прямо в объятия к своему ученику и вы нас опять лишите прекрасного зрелища?

Развернувшись, Первый магистр исчез в коридоре. Следом, так и не сказав ни слова,

испарились и его сопровождающие.

— Пора, — твердо произнес Ториан, помогая встать своему другу. — Ты должен это сделать несмотря ни на что! Это твой долг! Долг перед всеми нами!

Илириус Зенон молча поправил свое одеяние и направился в королевский зал. С каждым его шагом шум из-за неплотно закрытых дверей становился все сильнее и сильнее. Наконец, створки распахнулись и маги дружно встали, приветствуя его.

Магистр медленно шел к алтарю, вспоминая формулу магического подчинения. Давно уже маги его уровня не произносили таких клятв; считалось, что маг высшего круга не может предать и обмануть, и соответственно, унижительно заставляя его приносить подобную клятву.

Он физически чувствовал, как были напряжены собравшиеся. Сотни глаз следили за каждым его шагом: кто-то смотрел с затаенным сочувствием, кто-то с откровенным злорадством.

Старческие руки легли на матовый шар, мгновенно вспыхнувший зеленоватым светом.

— Клянусь, — хрипл произнес Зенон. — Клянусь служить Верховному Конклиту. Клянусь привести на суд Конклита осужденного Килиана Барториуса живым или мертвым.

Огромный столб пламени взмыл вверх и сразу же растаял.

— Клятва принята! — с пафосом произнес Пелту Дарин, поднимаясь с места. — Магистр Илириус дал клятву. Осталось выбрать трех магистров, которые станут его спутниками в этом нелегком путешествии. Магистр Зенон, может быть вы нам и поможете в этом нелегком вопросе?!

Оставаясь на постаменте, Илириус Зенон по своей старой привычке сложил руки за спиной и стал похож на старого учителя, читающего лекцию студентам академии.

— Предложить кандидатуры — он на мгновение замолк и сразу же продолжил. — Это значит выбрать самых достойнейших. Это не только большая честь для любого из нас, но и огромная ответственность! Я благодарю Верховный Конклит за предоставленную мне возможность сказать несколько теплых слов о лучших из нас!

Огромный зал притих. Замолкли даже сторонники первого магистра, разговоры которых создавали неприятный фоновый шум. Все прекрасно понимали, что авторитет названных сейчас кандидатов несоизмеримо возрастет по сравнению с остальными. Никогда еще в истории Китона магическое сообщество не принимало участия в такого рода мероприятиях. Конечно, маги, состоявшие на королевской службе, активно участвовали в поимке беглых преступников, наказании некоторых восставших лордов, но карательная по своей сути экспедиция в иной мир была совершенно иной ступенькой в карьере любого магистра.

— Я уверен, что никто не станет оспаривать имя первого кандидата, — Зенон выдержал небольшую паузу, заставляя магов почувствовать важность момента. — Маг, первый, подобно мастерам прошлого, подчинившей своей воле дракона. Маг, которому на сегодняшний день нет равных в управлении воздушной стихией. Наконец, маг, великодушие и доброта души которого на равных соперничает с его талантом. Магистр воздушной стихии первого круга Арторис Мерито!

Зал встретил прозвучавшее имя сильной овацией, не утихавшей несколько минут. Действительно, первый кандидат от "воздушников" не имел в своей среде конкурентов, что признавали все, включая и его недругов.

— Кандидатура второго магистра, я уверен, также очевидна! — снова прозвучал старческий голос. — Этого мага я заметил еще тогда, когда он был совсем юным учеником и

очень любил проказничать.

Зенон замолчал и улыбнулся, вспоминая проказы одного из своих учеников. Вместе с ним улыбнулись и те, кто догадался об имени следующего.

— Любил он пошалить! — добродушно проговорил Зенон — Да, собственно, и сейчас он один из самых веселых людей, которого я знаю... В управлении земной стихией этот магистр достиг небывалых высот. Достаточно сказать, что он один из немногих, кто может удержать под своим контролем каменных големов... Зелия Поста, магистр земной стихии первого круга!

Из самой середины зала поднялся, улыбаясь во весь рот, высокий светловолосый маг. Он слегка поклонился собравшимся и под приветственные крики сел на место.

— Третьего и последнего мага, который войдет в состав экспедиции, должен выбрать сам Конклит, ибо я не вижу неоспоримой кандидатуры! — закончил свою речь перед мгновенно стихшей аудиторией Зенон. — Я могу назвать нескольких достойных магистров, которые с большим искусством управляют водной стихией, но выбрать среди них наиболее искусного я не сумею.

Собравшиеся магистры взорвались криками, едва только Илириус Зенон проговорил эти слова. Посыпались имена, прозвища, оскорбления и даже угрозы. Особенно сильные волнения охватили дальнюю от центральной ложи часть амфитеатра, которую традиционно занимали водные маги. Магистры практически мгновенно разделись на несколько примерно равных частей, отстаивавших двух разных кандидатов...

Видя, что магистры вряд ли смогут договориться сами и вскоре перейдут от "слов к делу", с места поднялся Пелту Дарин.

— Коллеги! Коллеги! — попытался утихомирить он разбуянившихся магов. — Давайте вместе.

Разраставшееся побоище было быстро остановлено Зеноном. Ему было достаточно вздеть вверх руки, и в самом центре зала расцвела ослепляющая вспышка... Когда передние ряды стали исчезать в ярком пламени, маги в ужасе стали карабкаться вверх. Трещали великолепные резные кресла, украшенные красным бархатом, летели в воздух чьи-то плащи головные уборы.

Безумие продолжалось лишь несколько минут и закончилось оно также внезапно, как и началось. Огонь, словно по мановению волшебной палочки, растворился в воздухе, исчез черный и удушливый дым, оставив за собой лишь поломанную мебель. Растерянные маги, только что ломившиеся от огня сквозь ряды и своих коллег, недоуменно уставились друг на друга...

— Уважаемые магистры..., - печально заговорил Илириус Зенон. — Что же это такое? Только что я видел перед собой не степенных мастеров магического искусства, а какое-то сборище простолюдинов, позабывших и честь и достоинство! Мои школяры, да базарные бабы и то больше похож на магов, чем вы!

— Магистр Зенон совершенно прав! — неожиданно встрял Дарин, только что спустившийся со своей ложи. — Уважаемые в обществе маги так себя не должны вести! Что за безумие вас охватило?

Он сокрушенно покачал головой, словно поступок его коллег поразил его до глубины души.

— Раз уж мы не можем договориться, то я, как первый магистр, сам оглашу последнюю кандидатуру. Третьим членом магической ренны (боевой универсальной группы,

создаваемой для решения узкоспециализированных задач) станет магистр водной стихии Киото Мариот — мой личный секретарь.

Глава тринадцатая

Из письма, не пропущенного цензурой. Пометка на конверте: совершенно секретно. Группа 127.

".... дорогой Отто, мама писала, что ты очень хорошо устроился. Молодец! В наше время, самостоятельно, без всякой протекции, попасть в крупновские лаборатории очень непросто... Это слишком тепленькое местечко! Я очень за тебя рад!

Надеюсь, теперь ты уже не рвешься на фронт... Отто, здесь большая клоака, пожирающая не только технику, но и солдат! Особенно не верь тому, что показывают в победных репортажах... У нас все по другому...

Хочу рассказать тебе об одном, поразившем меня до глубины души, случае... Наш батальон бросили на штурм одной высоты, которую пехота не могла разгрызть уже несколько дней. Начиналось все, как и обычно! Ты же знаешь, что остановить наших железных коней мало кому удавалось... И в этот раз, мы практически сразу задавили русских огнем. Нервы нам немного попортили лишь пара закопанных танков... Помнишь наверное, Курта, который учился со мной на одном курсе. Его танк подбил один из этих трехбашенных уродов... Хорошо успели вытащить!

Мы уже пехоту практически втоптали в пыль, когда по нашим коробочкам ударили странные оранжевые шары... Это было ни на что не похоже! Танки просто прожигало насквозь...".

Атака началась на рассвете. Под вой минометных залпов русские окопы окутались разрывами мощных мин. Воздух наполнился градом осколков, от которых мало спасали полевые укрытия.

— Огонь! — в очередной раз хрипел высохший как мумия офицер, одновременно давая отмашку рукой, и минометная батарея выдавала еще одну порцию смертоносного металла.

Немцы особо не церемонились. Не испытывавшие нехватки боеприпасов, подносчики уже на порядок превысили стандартный лимит мин, выделяемых на подготовку к атаке. На полусогнутых ногах солдаты продолжали носить тяжелые снарядные ящики. Наконец, обстрел прекратился и через оседавшую пыль двинулись танки, густо облепленные пехотой.

Выбравшись из полуразрушенного блиндажа, комбат припал к брустверу и через бинокль стал внимательно всматриваться в наступавшего противника.

— Передай в доты, пусть вступают не сразу, — бросил он приказ связисту, вихрастая голова которого крутилась рядом. — Надо немного выждать. Как они втянутся в овраг, может тогда выьем парочку.

Через мгновение связист забубнил в трубку:

— Ольха, ольха, я береза. Ольха, ольха, я береза. Прием! Ольха, ответь березе! Ольха жди! Жди, пока не втянутся в овраг! Ольха, как понял? Как понял? Товарищ подполковник, передал!

— Хорошо, — пробормотал, не поднимая головы, комбат. — Хорошо. А, это еще кто? Что за больной такой?

От медсанбата прямо мимо штабной землянки бежал, пригибаясь к земле, какой-то красноармеец.

— Да, это же мой крестник! — удивился комбат. — Смотри-ка, Мишка, точно ведь

Кирьян несется к окопам.

— Он, он это! Сбежал, стервец, — подтвердил связист, вглядываясь вдаль. — Вон как ломанулся! Во второй взвод, кажется. Точно, к Петру. Дружок это его.

Килиан в этот момент несся как угорелый, перескакивая через кустарники и разбросанные снарядные ящики. Сделав последний рывок, он чудом не свернул себе шею и упал прямо в окоп под ноги какому-то солдату.

— Братки, — чуть отдышавшись, засмеялся Килиан. — Принимай пополнение!

— Ну, Кирюха, ты даешь..., — восхищенно хлопнул его по плечу подошедший взводный. — Прямо из медсанбата и в бой! Хорош!

— Куда же я без вас?! — пробормотал Килиан, поднимаясь на гудевшие ноги. — Мы теперь связаны. О! Опять танки?!

Вмиг ставший серьезным, Петр молча кивнул и встал к брустверу. Килиан, схватив винтовку, пристроился рядом.

В этот момент он уже не ощущал себя тем Килианом — магом, которого совсем недавно с позором изгнали из дома. За те несколько дней, что он провел здесь, его воспоминания о родном мире сильно потускнели. Тот мир с его магической аурой, с его невиданными здесь животными, сварами и дрызгами, подернуло дымкой. Ему начинало казаться, что те удивительные картины о прошлой жизни, которые сознание выкидывало время от времени, не более чем видения! Призрак прошлого!

— Не высовываемся! Подпускаем ближе. — пошел по цепи приказ взводного.

Килиан присел на корточки, крепко обхватив винтовку, и поэтому пропустил момент, когда захлопали выстрелы бронебойных ружей. Гулкие хлопки раздавались практически непрерывно и вносили в звуки боя свой неповторимый рисунок.

— Что расселся? — сильный пинок отбросил Килиана в глубину окопа. — Тебе особое приглашение нужно?

Высокий кучерявый солдат нависал над ним, зло выговаривая каждое слово:

— Дошло?

Посмотрев в бешеные глаза, маг понял, что с его стороны может быть только один ответ — положительный. Кивнув головой и что-то неразборчиво промывчав одновременно, Килиан поднялся и начал стрелять. В этот момент для него не существовало большой разницы, куда стрелять и в кого целить. Он практически не видел фигурки противника; они едва только появились на горизонте. Все его внимание застилали огромные черные машины — танки, медленно вырвавшиеся в степи.

Танки на мгновение замирали и сразу же следовал выстрел. С каждой секундой, не отводящий от них взгляда Килиан чувствовал, как его восприятие этого боя начинает неуловимо меняться. Многотонные монстры, только что вызывавшие панический ужас, сейчас уже казались не такими страшными и ужасными. Они постепенно теряли этот налет страха, который окружал их.

Маг видел, как их ломаные линии начинают терять свою угловатость и незаметно приобретают плавность и округлость. Танк в его глазах переставал быть просто бездушным металлическим чудовищем, который несет вокруг исключительно смерть и только лишь смерть! Он почувствовал в нем красоту и сразу же ужаснулся этого!

"Что же это такое? — со странным воодушевлением думал он. — Как оно может быть прекрасным и волнительным? Как эта гора метала, которую даже самый последний гном постеснялся назвать своим творением, могла в моих глазах так измениться? Это же просто

невозможно!". Уродливые металлические выступы по краям, огромный и несуразный нарост наверху и длинной трубой спереди вмиг перестал быть просто набором чего-то непонятного и гадкого! "Оно же прекрасно! — Килиан не мог оторвать от него глаз. — Какое удивительное сочетание безумной мощи и скрытой силы!".

Ощущение было настолько явным и противоречивым, что маг непроизвольно застонал.

— Учитель, что же это такое со мной? — еле слышно промычал он, поднимая голову к небу. — Что со мной происходит?

Однако, некому было отвечать на его мольбу. Не было рядом человека, который с детства был ему самым близким.

— Этого же не должно быть, — неуверенно бормотал Килиан, наблюдая, как немецкие танки утюжат выдвинутые вперед стрелковые ячейки. — Это ужасно! Это ужасно прекрасно!

В каких-то метрах от него погибали солдаты, которых тяжелые машины закапывали прямо в их же стрелковых ячейках. Погибали его товарищи, с которыми за то столь малое отпущенное им время, он успел по настоящему сдружиться! Погибала его вновь обретенная семья! Но его охватывали какие-то противоречивые чувства: это и всепроникающая жалость, горечь утраты, это и ненависть к врагу, это и странное воодушевление. Весь этот коктейль, похожий на гремучую и взрывоопасную смесь, в нем превращался в удивительную смесь, имя которой "упоеание красотой смерти".

Будь в этот самый момент рядом с ним его учитель, мудрый и опытный Зенон, то эта проблема бы отпала сама собой, так и не разгоревшись из маленького уголька во все сметающее пламя. Однако рядом с ним не было никого, кроме умирающих товарищей и несущих смерть врагов.

Килиан впадал в необычное состояние, которое было чем-то похоже на транс и на бесконечно испытываемую эйфорию одновременно. Окружающие предметы то пропадали из его поля зрения, то вновь появлялись, вырастая при этом до огромных размеров. Ломались и трансформировались звуки сражения: взрывы снарядов отдавали грохотом необъятных и далеких барабанов, крики умирающих и горящих заживо солдат становились ритуальными песнями островных аборигенов. Он полностью терял связь с реальностью!

Сражение тем временем развивалось именно так, как и планировал комбат, расставляя свои немудреные силы. Немецкие танки при поддержке пехоты попытались прорваться с наиболее удобного с их точки зрения направления — там, где для танков открывался идеальный простор для маневра. Ринувшиеся коробочки с первых же минут боя наткнулись на плотный огонь броневой ружей. Рой мощных зарядов, то и дело щелкавших по броне танков, первое время особо не беспокоил танкистов, которые советские ружья презрительно называли "сталинскими мушкетами". Однако, с каждым метром, приближавшим их к заветной линии окоп, броневой огонь становился все более опасным и из просто беспокоившего превращался в смертельно опасный.

— База, база, прием! — докладывал командир первой машины. — Противотанковые орудия не обнаружены! Нахожусь под сильным заградительным огнем! Продолжаю движение!

Наконец, один танк встал, встал, как вкопанный, неудачно подставив свой бок под выстрел замаскировавшегося броневой ружей. Следом задымил второй, которого забросали бутылками с зажигательной смесью. Броневой кулак за первые часы боя потерял две машины из четырех, принимавших участие в атаке.

— Повторяю, имею потери! — надрывался в микрофон рации командир группы. —

Имено потери! Две машины подбиты! О, мой бог!

В дело вступили два импровизированных дзота. Вкопанные по макушку два танка Т-28, наконец-то, дождались своего часа. Выстрелы главным калибром, наведенные практически в упор, разметали по полю два последних немецких танка, как игрушечные. Получив по снаряду в заднюю часть, они расцвели фейерверком осколков.

Уничтожение передовой группы привел немецкое командование в бешенство, так как только этим можно было объяснить мгновенно начавшееся новое наступление. Свежая четверка бронированных машин, появившись на горизонте, с безопасного расстояния расстреляла сталинские линкоры, лишившиеся своего главного козыря — неожиданности. Огромные машины, так пугавшие иностранных дипломатов грозным видом своих многочисленных башен, оказались в ловушке, где и были бесславно подбиты. Вкопанные в расчете на близкую дистанцию боя, они были не в состоянии вести оружейную дуэль на равных.

Пока танки добивали импровизированные советские дзоты, немецкая пехота подобралась практически к переднему краю советской обороны. Уже были видны немецкие гранатеры, изготовившиеся к броске гранат. Они видно, считали советские окопы уже давно взятыми, поэтому без всякой суеты раскладывали перед собой заботливо припасенные колотушки.

— Ну, вот и все, Кирюха! — угрюмо буркнул Петр, в очередной раз проверяя полон ли магазин с патронами. — Если они притихли, считай к атаке готовятся... Сначала гранатами забрасают, а потом контуженных добьют.

Килиан в этот самый момент ни как не мог унять дрожь в руках. Они ходили ходуном, словно у больного.

— Ты, главное, сразу же как только увидишь, что они гранаты начали бросать, так немедля ложись на дно окопа, — наставлял его Петр, привязывая вместе обрывком веревки несколько гранат. — Лег и рот по шире открой! Успел, значит, поживешь еще! Ну, с Богом старина!

С поля раздалась отрывистая команда и в советские окопы полетели немецкие колотушки. То ли так задумывалось, то ли все вышло чисто случайно, но многочисленные взрывы слились в один продолжительный и сильный взрыв. Извилистые ходы и так практически засыпанные после недавнего обстрела превратились в едва различимые канавки.

— Братушки, есть кто живой? — на фоне воцарившейся тишины раздался громкий вопль. — Есть кто живой?

По окопам бродил окровавленный политрук с волочившейся за ним винтовкой.

— Братки, вставай! — то и дело наклонялся он к полузасыпанным телам и начинал тормозить их. — Родимые, ведь пойдут сейчас ироды! Ну, давай, солдатик, поднимайся. Идут ведь, идут!

Немецкая пехота шла во весь рост, опустив оружие дулом вниз. Кое-где даже слышался звук губной гармошки. Догоняя гранатеров, рвали двигатели оставшиеся танки.

— Что, твари, думаете взяли? — политрук подтянул винтовку. — Взяли?! Да?!

Клацнул затвор, винтовка взлетела к плечу и раздался выстрел. Один пехотинец упал. Цепь залегла и мгновенно окуталась выстрелами. Танки рванули вперед и пятьдесят метров, отделявшие их от окопа, они пролетели за считанные секунды.

Достигнув окопа, танки резко поменяли курс — многотонные машины начали

вспахивать землю, закапывая оставшихся защитников. Крики заживо погребенных смешались с ревом железных монстров.

— Еще немного, самую малость..., - шептал Петр, крепко ухватив гранатную связку. — Давай, давай иди.

Он на доли секунды приподнялся и метнул связку в цель. Четыре противотанковые гранаты, связанные обыкновенной бечевкой, стали для гордости немецкой промышленности крайне неприятным сюрпризом. Угловатую башню с грохотом вырвало с направляющих, а оставшаяся металлическая коробка задымила и остановилась.

— Взял?! Взял советского бойца?! — обрадованно закричал Петр, привстав с бруствера. — Понравилось?

Привставшая фигура в светло-зеленом сильно выцветшем обмундировании, оказалась для шедшего следом танка слишком хорошей мишенью. Окутавшись клубами порохового дыма, он сразу же выстрелил. Наглый пехотинец, только что красовавшийся на бруствере, исчез словно его и не было, зато появился другой.

... Воздух наполнился неприятным гудением, который заставлял замереть сердце. Через несколько секунд в небо ударил столб яркого света! И все изменилось... Открывая крепко зажмуренные глаза, солдаты не могли узнать окружающее поле. День сменился ночью, воздух превратился в обжигающую ноздри массу. Танки, только что стоявшие исполинами у окоп, стали обугленными остовами.

Глава четырнадцатая

Из замыганного пергамента, который выпал из сумки нищего и затерялся среди мусора: "Братья и сестры! Нет мне ближе вас никого, ни отца, ни матери, ни сына, ни дочери... Нет для меня большего счастья, чем служить вам, чем быть рядом с вами!

Внемлите мне и запомните сказанное мною, ибо устами моими говорит сам Единый и Сущий! Слушайте Сущего на земле и Единого на небе!

Пришло время для покаяния... Покаемся, братья и сестры! Вспомним наши прегрешения друг перед другом и перед ним... Пусть слезы искреннего раскаяния катятся по вашим щекам не переставая, ибо раскаяние — это милость Единого, это его дар его всем нам!

Хватит нам грешить, хватит нам угодничать и злословить, хватит нам копить богатство и обманывать своих близких. Зачем мы убиваем в себе святость Единого? Почему мы забыли все его наставления и поступаем наперекор его словам?

Давайте все вместе отринем Зло из наших душ и возлюбим друг друга! Гоните, как паскудно пса, злодеяния из своих домов, с улиц и дворцов...

Братья и сестры, приходите во второй день сарона на дворцовую площадь, где все вместе мы помолимся и покаемся!

Сказанное истинно.

Преподобный Керн.

Паломники всевозможными способами пытались проникнуть в город. Городской магистрат, казалось, вывернулся наизнанку, пытаясь воспрепятствовать этому. За неделю глашатай на дворцовой площади трижды зачитывал оглашая один за другим указы об ограничении въезда через городские ворота, о повышении въездной пошлыны. Не помогали ни городская стража, лютовавшая при въезде, ни дополнительные разъезды гвардейцев. Все было без толку!

Каждое утро перед городскими воротами начиналось одно и то же. Мужчины, женщины, старики, старухи, дети, стоявшие лагерем у города, старались любыми способами попасть в город. Мужчины нанимались работниками за копейки, а подчас и вообще бесплатно, лишь бы их провели за городские стены. Сходили с ума женщины, отдаваясь прямо на пыльной земле любому, у кого был лишней проездной ярлык. Дети разного пола и возраста, словно ручные животные, цеплялись за платье торговцев, возвращавшихся из поездки, умоляя их взять с собой.

Вечером, сразу же после захода солнца, стража начинала медленно закрывать городские ворота, отталкивая бесчинствующую толпу ударами алебард. Однако люди продолжали напирать, не обращая ни какого внимания на падающих рядом. Десять — двенадцать трупов было обычной платой, которую приходилось платить за своевременное закрытие ворот.

Все, кому удалось правдами и неправдами пробраться в город, во второй день начали стекаться на дворцовую площадь. Людские ручейки, начинавшиеся на самых окраинах городских трущоб, к ремесленным кварталам начинали набирать силу, превращаясь в полноводные реки. К обеду на площади уже бушевало безграничное людское море, ждавшее только одного — преподобного Керна.

Он появился неожиданно и совсем не там, где все было приготовлено к его приходу.

Пока, одетые в самое разное трепье, люди напряженно всматривались в высокий, обшитый красным бархатом, помост, преподобный Керн медленно пробирался к середине площади.

Рубище, которое было на него надето, выглядело, пожалуй еще более отвратительно, чем обноски остальных паломников. Его роскошные черные волосы, всегда тщательно вымытые и уложенные, засаленными клочками глядели в разные стороны. Вместо длинной увитой бородки мотался покрытый дегтем черный хвост.

Керн, выбравшись почти на самую середину, резко упал на колени и испустил душераздирающий крик:

— А-а-а-а-а-а-а-а-а!...А-а-а-а-а-а-а-а-а!

Толпа замолкла, как по взмаху волшебной палочки. Люди недоуменно завертели головами по сторонам, пытаясь понять, откуда же доносится этот берущий за душу вопль.

— Братья и сестры! — вновь оглушающе взревел Керн. — Посмотрите на меня!...

Стоявшие рядом паломники, разглядевшие, наконец, своего пастыря, рядами стали падать на колени... Огромная площадь шевельнулась, на мгновение показав тысячи спин, и вновь застыла.

— Вы видите, братья и сестры? — рев достигал каждого уголка площади. — Вы видите, что еретики сделали со мной, вашим братом по вере?! Они не избили меня. Нет! Они не порвали мои одежды. Нет! Они надругались над нашей верой! Они оболгали все, во что мы с вами свято время!

Керн лег на пыльную брусчатку и стал кататься по ней, подвывая при этом как дикий зверь. Хламида на его спине расползлась, обнажая располосованную спину. Едва зажившие раны вновь открылись и на камень щедро полилась кровь, бросая последователей в религиозное бешенство.

— Смотрите, братья и сестры! — вскакивая на ноги, закричал он. — Смотрите туда, где засели нечестивцы!

Покрытая струпьями рука указывала на дворец.

— Они там! Я вижу их! Я чувствую их грязные души, — захрипел проповедник, вновь падая на колени. — Я чувствую, как жирные черви копошатся внутри них! Братья и сестры мои в Едином, слушайте меня... Господь взывает нас помочь им и спасти их души от лжи, алчности и коварства! Единый просит нас помочь ему! Поможем ли мы, братья и сестры?

В ответ раздался слитный вопль тысяч людских глоток, исторгавших лишь одно:

— Да!

— Так, идите и спасите их души! — счастливо улыбаясь прокричал Керн, махнув руками в сторону дворцовых ворот.

В этот момент в королевских покоях текла незамысловатая беседа, суть которой сводилась к тому, какой король, Мореот Второй, дальновидный и добрый правитель.

— Разве не при Вашем Величестве были увеличены налоги с ремесленников и сельского быдла, потраченные потом на строительство прекрасного как солнце и величественного как горы королевского дворца?! — угодливо кланялся лорд-канцлер Беату Марите. — Разве дворец теперь не освещает своим величием всех подданных?! Мы все не перестаем восторгаться Вашим Величеством

— Хватит, хватит, Беату, — лениво махнул рукой король, приближаясь к окну. — Я же уже повторял, что простил тебя! Смотрите какое замечательное зрелище!

Мореот Второй широко отдернул тяжелый шторы, блестящими волнами спадавшими вниз. Придворные во главе с лорд-канцлером тоже поспешили к окну, где беснующийся

толпа только что бросилась на штурм ворот.

— Ха! — весело рассмеялся он. — Это будет занимательно! Давненько у нас не было такого зрелищ... Нет, вы посмотрите! Эти недоумки, хотят прорваться через латников! Я думал, что в моей стране любой ребенок знает о непобедимости гвардейских латников! Оказалось, кто-то еще остался.

Огромная толпа с голыми руками кидалась на королевских гвардейцев, которые стеной блестящего металла перекрыла ворота.

— Ах, какой удар! — взревел от восторга король, увидев, как толстого мужика разрубили до половины. — Кто это был? Да, да, этот гвардеец?! Как его зовут? Немедленно узнать!

Разодетые павлинами придворные сразу же зашушукались, пытаясь вспомнить, как его имя и из какого он рода. В хорошем расположении духа король был настолько милостив, что мог не просто возвести в дворянское сословие, но и пожаловать какой-нибудь титул. За время своего правления он уже помог таким образом появиться не одному дворянину.

— Ваше Величество, — прогремел от двери встревоженный голос начальника дворцовой стражи. — Ваше Величество...

— Ну, что тебе? — не отрываясь от зрелища, недовольно спросил король. — Опять какая-нибудь мелочь? Ни чего без меня решить не можете?

— Ваше Величество, со стороны парка исчезла стража, — голос начальника стражи дрожал. — Я только что от туда. Там никого! Ворота пусты!

Придворные зашевелились и стали недоуменно переглядываться. Услышанное у многих не укладывалось в голове. Как стража могла покинуть свой пост? Дезертирство с поста означало не только потерю достаточно хлебной должности, но и судебную расправу.

— Какая к Каину стража? — ни как не мог понять Мореот Второй. — Около парка? Поставьте другую, а этим отрубите руки, чтобы другим не повадно было.

Однако, начальник стражи не уходил. Он непрерывно отирал пухлое красное лицо платком и переминался с ноги на ногу, словно не решался что-то еще рассказать.

— Ты еще здесь? — вопросительно поднял брови король. — Чего мнешься? Что еще там?

— Ваше величество, — тревожно оглядываясь на застывших придворных, чуть не шепотом начал тот. — Лорда Сарана нет во дворце. Я был в казарме... Ваше Величество, там тоже никого нет!

— Что?! — до короля, наконец-то, начала доходить абсурдность ситуации. — Главы королевской гвардии нет на месте? Может лорд Саран опять у фрейлин сидит?! Вы проверили?

У Мореота Второго начала дергаться щека, что говорило о приближавшейся вспышке ярости. От его бывшего благодушия не осталось и следа. Придворные стали незаметно отходить к краям покоев, так как в пылу гнева монарх мог запросто сорвать злость на ком-нибудь из них.

— Так, — глухо протянул король, нащупывая поясной клинок. — Значит...

Неожиданно, расталкивая стоявших у двери стражников, в комнату влетел светловолосый молодой человек. Он был в темно синем камзоле, богато отороченным милиновым мехом. Огромные глаза, высокий лоб и с горбинкой, как у самого короля, нос — все это говорило о том, что в покоях появился наследник.

— Отец, скорее, — задыхаясь от возбуждения, прокричал он. — Там. Чернь! Во дворце.

Они схватили маму!

Короля словно обухом по голове ударили. Он растерянно смотрел на сына.

— Чернь во дворце, — бормотал Мореот Второй. — А стражи нет.

К королю решительно подошел капитан королевских гвардейских, до этого стоявший в толпе придворных.

— Сир, — твердо проговорил он. — Это, определенно, мятеж! Из дворца надо срочно уходить! Мы должны добраться до Коруэла! Только там можно держать осаду.

Королевский взгляд приобрел осмысленность.

— Ты со мной... Ты меня не покинул., - король окончательно пришел в себя. — Тогда вперед в Коруэл! Вон из этого гадючника!

Вытащим меч из ножен, капитан зловеще улыбнулся и заорал:

— Гвардия ко мне! Король в опасности!

К стоявшим у дверей высоченным латникам сразу же присоединились еще четверо.

— В каре! Рубить любого, кто встанет на пути! За короля!

В ответ воздух сотряс слитный вопль:

— За короля!

Шестеро солдат, вытянув на изготовку алебарды, взяли короля с наследником в кольцо и медленно пошли по коридору. Следом, в ужасе оглядываясь по сторонам, засеменили придворные. Лишь один человек не поддался панике — лорд-канцлер. Он продолжал стоять у окна, по-прежнему, наблюдая как последователи Керна раз за разом пытаются опрокинуть латников. Беату загадочно улыбался, теребя массивный перстень с бриллиантом.

— Вот и все... Попался голубок в мой силлок, — еле слышно бормотал Беату Марите, несколько раз махнув в оконном проеме огненно-красным платком. — Беги, беги как можно быстрее, все равно бежать некуда!

Тем временем у дворцовых ворот начали происходить странные события. Толпа, только что бушевавшая в религиозном экстазе, отхлынула от ворот. Преподобный Керн вскинул вверх руки, призывая к молчанию.

— Братья и сестры, случилось чудо! Единый на небе и Сущий на земле явил нам свою милость. Смотрите.

Не обращая внимание на кровавые раны, толпа с фанатичным обожанием смотрела на проповедника, из-за спины которого выходил большой отряд конной гвардии. Впереди гвардейцев важно вышагивал одетый в черные латы всадник с громадным плюмажем на шлеме.

— Смотрите, дети Единого... Смотрите, как велика сила нашего бога! Он озарил своей мудростью и самых последних и самых первых. Вы видите, как наши враги стали нашими братьями по вере!

При этих словах люди начали с удвоенной силой славить Единого бога, выкрикивая религиозные псалмы.

— Они будут с нами жечь это гнездо нечестивцев! Вперед же братья и сестры! Вперед!

Конница, набрав скорость, таранным ударом смела потерявших надежду латников и ворвалась во дворец. Следом размахивая ножами и дубинами понесся весь остальной люд.

— Ты послал кого-нибудь в парк? — озабоченно спросил Керн у стоявшего рядом внешне совершенно ничем ни примечательного человека. — Там рядом покои королевы и наследника...

С преподобным Керном в этот момент произошла разительная перемена. От

фанатичного, брызжущего ненавистью, проповедника ни чего не осталось: исчез яростный блеск в глазах, хищный оскал сменился презрительной улыбкой. На помосте стоял совершенно другой человек — властный, гордый и независимый.

— Ты что оглох? — с раздражением переспросил он своего соседа. — Ты послал кого-нибудь в парк?

— Да, Керн! — ограничился лаконичным ответом собеседник. — Туда направилось почти две сотни сторонников... Они все сделают, как надо. Не волнуйтесь!

Керн так на него посмотрел, что невольно поперхнулся.

— Не волнуйся, не волнуйся, — недовольно пробормотал он. — Все так говорят, а в последний момент всегда случается что-нибудь непредвиденное! Король и наследник должны быть убиты толпой. Я надеюсь, ты своим это объяснил?!

— Они знает свое дело! — последовал спокойный ответ. — Останется только королева.

— Ну, что же, пошли посмотрим! — проговорил Керн, вновь принимая вид наделенного святостью преподобного. — Вперед, дети Единого! Да сторит к Каину все нечестивое отродье!

Они медленно шли по дворцу, всюду наблюдая следы разгула толпы. Прежде роскошно задрапированные залы оказались завалены мусором, стены с золоченной лепниной были забрызганы кровью и испражнениями. В коридорах валялись разрубленные трупы слуг, не успевших во время скрыться. Толпа, ворвавшаяся во дворец, ни кого не щадила: ни детей ни женщин.

— Смотри-ка, — удивился Керн, брезгливо трогая ногой труп очередного слуги. — Всех зарезали! Чисто Просто звери. Давай-ка, посмотрим дальше...

Такая же картина их ждала и в остальных помещениях: везде запустение и трупы, трупы и запустение. Лишь в поварской из своего извращенного любопытства Керн ненадолго задержался.

Большая кухня, заваленная всякими бочками и кастрюлями, представляла собой зрелище не для слабонервных. Расчлененные тела в белых халатах лежали вперемешку с босяками в рубище. Ужасные рубящие раны так часто покрывали тела мятежников, что Керн удивленно присвистнул.

— Где же сам герой, устроивший это представление? — с интересом пробормотал он, ища куда поставить ногу в этом кровавом месиве. — Где же этот молодец? Ах, вот ты куда запропастился!

Проповедник с восхищением рассматривал открывшуюся перед ним картину. Толстый повар, продолжая сжимать в руках огромные тесаки, висел в очаге, насаженный на шампур.

— Хорошо, он здесь порезвился! — проповедник кивнул своим спутникам на повара. — Вон сколько последователей нашинковал... Силен!

— Так, это Скал! — узнал его один из сопровождавших. — Он же в повара из гвардии подался. Прозвище у него еще было Скал Буйвол.

— Ладно, к Каину этого буйвола! — разворачиваясь, бросил Керн. — Покажите мне короля и его семя! Подайте мне его сюда!

— Он в главном зале, преподобный, — вышел вперед один из сопровождавших. — Там и король и наследник. Только...

Керн бешено сверкнул глазами, как готовящаяся к прыжку кошка.

— Что только? Что? — прорычал он.

— Там же Конклит заседает, — отступая на шаг, с благоговением выдал тот. — Маги.

Среди последователей, столпившихся вокруг своего проповедника, пронесся легкий ропот. Чувствовалось, что они не горели желанием сражаться с разгневанными магами.

— Мой дорогой друг, не надо беспокоиться по поводу магов! — из-за их спин раздался насмешливый голос. — Маги никогда не пойдут за короля-некроманта! Они все помешаны на своем Великом равновесии и сделают все, чтобы оно сохранялось.

— Чей это голос я там слышу? — мгновенно гася вспышку ярости, невозмутимо спросил Керн. — Уж не мой ли это брат по вере, великий лорд-канцлер?! Уж не сам ли это светлейший Беату Марите?!

Раздвигая сопровождающих плечом, лорд-канцлер радушно обнял своего собеседника. Оба, казалось, лучились от радости...

— Ну, что вы, преподобный! — лицемерно возмутился лорд-канцлер. — Какие расшаркивания могут быть перед настоящими друзьями и, главное, единомышленниками?! Для вас я просто Марите...

Он смотрел на Керна и улыбался, думая при этом совсем о другом: "Я, же тебя, скотина, сгною в подвале! Будешь гнить там заживо, пока мясо с твоих костей не спадет и его не сожрут крысы!".

— Ладно, друг Марите, — Керн улыбался не менее лучисто и широко. — Тогда идем в главный зал и окончательно раздавим гниду!

Они подошли в тот самый момент, когда в воздухе уже начало "пахнуть жареным". Группа последователей, раздобыв где-то бревно, готовилась высаживать массивные бронзовые двери, а с другой стороны, замерли маги, ошетилившиеся боевыми заклинаниями.

— Братья! Стойте! — грозно прогудел Керн. — Стойте! Единый сказал мне, что сейчас он явит нам свою милость!... Он поведал, что враги наши падут, а несогласные прозреют и обратятся к истинной вере!

После этих слов, осторожно пробираясь мимо разгоряченных последователей Единого бога, лорд-канцлер подошел к двери и крикнул:

— Уважаемый Конклит, выслушайте меня, прежде чем прольется кровь наших братьев и сестер! Это говорю вам я, лорд-канцлер Беату Марите! Вас, наших благословенных друзей, обманули. Посмотрите, кого вы защищаете?

Речь лорда-канцлера вызвала за дверью бурю негодования. Собравшиеся магистры взорвались гневными криками и яростными призывами...

— Братья, он же сошел с ума! Предать своего короля, нарушить священную клятву.

— Предатель и мятежник!

— На дыбу его!

— Сжечь!

Королю все эти возгласы были как бальзам на рану. Всю дорогу боровшийся с тяжелой мыслью о всеобщем предательстве, он увидел, наконец, что ему верны и преданы, и не кто-нибудь, а сами маги — элита королевства.

— Магистры! — продолжал кричать Беату Марите, наблюдая в щелочку за реакцией. — Во имя Великого равновесия, выслушайте меня!

Его голос, таинственным образом усиленный, долетел до всех уголков зала, и маги затихли. В ложе поднялся первый магистр и величественно произнес:

— Лорд-канцлер Беату Марите сказал священные слова и мы должны его выслушать! Впустите его!

Засов со скрежетом выскользнул из пазов и массивные двери открылись, пропуская

довольного Марите.

— Уважаемые магистры, вы говорите, что я мятежник и клятвопреступник, — с искренней дрожью в голосе начал он. — Да! Я скажу вам — да! Я восстал против своего короля и преступил священную клятву и я совершенно в этом не раскаиваюсь! Ни сколько не раскаиваюсь, ни капельки сожалею! Если надо будет я снова сделаю это...

— Лорд-канцлер, вы осознаете, о чем говорите?! — недоуменно пробормотал пораженный первый магистр. — Вы говорите о предательстве своего монарха, миропомазанника божьего...

— Я?! — с яростью ткнул себя в грудь Марите. — Я в своем уме, а вы? Вы, уважаемые магистры, знаете кого пригрели на своей груди? Посмотрите на него внимательнее!

Ни чего не понимающий, король растерянно вертел головой. Он уже совершенно ни чего не понимал. За маленький отрезок времени Мореот Второй испытал столько, сколько иной монарх не увидит и за целую жизнь. Мятеж, предательство друзей, потом бегство сквозь залитые кровью коридоры, кажущееся спасение, и вновь нависшая смертельная опасность.

— Кого же вы видите перед собой? — тыкая пальцем в короля, возопил лорд-канцлер. — Думаете, перед вами стоит брошенный и обиженный всеми король?! Да?! Думаете, я, злой и ужасный Беату Марите, связался с мятежниками и решил завладеть престолом?! Это так?...

Выдержав небольшую паузу, он с еще большим гневом продолжил:

— Да, он еретик!

Толстый палец, словно копье указывал на сторбившегося короля.

— Вы служили ему верой и правдой! Вы не покладая сил защищали королевство от врагов! Он же занимался проклятым искусством! Он в тайне изучал знание мертвых!

Тишина в зале стояла такая, что было прекрасно слышно, как под радостные крики толпа разносила дворец. Магистры не могли поверить в услышанное. Брошенное обвинение было не просто ужасным, а потрясающим основы всего государства. Если хотя бы даже небольшая часть из сказанного окажется правдой, то Китон, как самостоятельное королевство, может просто не устоять на карте. Соседние правители с огромной радостью направят свои армии на государство, где правит возрожденный некромант.

Первым не выдержал Пелту Дарин, резво вскочивший со своего места. Взгляд его был устремлен туда, где стоял растерянный король.

— Ваше Величество, это правда? — обвиняющее спросил он. — Вы, действительно, занимались проклятым искусством?

— Я. Я не понимаю о чем вы говорите, — дрожащим голосом пробормотал Мореот Второй. — Каким еще проклятым искусством?!

— Вот видите! Видите! — закричал лорд-канцлер. — Он морочит вам голову... Смотрите, как дрожат его руки! Это душа, проданная Каину, говорит за него!

Руки у короля, действительно, ходили ходуном. Пытаясь унять дрожь, он неловко спрятал их в широкие разрезы камзола.

— Лорд-канцлер, это очень тяжелое обвинение! — с сомнением в голосе, заговорил первый магистр. — И вы нам, так и не предоставили ни одного доказательства виновности короля в данном преступлении. У вас есть, что еще сказать, прежде чем вас выпроводят отсюда?!

Марите с презрением оглядел огромный зал и, заложив руки за спину, произнес:

— Да, мне есть, что показать Верховному Конклиту... Керн, тащи сюда камердинера!

Через мгновение из-за дверей, которые, по-прежнему, охраняли четверо огненных магов, вылетело скрюченное тело.

— Вставай, мешок с дерьмом! — лорд-канцлер с чувством ударил по телу ногой. — Вставай, тебя хочет услышать Верховный Конклит! Гордись, ведь еще ни один простолюдин не удостоивался чести обращаться к собранию магов!

Человек стал осторожно вставать с карачек, продолжая боязливо закрывать голову руками. Он с испугом смотрел по сторонам и шарахался от каждого шороха.

— Смотрите, уважаемые магистры! — показывая на него рукой, закричал Марите. — Вот мое доказательство! Это камердинер короля! Его самое доверенное лицо на протяжении почти двадцати лет. Он ему полностью доверял и делился с ним своими самыми сокровенными тайнами. Спросите его сами и вы все узнаете!

Магистры вставали с мест, стараясь лучше разглядеть забитого человечка.

— Назови свое имя! — приблизился к нему Пелту Дарин.

— Я... Маста Кей, — заикаясь, прошептал человек. — Я камердинер его королевского величества последние двадцать лет.

Первый магистр с ужасом смотрел на него и с трудом узнавал. Прежде холеный придворный, с большим пиететом относящийся к своей внешности, выглядел совершенно разбитым и дряхлым стариком.

Тяжелый сапог, густо намазанный дурно пахнущим гуталином, смачно приложился по животу.

— Ну что, дальше будешь тут ваньку валять! — заорал усатый следователь, наклоняясь к отлетевшему в дальний угол телу. — Ты свои рассказы для лагеря побереги! Если повезет...

— Ха! Эта гнида твой сапог кровью запачкала! — очнулся, наконец, второй, до этого наблюдавший молча. — Смотри-ка, нутро, кажись, уже отбили, а все молчит! Упертый, падла. Знаю я таких, до последнего хайло свое не раскроет.

Первый задумчиво оглядел свой сапог и тщательно протер его ветошью.

— Да уж. Молчаливый попался, но это ничего и не такие у нас говорили, — недовольно пробормотал он. — Это, Павлуша, как грибочки собирать.

— Какие-такие грибочки, Никанор Васильевич? — удивился второй следователь, выскочившей присказке. — Что-то я не слышал.

Напарник его, зрелый уже мужик, усмехнулся в усы и говорит:

— Так, слушай. Грибы, они ведь разные бывают. Ну там могут и с червоточинкой попасться, и с треснувшей ножкой или шляпкой. А бывает и красавца белого найдешь! Сам богатырь, без единой трещинки, крепенький такой... Увидишь его и диву даешься, как это он такой вырос в лесу?!

— И, что? — недоуменно спросил молоденький особист. — Хорошие грибы, плохие грибы.

— А то! — покровительственным тоном продолжил Никанор Васильевич, откидываясь на спинку стула. — Гриб, если уж ты его в корзинку положил, все равно пойдет на щи или в пироги! Понял, Емеля?!

Посмотрев на соседа, он разъяснил:

— Человек тоже, как гриб, бывает и с червоточинкой в душе... Размазня... Тронешь его, а он в слезы или того хуже в штаны... Противно даже! Тьфу! Руки об такого марать не охота! А встречаются и такие вон, как эти... Орешки, хрен расколешь! Но, все они, Паша, все они через нас пройдут! Всех их, мы в бараний рог согнем! Давай-ка, ты его теперь а то я утомился слегка.

— Сейчас, сделаем, — довольно прогудел молодой. — Все расскажет, как миленький.

В этот момент зашевелился задержанный, до этого лежавший окровавленной кучей. Он с трудом, по стенке, встал и, подняв голову, с ненавистью уставился в следователей.

— Что, сынки, слабоваты оказались?! Силенок маловато-то красного командира расколоть?! — хрипло рассмеялся бывший комбат бывшей сто семнадцатой стрелковой дивизии.

— Красный командир? — опешил молодой, медленно заворачивая рукава синий гимнастерки. — Быдло, ты троцкистское! Бросил свой батальон! Кинул солдатиков-то, а?

— Я?! — загорелись яростью глаза задержанного. — Бросил? Я с первой германской... ни одного бойца не оставил!... Ты, тварь, здесь лясы точишь, а я на танки с голыми руками...

— Лясы, так лясы! На! — мощный удар полетел в голову. — Хорошо?!

— Отставить! — грозно прогремел приказ. — Это что такое? Вам, баранам, что было сказано?

Оба следователя мгновенно вытянулись перед разгневанным начальством, преданно тараща глаза.

— Так, товарищ майор, — заикаясь лепетал Никанор Васильевич. — Допросить было сказано. Узнать про бой у Велитино. Мы и допросили, а он, гнида.

— Допросить?! — сорвался на крик майор. — Допросить?!... Это называется допросить?! Вы, вообще, когда-нибудь думаете головой?... Или у вас в башке дерьмо?

Особисты боялись даже вздохнуть лишней раз. Ни разу до этого они не видели свое непосредственное начальство в таком виде. Раскрасневшийся майор орал так, что слюни веером летели во все стороны... Наконец, его отпустило.

— Тупицы! Дело на контроле у самого, — слегка задыхаясь проговорил он, многозначительно тыкая пальцем вверх. — Вы хоть понимаете, что наделали?! Вы же, олухи, меня под статью подвели.

Майор, растолкав продолжавших стоять на вытяжку подчиненных, подошел к валявшемуся телу.

— Вроде жив, — пробормотал он, щупая пульс. — Давайте его на стол кладите и доктора. Живо! Может очухается еще

Врач появился через несколько минут и сразу же деловито завозился вокруг пациента. Оба следователя роились вокруг него, незамедлительно выполняя то одно, то второе поручение.

— Ну, вот и все, товарищ майор, — тяжело вздохнув, доктор запахнул гимнастерку на теле. — Повезло. Крепкий подследственный попался... Из таких бы гвозди делать, не было бы в мире крепче гвоздей! Можете его поспрашивать...

Майор мгновенно оживился.

— Николай Алексеевич, — настойчиво позвал он. — Комбат. Слышишь меня? Комбат, очнись!

Тело, только что лежавшее окровавленным куском мяса, встрепенулось. Веки дрогнули.

— Хм... Давно, давно меня не величали по имени отчеству, — прошептал он, еле шевеля разбитыми губами. — Что... сильно нужен? Прижало. Падлы!

Глаза у следователей округлились.

— Комбат, ты же не мальчик и все прекрасно понимаешь, — без всяких эмоций проговорил майор. — Мои дуболомы, получив приказ, перестарались, и за это ответят. Короче, это нужно не мне, не тебе и уж тем более не этим двум дуракам! Это нужно для страны, для победы!

— На жалость давишь?! — захрипел подследственный. — Ты еще мне о долге расскажи или о чести советского командира!

Услышав издевательский смех, майор крепче сжал кулаки. Он отнюдь не был тем чудовищем, каким его считали многие знакомые, и прекрасно понимал, что после такой обработки должен чувствовать человек.

— Но ты прав! — неожиданно услышал шепот майор. — Ты совершенно прав! Мы пыль, мы всего лишь прах. Слушай, майор внимательно, а то, чувствую, не потяну я долго. Тяжело мне, так тяжело, что жить не хочется!

Бой тогда тяжелый был. Больно сильно немец давил: почти полк против моего неполного батальона, да танки. Одна, нет, две танковые роты! Понимаешь, против моих пацанов? Они же не все раньше винтовки видели. В руки брали как вилы. А их на танки. Кругом танки, одни танки.

— Николай Алексеевич, что дальше? — нетерпеливо вскочил с места майор, едва бывший комбат умолк. — Что же там все-таки случилось?

Не услышав в ответ ни звука, он повернулся к доктору:

— Приведи его в чувство! Живо!

— Но, товарищ майор, — начал было разводить руками врач. — Он в очень плохом состоянии... Ему бы отлежаться, а то до вечера не протянет.

— Интеллигент очкастый, — прошипел сквозь зубы майор, расстегивая кобуру. — Ты, кажется, чего-то недопонимаешь?! Он должен сообщить сведения, представляющие особую ценность для обороноспособности нашего государства...

Он поднял пистолет и направил его прямо в лоб врачу.

— Подумай, хорошенько. Ты сейчас или помогаешь... или по законам военного времени...

Ему не пришлось даже договаривать, как до смерти перепуганный врач бросился к столу и вновь стал колдовать над телом.

— Что, майор, испугался? — наконец, очнулся комбат. — Думал, все?! Слушай, тогда дальше! В бою мы смогли подорвать лишь три танка три жалких танка из двадцати. Не злись, майор, знаю, о чем хочешь услышать. Это началось, когда последний дот взлетел на воздух и танки пошли утюжить пехоту. Я уже хотел стреляться, когда в троечки из окоп что-то полетело.

— Что? Что полетело? — низко, почти к самым губам, наклонился майор. — Граната, мина? Бутылка с зажигательной смесью?

— Нет, — с трудом из себя выдавливал слова комбат. — Это было что-то другое. Яркое-яркое, аж глаза резало! Шары какие-то. Танки горели, как бумага. Шипели и горели!

Он протяжно застонал и стал затыкать уши руками:

— А-а-а-а-а! Я слышу, как они кричат. Они горят заживо... Уберите! Уберите меня отсюда! — неожиданно закричал он, пытаясь приподняться со стола. — Это невыносимо! А-а-а-а-а!

Оба следователя навалились на него, пытаясь удержать на месте.

— Кто это был? — заорал ему в самое ухо майор. — Кто? Откуда летели эти шары?

Комбат захрипел, на губах стала выступать кровавая пена... Он пытался что-то сказать...

— Второй. Второй взвод... Петр Логинов взвод.

Врач осторожно пощупал пульс, потом приподнял веко и, наконец, дрожащим голосом произнес:

— Все... Готов!

— Значит, так! — продолжая держать пистолет, решительно заявил майор. — Никто из здесь присутствующих ничего не слышал!

Он грозно посмотрел на своих подчиненных, продолжавших держать умершего.

— Повторяю для особо тупых, никто ничего не слышал! Помните, в Магадане много снега, на всех хватит!

Крепко прижав к бедру планшет с материалами допроса, майор бросился к двери. В этот момент в его сознании билась лишь одна мысль — "доложить или пока не докладывать". С одной стороны, он формально выполнил данное ему поручение и должен немедленно отчитаться о полученных результатах, но, с другой стороны, докладывать практически не о чем. Сейчас в собственноручно исписанных им бумагах содержится крайне

обрывочная и путаная информация, которая дает огромный простор для фантазии.

— И, что с этим "идти на ковер"? — вопросительно пробормотал майор, подходя к автомобилю. — Да он даже слушать не будет! С говном съест. Торопиться не будем пока. Значит, решено! На завод!

Взревев двигателем воронок помчался на окраину Москвы, где располагались крупнейшие военные предприятия. Его план был прост, и поэтому реален: не пытаться самостоятельно разобраться в сумбурных мыслях бывшего комбата, а заставить это сделать профессионала в области разработки вооружения. Именно таким нужным ему профессионалом, который первым пришел на ум, и был Абросимов Илья Петрович, занимавший пост директора завода ЛЬ14. Под этим достаточно скромным названием скрывался Московский институт экспериментальной взрывотехники.

В связи с военным положением заводская охрана была усилена несколькими автоматчиками, вышагивающими возле контрольно-пропускного пункта. Едва черная легковушка остановилась возле шлагбаума и требовательно засигналила, как из корпуса выбежало еще несколько солдат, сразу же грамотно окруживших машину.

— Выйти из машины! — громко крикнул молоденький солдатик, подходя к самой дверце. — Приготовить документы!

Майор решительно хлопнул дверью, засветив всем знакомую форму, и, набывшись, посмотрел на бойца.

— Шлагбаум! Живо!

Струхнувший солдат, быстро козырнул и бросился к подъемному механизму.

— Отставить, рядовой Гамаев! — в спину ему ударил приказ. — Оружие на изготовку!

Расслабившиеся было при виде грозной формы солдаты вновь подняли автоматы. Из будки медленно вышел крупный, поперек себя шире, сержант.

— Рядовой Гамаев, почему не проверил документы? — недовольно спросил он, не обращая ни какого внимания на бледнеющего майора. — Тебе, что устав не указ? Два наряда!

— Есть! — с обидой рявкнул солдат.

— Сержант, что ты за балаган здесь устроил? — закипая, начал майор. — У меня дело государственной важности.

Сержант спокойно поднял глаза, словно каждый день задерживал майора НКВД, и невозмутимо произнес:

— Завод на особом положении, товарищ майор. Въезд только по спецпропускам! Имею приказ для досмотра всех прибывающих и отбывающих машин и лиц!

— Что? — опешил от такой наглости майор. — Ты кого досматривать собрался? Майора НКВД?! Да, ты придурок, кого из себя возомнил?!

Прекрасно все слышавшие солдаты зашевелились. Не каждый день, на их глазах какой-то сержант собрался обыскивать целого майора НКВД.

Сержант быстро передернул затвор и через секунду черный зрачок уставился на майора.

— Имею приказ стрелять на поражение, товарищ майор! — хриплым голосом произнес он. — Лучше, пройдемте.

Дотошный сержант "мурижил" майора около получаса. Сначала тщательно обыскали его самого, потом чуть не по винтикам разобрали машину. В конце концов, когда личность майора была подтверждена прибывшим на место курьером из центрального управления, сержант стал выдавать вещи назад.

— Товарищ майор, тут такое дело..., - крутился возле одевающегося НКВДешника директор завода. — Диверсанта поймали пару дней назад. Аккурат также как и вы заявился в форме со всеми бумагами. Кричал, чтобы пропустили в лаборатории для осмотра. Хорошо, вон сержант у нас бдительность проявил, когда портфель попросил предъявить...

— Вы представляете?! — виновато поглядывая на майора, не переставал тараторить Илья Петрович. — Бомба у него там была! Здоровая такая.

— Бомба, говорите? — хмыкнул, закончивший оправляться, майор. — Я, собственно, к вам, Илья Петрович.

— Да? — удивился тот. — Ну, тогда, прошу ко мне в кабинет...

В огромном кабинете, буквально заваленном рулонами с бумагой, они сели друг против друга.

— Илья Петрович, — начал майор, доверительно поглядывая на директора. — К нам попали некоторые бумаги, где описывается применение в бою одного устройства. Описание очень сумбурно. Скажу больше, мы практически ничего не поняли! В связи с этим всплыла ваша фамилия. Такой хороший специалист, как вы, Илья Петрович обязательно должен разобраться в нашем вопросе!

Директор, суховатый старичок с настороженным взглядом, заерзал на стуле. Такое внимание со стороны сотрудника наркомата внутренних дел говорило об очень многом и, как правило, не сулило ни чего хорошего.

— Интересно, интересно, — пробормотал директор, то снимая, то вновь одевая очки. — Может быть мы перейдем к делу!

— Какой энтузиазм, Илья Петрович! Сразу видно, что вы наш, советский человек! — со странным воодушевлением оценил такое рвение майор. — Только вы, уважаемый Илья Петрович, должны понимать, что даваемое вам поручение — это не только большая честь, но и огромная ответственность перед страной! Вы осознаете эту ответственность?!

— Я все прекрасно понял, — напрягся Абросимов. — Давайте же ваши материалы!

Когда документы были торжественно извлечены из планшета и переданы по назначению, в кабинете надолго воцарилась тишина. Директор, казалось окаменел, настолько он углубился в себя и ничего не замечал вокруг. Карандаш в его руке порхал как бабочка и, в результате, на бумаге появлялись странные рисунки, цифры.

Через час майор стал проявлять первые признаки нетерпения.

— Не ерзайте, товарищ майор, не ерзайте, что вы как школяр! — не поднимая глаз, фыркнул директор. — Вот и все готово!

Он вернул документы майору и, скрестив руки на груди, стал назидательным тоном выкладывать свои умозаключения:

— Если я сделал правильные выводы после изучения этих, прямо скажем, малодостоверных документов, то вырисовывается следующая картина. Не так давно в зоне ответственности некой стрелковой дивизии были зафиксированы несколько случаев применения неизвестного нам оружия. Согласно предоставленным данным, выстрел из данного оружия был бесшумным и достаточно эффективным. Хотя я бы поставил под сомнение утверждение о бесшумности!

— Но как же так? — возразил, внимательно слушавший майор. — Вот же, черным по белому написано: "звука выстрела слышно не было".

— Позвольте, товарищ майор, я поясню свою мысль, — вежливо отдернул его Илья Петрович. — Данное оружие применялось, если я не ошибаюсь, в условиях боя, а точнее

танковой атаки. Следовательно, бойцы находились в состоянии сильнейшего стресса, который вполне мог повлиять на адекватность восприятия ими действительности.

Наткнувшись на вопросительный взгляд, директор поспешил пояснить:

— Они вполне могли не услышать звука выстрела или он мог быть не очень громким. Далее обратим внимание на те эффекты, которые сопровождали выстрел. По словам свидетелей, боевая часть боевого устройства, предположительно, мины, представляла собой летящий ярко красный или близкий к этому цвету небольшой шар. Этот, с позволения сказать, снаряд, легко прожег лобовую броню тяжелого немецкого танка. Следующее обстоятельство, на которое я бы рекомендовал обратить внимание, это скорость летящего шара. Да, да, именно скорость! Шар летел достаточно медленно, так как был визуально легко идентифицируемым.

Итак, подведем небольшой итог. Бесшумность или практическая бесшумность выстрела — это раз, внешний вид в форме ярко красного шара — это два, малая скорость полета боевой части — это три и, наконец, результативность, а именно, поражение экипажа через лобовую броню танка, — это четыре.

Илья Петрович чувствовал себя в своей стихии. Он мерил огромный кабинет шагами, двигаясь из одного его угла в другой. Сложенными на груди руками активно жестикулировал, пытаясь более доходчиво донести свою мысль до слушателей. Было видно, что нынешний директор крупного предприятия, еще недавно был вузовским преподавателем, привыкшим работать в контакте со студентом.

— Если мы попытаемся в соответствии с данными фактами определить, хотя бы, приблизительно тип оружия, то, несомненно, потерпим неудачу! — бодро продолжал старичок. — Как среди нашей номенклатуры вооружений, так и среди зарубежной, нет образцов, которые бы стопроцентно соответствовали указанным параметрам. Таким образом, напрашивается единственный в данных условиях вывод. У солдат была массовая галлюцинация, вызванная специфическими условиями боя...

Майора словно подбросило из кресла, где он спокойно сидел до этого.

— Профессор! Вы ведь профессор у нас? — недовольно проговорил он. — Сказать, что они психи, я мог бы и без вашей помощи! Для этого мне не нужно было ехать за пол-Москвы... Мы не ждем, что вы нам назовете марку и все остальные характеристики этого чуда оружия! Мы всего лишь хотим, чтобы вы предположили, что это могло быть! Понимаете, насколько реально, что фашистская Германия обладает таким оружием?!

— Раз вы так ставите вопрос и предлагаете перейти из области науки в область фантастических предположений, — пробурчал профессор, вновь скрепя руки на груди. — Подобное оружие вполне могло быть неким аналогом нашего противотанкового ружья и рассчитано для поражения бронированной техники. Э-э-э... Боеприпасы скорее всего был бы отличен от используемого нами; возможно, было использовано в качестве начинки какое-то особо мощное взрывчатое вещество... Принцип движения у такого боеприпаса, определенно, должен быть реактивным по сути. На все это указывает невысокая скорость полета и яркая вспышка сзади... Таким образом, товарищ майор, если следовать вашей логике, то в том сражении кем-то было применено противотанковое ружье или может быть специальная установка очень оригинальной и более чем специфичной конструкции!

— Что же профессор, — поднялся майор с кресла. — Спасибо за очень занимательную лекцию! Я думаю, вы существенно нам помогли.

В результате данной беседы всего лишь через одни сутки из недр наркомата внутренних

дел в особые отделы всех боевых частей, расположенных на центральном направлении, полетели специальные телеграммы: "Особо секретно. Обращаем особое внимание на тщательную фильтрацию бывших военнослужащих сто семнадцатой стрелковой дивизии, переходящих линию фронта. Разыскивается Петр Логинов, взводный первой роты второго батальона. Принять все необходимые меры для его задержания".

Глава шестнадцатая

Из перехваченной дипломатической почты: "... Вы должны понимать милостивый государь Н., что ваши требования чрезмерны. Ни я и никто из моих сторонников не пойдет на столь значительные территориальные потери, даже ради захвата власти в Китоне.

Войдите в наше положение, милостивый государь, и поймите нас! Мы не волки, алчущие власти... Мы не стремимся к власти, ради самой власти! Мы лишь стараемся избавить нашу благословенную страны от не просто тирана и убийцы, но и от проклятого некроманта, мерзостью заражающего нашу землю... И при всем при этом, вы требуете, чтобы мы отказались почти от всех северных территорий! Я уполномочен предложить вам лишь Кессонскую область с крепостями Варрон и Терикана...

Мы надеемся, милостивый государь, что в ответ вы соблаговолите удовлетворить и нашу просьбу. Я уверен, что вас не затруднит направить в нужный момент несколько полков кавалерии на границу... "

Капитан, в отличии от короля, уже давно понял, чем все это может закончиться. "Каиново отродье, этот урод уже все решил! — размышлял он, бросая ненавистный взгляд на первого магистра. — Он нас продал и, кажется, для чего-то тянет время". Чутье говорило ему, что вскоре их ждут большие неприятности.

Делая вид, что поправляет перевязь меча, он подмигнул своим людям.

— Вы со мной? — еле слышно прошептал капитан.

Конопатый гвардеец зло ощерился и с вызовом ответил:

— Господин капитан, Щербатый Люк тебя еще ни разу не подводил, не бросит и на этот раз! Я с тобой до конца! Никто не живет вечно...

Капитан перевел взгляд на второго.

— Всегда мечтал пустить кровь этим чванливым петухам! — угрюмо пробурчал второй, почесывая щеку. — Что-то они много о себе возомнили! Пора сбить эту спесь...

— Ну, что волки — хмыкнул он, многозначительно кивая на меч. — Готовьтесь! Люк, пойдешь слева. Ханс, ты справа. Ваше Величество!

Мореот Второй стоял с безразличным видом, словно в этот самый момент и не решалась его судьба.

— Ваше Величество, вы меня слышите?! Ваше Величество! — капитан осторожно коснулся его плеча. — Ваше Величество, нас всех продали. Это каиново отродье, продало нас не за медный грош! Мы уже трупы! Вздернут всех...

Взгляд короля вновь приобрел осмысленное выражение.

— Маги на это не пойдут. Они давали клятву! Священную клятву на крови!

— Посмотрите на них! — раздражаясь, что уходит время, бросил капитан. — Они же такие люди, как и мы! Им также хочется сладко спать и сытно есть. Маги растопчут всех нас, если будет хоть малейшее подозрение... Ваше Величество, в вашем распоряжении три верных меча и мы еще можем успеть...

Капитан наклонился к самому уху короля и зашептал:

— За той дверью находится сокровищница Конклита. Говорят, там полно магических артефактов... Если мы туда прорвемся, то мы сможем активировать любой из них и тогда мы зальем все здесь кровью...

В ответ Мореот Второй незаметно сжал его руку, давая понять, что согласен.

Все это время камердинер пытался что-то сказать, но никак не мог выдать из себя ни слова. В конце концов, Пелту Дарин окончательно потерял терпение и взмахом руки наложил на старика заклятье говорливости.

— Я все расскажу милостивые господа, все расскажу! — мгновенно преобразившись, затараторил Масса Кей. — Камердинер я уже давно. Дай бог памяти, при батюшке нашего короля начинал... Вот такой малюткой помню его! На руках держал, баюкал его, сюсюкал с ним. Потом, когда подрос, он стал настоящим сорванцом. Спасу с ним не было: то убежит куда-нибудь, то разобьет или сломает что-нибудь. Батюшка бывало, как начнет на него кричать кричать, да сапогами стучать...

Магистры, первое время с должным вниманием слушавшие его речь, подняли настоящий гомон. С мест раздавались смех и крики, а кто-то наиболее ретивый, вообще, предложил выкинуть из зала всех, кто не принадлежал к магическому сословию.

— Хватит этой болтовни! — Дарин со злостью затряс камердинера. — Рассказывай нам о короле! Учился ли он проклятому искусству?

Подслеповато шурясь, старичок повернулся к магистру.

— Ну я и говорю, — несколько не смутившись, продолжил он. — А зачем вам, Ваше Величество, эти книги? Их уже давно все забыли. Со времен Вашего батюшки, незабвенного Мореота Первого, все ходы королевскую библиотеку опечатаны, а ключи от замков выброшены. Он мне и отвечает, что любопытно ему.

— Вот, вот, а я вам что говорил?! — радостно заорал лорд-канцлер. — Некромант, он! Мертвитель! Книгами он интересовался. Знаем мы, как книгами интересуются и что из этого потом получается!

— Пока мы ничего страшного не услышали, — невозмутимо проговорил первый магистр, обращаясь к остальным магам. — Монарх лишь расспрашивал о запретных книгах, но не читал ведь их! Я должен сказать, что вы, лорд-канцлер, пока еще ничего крамольного о его величестве не рассказали и тем более не смогли привести каких-либо стоящих доказательств. Думаю, нам стоит пригласить магистра Зенона, которые более сведущ в искусстве допроса.

С места кто-то выкрикнул:

— Но он же открывает портал!

Первый магистр задумался, с явным раздражением поглядывая на лорда-канцлера. Давая свое согласие на участие в заговоре, он представлял себе все иначе. Тогда это казалось очень простым, а возможные проблемы — несущественными. Планировалось, что король и наследник умрут практически сразу же, в самом начале бунта, от рук черни. После чего спасителями, не причастными к злодейскому убийству короля, придут участники заговора и возьмут власть в свои руки. Запасной вариант предусматривал казнь короля со своим отпрыском за мнимые занятия искусством некромантии. Однако, ситуация пошла по совершенно иному сценарию, и король мог ускользнуть из рук заговорщиков.

Этот момент нерешительности капитан уловил сразу же. Лорд-канцлер выглядел расслабленным, словно его партия уже выиграна и враг окончательно разбит, а первый магистр в растерянности переминался возле камердинера. "Сейчас или никогда!" — решил он, давая отмашку своим солдатам.

— За короля! — три здоровенные глотки проревели призыв. — Руби!

Стоявшие рядом магистры ни чего не успели сообразить, как зарубленные пали на

мрамор. Беглецы метеором пронеслись через весь зал, вырезая всех, кто пытался им помешать.

— Люк, дверь! — заорал капитан, отшвыривая какого-то застывшего в ступоре служку. — Дверь!

Хорошо заточенный клингонкский клинок в умелых руках способен перерубить даже гномью сталь, а не только черную бронзу. Массивная дверь со вставками из мореного дуба, вообще, ни чего не смогла ему противопоставить. С жалобным стоном она сразу же развалилась на части.

— Ваше Величество, вперед! — вытолкнул его из зала капитан. — К сокровищнице!

Едва король исчез в дверном проеме, как зал взорвался негодующим воплем. Очнувшиеся от ступора, магистры один за другим окутывались магической пеленой., защищавшей от любой атаки извне.

— Стойте! Стойте! — Дарин пытался остановить взбесившихся магов. — Только без магии, без магии!

С перекошенными от злобы лицами десятки магов спрыгивали в центр зала. Воздух, буквально, звенел от мощи активированных заклятий, готовых сорваться в атаку.

— Остановитесь! Остановитесь, магистры! — раскидывая в стороны руки, продолжал кричать первый магистр. — Вы нарушите процесс переноса! Око Драконта может не выдержать!

Перед беглецами, ворвавшимися в сокровищницу, открылась удивительная по красоте картина. Зажженное объединенной мощью четырех магов, Око полыхало неземным пламенем. Фиолетовые сполохи жадно вырывались с пьедестала, словно пытались дотянуться до посмеявшихся ему разбудить магов.

— Все, хватит! Мощь Око достаточна для переноса..., - не замечая вновь прибывших, проговорил магистр Зенон. — Арторис, сынок, ты пойдешь первым... Будь осторожен, там нас могут ждать!

— Хорошо, учитель! — твердо ответил Арторис Мерито, польщенный честью быть первым. — Я не подведу вас! Если нас будут ждать, то они пожалеют, что родились на белом свете!

Магистр вдохнул всей грудью воздух и решительно сделал шаг вперед, в самое пламя. Око на мгновение взбухло, довольно потрескивая поступающей энергией, и сразу же опало.

— Магистр Мариот, теперь твоя очередь, — указывая на колыхавшее пламя, кивнул Илириус Зенон. — Опустит щиты, а то Око может тебя отвергнуть... Оно не прощает недоверия, а тем более предательства. Помни об этом!

Мариот, вздрогнувший когда назвали его имя, недоверчиво посмотрел на Око, только что сплотившее Арториса. Несмотря на все уверения об абсолютной безопасности перехода, в его душе гадко копошилось сомнение. "А вдруг все-таки...?! Вдруг на этот раз оно не работает?! Или того хуже, работает как-нибудь иначе? — терзали его нехорошие мысли. — Оно же меня спокойно меж мирами размажет..., как головастика!".

— Магистр Зенон, уже можно?! — голос Мариота слегка дрожал, с головой выдавая душивший его страх. — Я уже готов...

— Вперед, Мариот, вперед, — с легким презрением бросил магистр Зенон. — Не задерживай нас всех!

После этих слов Мариот, наконец-то, смог переступить через себя и нерешительно шагнул в Око, которое с прежней невозмутимо приняло и этого мага.

Наблюдавший за всем этим капитан, буквально, физически чувствовал, как утекает отпущенное им время. Через висевшие лохмотьями створки дверей были видны приближавшиеся маги. Первыми, выставив вперед активированные жезлы, шли известные во всем Китоне огненные маги королевского полка, способные своим искусством выжигать не только деревянные хибарки простолюдинов, но и целые вражеские крепости.

— Надо решаться, — еле слышно прошептал беглецам капитан, указывая на Око. — У нас есть прекрасный шанс убраться отсюда. Там нас точно никто не достанет...

— Но, капитан, — глухо возразил Ханс, неизменным жестом поглаживая свой подбородок. — Туда уже ушли два чернохалатника (презрительное прозвище магистров). С ними могут быть проблемы. Я знаю первого! Этого воздушника остановить можно только одним способом — перерезать ему глотку, пока он спит! Иначе никак!

— Старина, — отозвался капитан. — Они пока не в курсе, в какое дерьмо мы вляпались! Думаю, это сыграет нам на руку... Все! Хватит болтовни! Вперед! Сначала наследник, за ним вы, Ваше Величество! Ханс и Люк, вы следом за ними. Если возникнут даже малейшие подозрения в верности магов, в мечи их. Лицо к лицу у вас будут шансы.

— А ты капитан? — недоуменно спросил Люк. — Решил всем им один пустить кровь?! Не думал, что ты такой жадный.

— Узнаю тебя, Щербатая рожа, — ухмыльнулся то. — Похоже, пока ты не сдохнешь, не переменишься! Поэтому заткни свою пасть и выполняй приказ!

После довольного сильного тычка, наследник за считанные мгновения пролетел расстояние до Око и на глазах изумленных магов исчез в нем.

— Не дайте им уйти! — раздался чей-то гневный вопль из-за проема.

— Остенинос кураторию — проорал высохший как щепка маг и огненный шар разметал стоявших стеной гвардейцев.

Увидев оскаленные лица, король не выдержал и бросился в портал. В полете его догнал огненный удар и обугленная тело упало в Око.

— Да, что вы делаете? — в ужасе схватился за голову Зенон. — Стойте! Только не в Око!

Поглотив очередной заряд боевой магии Око недовольно загудело, зрительно увеличиваясь в размерах. Фиолетовое языки пламени сменились на ярко алые, ощутимо полыхнуло жаром.

— Нарушился фокус! — не веря в свои слова, забормотал Зенон. — Боевые заклятия сбили настройку...

Не обращая на царивший вокруг хаос, он попытался все исправить, но его плетения, едва срываясь с кончиков пальцев, сразу же сгорали в магическом пламени портала.

— Это конец, это конец..., - отступая назад зашептал магистр. — Из дворца уже не выйти... Взрыв будет слишком сильным. Он сметет полгорода Лишь портал — спасение.

Услышавший эти слова, Зелия Поста, не говоря ни слова, схватил своего учителя и прямо с места прыгнул в жадно поглотивший их огонь. Следом очухавшийся капитан втолкнул своих солдат.

Глава семнадцатая

Из воспоминаний Куприянова А.П., академика АН СССР, лауреата Сталинской премии ... Примерно до шестилетнего возраста я жил на оккупированной территории в доме у дедушки. То время запомнилось мне, как очень тяжелое и безрадостное... Никаких родственников, кроме дедушки в селе у нас не было и помощи ждать было не откуда. Да и он часто болел, поэтому нам с сестрой приходилось самим заниматься хозяйством. Чего мы только не делали? Мы и огород копали, и грядки пололи, и воду носили...

Думаю, те годы мы вообще бы не пережили, если бы не наш русский лес. Он нас и кормил, и одевал, и обувь давал... Едва снег сходить начинает, как я уже в лесу силки на зайцев ставлю, а сестра лыко на лапотки дерет. Чуть травка покажется, мы опять тут как тут — дикий чеснок, лук, да борщевик рвем. Ну, а как лето с осенью придет, тут сам бог велел в лес идти: грибы, ягоды, орехи, рыба...

... Крепко мне запомнился один случай, как однажды дед меня сильно хворостиной выдрал... До сих пор не пойму за что! Всего то, сходил я один раз в Чертово урочище — малина там почему-то дуром росла... Пришел я домой под вечер с двумя корзинками крупной и спелой малины, а Маринка, дуреха, взяла да и рассказала деду, откуда я ее собираю. Сильно тогда он осерчал. Хоть и маленьким я был, а помню, как он ругался и кричал на меня... Потом схватил хворостину из метелки и отходил меня так, что я два дня на печи пластом лежал. А он хлестанет и спросит: "Ну, как тебе дедовская наука? В прок идет?". Хлестанет другой раз и опять спросит: "Сколько раз тебе гутарил, не ходи в урочище! А ты опять за старое... Дурень, ты, Лешка, как есть дурень! Пропадешь ведь не за грош!" ...

— Уф! — громко выдохнул Килиан, осторожно снимая с плеч лямку. — Ну, ты брат и тяжел! Все соки из меня вышли, пока тащил тебя...

С самодельной волокуши виновато улыбался раненный Петр.

— Так кормят меня хорошо! — пытался он шутить, но было видно, что ему больно. — Вон сегодня орешками с утра подкрепился, в обед каким-нибудь кузнечиком перекушу, вот и прет меня с этого.

— Шутник ты, Петруха! — рассмеялся Килиан, действительно, пытаясь поймать большого кузнечика. — Орехи видите ли ему не нравятся, да кузнечики не по вкусу! Если хочешь знать, то букашки — это самая партизанская еда! Вот так! Давай-ка, грызи пока это, а потом посмотрим.

Килиан, поплевав на руки, вновь закинул на плечи лямку и, стараясь не растрясти товарища, побрел вглубь леса. Тяжелая ноша и пустой желудок, как оказалось, очень стимулировали усиленную работу мысли. "Ведь еле ушли, — вновь и вновь вспоминал он события прошлого дня. — Еще бы чуть-чуть, самую малость, и все, от нас бы ничего не осталось! Да, эти каиновы сундуки будут покрепче, чем у гномов. Прут и прут, прут и прут. Три огненных цветки пустил. Целых три цветка, и все ни почем! Ну, ничего! Главное, я жив..., а силенок мы насобираем".

Он брел сквозь начинавший густеть лес, пока, наконец, не уткнулся в какие-то каменные развалины. Сквозь высокие узловатые деревья проступала полуразрушенная кирпичная кладка, мощные толстые стены, арочные окна. Задрав высоко голову, можно было увидеть небольшие, сужавшиеся кверху, башенки.

— Настоящая крепость, — с восхищением протянул Килиан, ощупывая еще крепкую кладку. — Такое и гномам не стыдно показать.

Сказав это, он сразу же обернулся к своему товарищу, оценивая реакцию на случайно вырвавшуюся фразу. Однако, его беспокойство было напрасным — Петр был полностью поглощен открывшемся ему зрелищем.

— Слышь, взводный, говорю, крепость хорошая! — уже громче проговорил Килиан. — Смотри, какие мощные стены... Никакой обстрел не страшен!

— Да, Кирюха, — наконец-то, очнулся тот. — Знатная могла бы выйти крепостица! Только ни какая это не крепость. Церква это порушенная.

Поглядывая под ноги, маг осторожно подошел ко входу. Массивная железная дверь, покрытая буроватым налетом, была гостеприимно распахнута настежь. Казалось, что вот-вот и на встречу усталым путникам выбегут встревоженные хозяева и устроят торжественную встречу. Однако, их никто не ждал... Внутри царила такая же пустота и разруха, как и снаружи. Большое полукруглое помещение было завалено каменными глыбами и сухими листьями, на стенах виднелись дождевые потеки.

— Пусто, похоже, — проговорил Килиан, садясь рядом с раненым. — Ни одного следа не видел: ни зверья, ни человека... Странно, как-то это. Хотя, может, это и к лучшему. Устроимся пока здесь... Вон, какая-никакая крыша над головой есть. Поживем чуток, да и тебе подлечиться немного нужно...

Морщась от боли, Петр как-то странно посмотрел на него, словно осуждал за что-то.

— Ты, брат, — усмехнулся Килиан. — Так не зыркая на меня! Мы никуда не бежим... Понял! Мы никуда не бежим! Вот отсидимся, на ноги тебя поставим и вернемся...

Петр, не сводя с него глаз, прошептал:

— Кирьян, пообещай мне... Пообещай, как комсомолец, что мы вернемся в строй. Вернемся, чтобы бить этих гадов! Бить и в хвост и в гриву.

— Обещаю! — твердо произнес Килиан. — Обещаю, Петр, мы их будем давить... Ты, командир, давай пока тут полежи у стеночки, а я мигом сгоняю за нашим ужиному. Глядишь, чего-нибудь и раздобуду. Держи-ка, винтарь.

Бесцельное блуждание в лесу продолжалось около часа, пока, наконец, ему не повезло. Неожиданно, сквозь деревья мелькнул чей-то низкий черный силуэт. Потом послышалась какая-то возня, сопровождаемая осторожным хрюканьем.

— Ого, кабан что ли? — выдохнул Килиан. — Сейчас мы с тобой познакомимся поближе.

Он медленно выглянул из-за дерева. Черная с подпалинами на боку свинья деловито копалась под развесистым дубом. Время от времени она поднимала морду и настороженно поглядывала на кусту глазками-бусинками.

— О. Митра, — зашептал он, кляня себя за оставленную винтовку. — Сейчас бы одним выстрелом снял...

В этот момент из-за дерева, смешно семеня ножками, выбежали несколько кабанят. Сразу же уткнувшись в корни дерева, они устроили целую схватку за найденный желудь. Килиан медленно полз вперед, осторожно волоча за собой подобранную дубину. "Уж одного-то точно зацеплю, — прочно засела в его сознании мысль. — Обязательно зацеплю".

Резко встав, он громко заорал и, размахивая дубиной, бросился в атаку. С диким визгом свиное семейство стало разбегаться в разные стороны. Кабанчики, еще не успевшие набрать вес, практически мгновенно исчезли с поляны. Их мамаша же, выбираясь из плетения

дубовых корней, чуть замешкалась, за что и поплатилась — сучковатая палка со свистом врезалась ей в загривок.

Килиан бил с какой-то неистовостью, раз за разом ударяя по хребту зверя. В конце концов, он обессилено выпустил из рук дубину и сел рядом с уже неподвижной тушей. Организм никак не мог успокоиться: кровь продолжала с силой стучать по вискам, а грудь — раздуваться как кузнечные меха.

— А теперь назад, — чуть отдышавшись пробормотал Килиан, примериваясь к свиной туше. — Сейчас.

Свинья оказалась совершенно неподъемной. Он еще мог приподнять ее заднюю часть, но о том, чтобы донести все, не могло быть и речи.

— Так, — протянул маг, в раздумьях поглядывая на свою добычу. — Один, я ее не донесу — это ясно!... Оставлять тоже нельзя. Мясо понадобится много, а где его потом возьмешь?

Несколько минут Килиан, хмурясь, разглядывал гору мяса, пока его не посетило озарение. Он мягко провел рукой по щетинистому загривку, ощущая медленно исходящую от зверя силу. Мощными потоками она покидало свое бывшее вместилище, постепенно растворяясь в окружающих предметах. В этот момент было достаточно даже небольшого усилия, чтобы слегка подправить направление потока энергии. Именно по этой причине великие маги-некроманты прошлого так обожали места только что произошедших сражений, где происходил резкий выброс огромной количества духовной энергии.

— Вот и все, — шумно выдохнул Килан, смахивая со лба выступивший пот. — А теперь, окорок, пошли домой!

Лежавшая многопудовая туша встрепенулась. Под окровавленной шкурой забугрились мышцы... Свинья неуклюже поднялась, сделал один шаг, затем второй и через минуту уверенно двинулась в сторону церкви. Пробираясь сквозь густые кусты, она то и дело застревала, задевая болтавшейся головой торчавшие ветки.

Отправив добычу на стоянку, Килиан отряхнулся от прилипшего к гимнастерке мусора и двинулся следом, раздумывая, как бы доставить мясо прямо к церкви и одновременно не шокировать при этом Петра. "Стадий за сто придется снять заклятье, — раздумывал маг, отмахиваясь от очередной ветки. — Хотя, нет! Далековато тащить надо будет. Лучше за двадцать."

Его неторопливые размышления были прерваны самым неожиданным образом. Тишину леса вдруг пререзал пронзительный вопль. Мгновенно сорвавшемуся с места Килиану открылась удивительная картина. Прямо перед замершей без движения свиньей на четвереньках стоял старый дед. Округлившимися от ужаса глазами, он смотрел перед собой, одновременно пытаясь расстегнуть трясущимися руками ворот своей рубахи. Неопределенного цвета материя трещала, но не поддавалась. Старик начинал задыхаться; ему никак не удавалось вздохнуть полной грудью.

Килиан легко нащупал остатки энергии в туше и неуловимым движением ее подтолкнул. Свинья, продолжая разбрызгивать кровь, осторожно обогнула старика и устремилась в прежнем направлении.

— Э-э! Отец! — разрывая рубаху, тормошил его маг. — Вздохни. Давай, по глубже, по глубже. Ты, что, отец?

С губ стал слетать хрип, руки с бешеной скоростью заколотили по сторонам.

— Помирать, значит собрался? — вода из фляги полилась прямо на седую голову. —

Погоди, умирать-то! — ладони Килиана стали с силой растирать уши старика, пока те не приобрели вид варенной свеклы. — Успеешь еще старче... Живи пока живется.

Наконец, старику удалось вздохнуть и его лицо стало медленно розоветь. Через некоторое время он пришел в сознание и, вздрагивая всем телом, спросил:

— Где? Где это?

Маг сделал недоуменное лицо, незаметно наступая на кровавые пятна на траве.

— Что ты там бормочешь, отец? — садясь на корточки, переспросил Килиан. — Привиделось что-то?

Старик медленно осмотрелся, но ничего не обнаружив, с облегчением прислонился к дереву.

— Ну, этот. тут проходил, — вновь посмотрел он на мага. — Огромный такой хряк.

Выражению лица Килиана в этот самый момент могли бы позавидовать даже лучшие лицедеи Королевского артистического общества в Китоне. Он излучал не просто самое искреннее непонимание, а, казалось, выражал сомнение в умственных способностях старика.

— Да, ты что, отец? — плюхаясь на землю рядом с ним, пробормотал Килиан. — Какой хряк? Эко тебя разморило на солнышке-то! Я же видел, как ты брякнулся на землю. Чисто, мешок с мукой! Ну, думаю, все, старый к архангелам ушел...

Дед несколько минут сидел молча, неподвижно уставившись в пустоту. Он мучительно пытался понять, что же на самом деле с ним только что произошло. "На здоровьешко, вроде, никогда не жаловался, — размышлял он, держась за сердце. — Сколько помню себя, всегда был здоров как бык! А тут раз и свалился, как куль. Может и правда привиделось?! Какие к черту хряки?! Кровь. Тьфу! Спаси бог.". Старик легонько махнул перед лицом, словно пытаясь отогнать до сих пор стоявшее перед глазами видение.

— Говоришь, упал я?! — с кряхтением встал он. — Добро. А ты сам, мил человек, из каких будешь? Из германцев али советских?

— Ты, старый, ослеп что ли в добавок! — возмутился Килиан, тряхнув своей гимнастеркой. — Свой я, свой, советский!

Оправившийся, наконец, дед насмешливо посмотрел на него и проговорил:

— Чего это одежду то рвешь? Пригодится поди чей! Кто вас сейчас поймет? Одежонку то любой чай напялить может. Давеча вон завалились трое таких в деревню и давай хулиганить. Почитай все продукты забрали. А ты говоришь, что советский! Может такой же советский, как и они.

Килиан от удивления чуть дар речи не потерял. "Вот тебе и старичок! — промелькнуло у него в сознании. — Считаю только что его от смерти спас, а он тут допрос устроил".

— Слушай, отец, я действительно свой, — проговорил маг. — Тут недалеко мы оборону держали. Слышал может?! Две атаки отбили, а потом танки пошли. Много танков. Смяли нас, как бумагу. Вот уж день как по лесу скитаемся. Взводного я раненного вынес. Отец, понимаешь, свои мы, как есть свои!

Кажется он нашел нужные слова и старика проняло. Окинув его задумчивым взглядом, дед пробормотал:

— Вроде, и правда наши... Говоришь, взводный у тебя ранен?! Давай-ка ты к нему, а я пока домой поковыляю. Пеструшка у меня где-то одна бегала. Думаю, бульончику надо сготовить. Для раненного это самое первое дело! Ты, мил человек, иди. Заждался тебя поди товарищ-то... Сам вас найду! Чай не в земле спрятались...

Из переговоров немецкого летчика с базой:

— Колыбель, я птичка! Колыбель, я птичка! Как слышно?

— Птичка, я колыбелью. Слышу хорошо!

— Наблюдаю яркие вспышки... Повторяю! Наблюдаю яркие вспышки в районе патрулирования...

— Птичка, приказываю снизиться и проверить. Как понял?

— Все понял. Снижаюсь...

... Через некоторое время на записи слышатся странные звуки, которые сменяются дрожащим голосом пилота.

— Колыбель, я атакован... Я атакован...

... Голос на мгновение исчезает, а потом вновь появляется.

— Крылья! Мои крылья!... Он оторвал мне крылья... Боже! Что это?... Стреляй, Курт, стреляй!

— Птичка, кем вы атакованы?... Птичка, ответьте... Кем вы атакованы?

Запись прерывается.

Сам переход Арториус практически не помнил. Перед глазами мелькнули какие-то радужные вспышки и он погрузился в огромный океан пламени. При этом не было ни каких болезненных ощущений, о чем его заранее предупредили. Он лишь ощутил сильный выброс энергии, пронзивший все его тело с головы до самых пяток.

Едва маг коснулся земли, как потерял равновесие и сразу же покатился вниз по склону. Очнулся он уже внизу, где еще долго отплевывал забившуюся в рот землю.

— Жив, — облегченно пробормотал он, утирая с лица грязь. — Жив. О, Митра! Что это?

Окидывая взглядом дно оврага, он наткнулся на скалящийся выбеленный временем череп.

— Щиты! — скомандовал он, забывая, что вокруг нет проверенных в боях гвардейцев.

Через мгновение защитные плетения сорвались с его пальцев и он окутался полупрозрачным маревом. Воздух, касаясь защитного экрана, закипел. Арториус с опаской сканировал окружающее пространство, но все было тихо. Из-за деревьев с ревом не бежали вражеские латники, с вершины склона не стреляли лучники — все было, как в обычном лесу...

Не видя непосредственной угрозы, маг ослабил щиты, поддержка которых в боевом состоянии пожирала слишком много энергии. Однако, едва он перевел дух, как овраг накрыло волной страшного ноющего звука. Что-то огромное пронеслось над самыми верхушками деревьями, практически касаясь их.

— Дракон, — прошептал с ужасом Арториус, прячась за дерево. — Нас тут ждали. Засада!

Он рванул с груди небольшой кристалл, оправленный в темное серебро, и, дрожащим голосом что-то начал шептать. Кристалл сразу же недовольно завибрировал, стал быстро менять цвет и через несколько секунд Арториус почувствовал, как в него полноводной рекой полилась магическая энергия.

— Встретить, значит нас решили?! — срывающимся от возбуждения голосом

проговорил он. — Милости просим. Так первый заход был с запада, тогда второй раз он ринется с востока.

Действительно, с неприятным низким ревом чудовище показалось с востока. Сложив диковинные узкие крылья, дракон практически завис над деревьями.

— А-а-а-а-а! — заорал Арториус, выскакивая из-за дерева. — Получай!

Воздушный молот с чудовищной силой смел дракона с неба, в клочья порвав ему крылья. Изломанной кучей он сразу же свалился вниз, а следом посыпался всякий мусор. Радостный Арториус с удивлением смотрел, как рядом с ним упал небольшой металлический осколок.

— Что это за...? — недоуменно ощупывал он странный серебристый металл. — Неужели доспехи? О, Светозарный Митра! Это же ангорские боевые драконы!

Маг напряженно вглядывался в небо, моля, чтобы это был лишь один дракон. Однако вместо ужасного чудовища на него с диким ревом скатился магистр Мариот. Всхлипывая, он как клещ вцепился в штанину Арториуса и забормотал:

— Что здесь случилось? Я видел, как...

— Хватит скулить! — в раздражении рявкнул на него Арториус. — Это был всего лишь ангорский дракон! Чего разлегся? Здесь могут быть и остальные. Приготовься! Скоро придет учитель. Мы должны здесь все осмотреть, чтобы не было сюрпризов. Понял?

— Дракон? — в ужасе взвизгнул Мариот. — Где дракон?

— Дурья твоя башка! Послал же Митра мне напарника, — презрительно бросил Арториус. — Уже нет ни какого дракона. Кончился он! Один удар боевого молота, и все! Поэтому поднял свою тушку и пошел до края оврага!

Весь съезжившийся Мариот, наконец-то, смог оторвать руки от чужой штанины и, постоянно пригибаясь, побрел в другую сторону. Лихорадочно шепча защитные заклинания, он боялся даже голову поднять. Ему все казалось, что вот-вот, именно сейчас, из-за следующего дерева выскочат озверелые дикари и забьют его дубинами.

С каждым шагом он удалялся все дальше, но взгляд его по-прежнему был устремлен в землю. Несколько раз ему попадались валявшиеся костяки, одетые в давно истлевшие незнакомые одежды. Вдруг, в траве у самой кисти очередного скелета что-то сверкнуло. Его наметанный как у опытного ювелира глаз мгновенно опознал блеск алмаза. Страх перед драконами и дикарями невиданных земель был забыт сразу же! Мариот, воровато оглянувшись назад, рухнул на колени и начал нетерпеливо шарить по траве. Кости и сухие листья полетели в разные стороны, открывая доступ к перстню невиданной красоты.

— О! — только и смог выдать магистр с вожделением очищая находку от грязи. — О! Чудо! Это же чудо! Слеза дракона. Я нашел слезу дракона.

Под тонкими пальцами, нежно ощупывавшими перстень, осторожно пульсировал чистый как слеза алмаз. Ограниченный искусным мастером, он ловил и посылал в разные стороны солнечные лучи сотнями крошечных граней.

— Я его нашел! — восторженно продолжал бормотать Мариот, не веря свалившемуся на него счастью. — Я все лишь обычный магистр, только лишь обыкновенный книжный червь.

Вдруг его лицо исказила злобная гримаса и он неприятно хихикнул. Трясущими руками Мариот спрятал перстень за пазуху и сразу же стал тщательно, буквально каждую травинку, осматривать землю.

— Кто же это тут у нас такой? — шерстя траву, приговаривал он. — Кто же это тут разлегся. Так. Застежка, кажется! Ого! Настоящее красное золото. Что же ты за человек

такой? Уж не...

Его поиски и размышления были прерваны самым грубым способом — требовательным окриком.

— Мариот, Каин тебя раздери! — закричал Арториус с дальнего конца оврага. — Опять что ли развалился? Ты проверил? Есть там кто-нибудь?

— Да, смотрел я, смотрел, — недовольно ответил Мариот, отрываясь от своего занятия. — Пусто здесь. Живых нет, одни костяки!

— Хоть одна хорошая новость, — сразу же отозвался Арториус. — Приготовься! Кажется наши прибывают — Око ожило!

Открывшийся портал выглядел на удивление странно. Око, прежде радовавшее глаз, теперь притягивало своей чернотой. Необъятный, древний как сама вселенная мрак, казалось тянул свои щупальца наружу и грозился утащить к себе. По всему око пробегали мощные разряды, то и дело выстреливающие в землю снопом искр.

С зачарованным видом маги смотрели на портал.

— Мариот, ты чувствуешь это? — неожиданно закричал Арториус. — Чувствуешь, как серой пахнет?

Мариот принялся, осторожно отступая назад. Действительно, столь сильно пахло серой, что невольно представлялись сернистые источники столицы.

— Что-то идет не так, Мариот! — пытался перекрыть, внезапно поднявшийся ветер, Арториус. — Нарушилось равновесие. Кажется, Око пошло в разнос!

Пульсация Око достигла пика. Огромные черные сполохи быстро расползались вдоль деревьев, захватывая все новое и новое пространство. Наконец, воздух задрожал и следом раздался оглушительный взрыв, словно тростинки переломавший толстенный деревья. Обоих магов как куклы разметало в разные стороны.

Едва дым расселся, как Арториус уже был на ногах. Прижимая к груди сломанную руку, он начал пробираться ближе к portalу.

— Учитель! Учитель! Где вы? — громко стал кричать он, надеясь, что все обошлось и остальные также перешли в новый мир благополучно. — Магистр Зенон! Вы меня слышите?

Крутой склон, с которого совсем недавно кубарем скатился Арториус, выглядел так, словно рядом с ним взорвался склад с магическим зельем. Громадная воронка еще дымилась на том самом месте, где шумели высокие сосны и валялись тяжеленные валуны. Тонны земли, веками лежавшие нетронутыми, черным дождем прошли по лесу.

— Учитель, где же вы? — не терял надежду, маг. — Магистр Зенон, отзовитесь?

Вдруг, из-под мешанины бревен раздался еле слышный голос:

— Здесь, я... Арториус, сынок.

Бросившийся туда магистр ужаснулся от увиденного зрелища. Его друг и неизменный участник всех попок и веселых походов, Зелия Поста висел, насаженный, как куренок, на молодой березке. Тоненький белоснежный ствол смертоносным колом прошел через его тело.

— Это, это, — онемевшими губами шептал он. — О, Митра! Поста, друг, как же так?

— Там учитель, — испустив последний хрип, уронил головы Зелия.

Арториус лихорадочно стал растаскивать сметенные в кучу бревна. Вскоре показался знакомый синий плащ, с которым магистр Илириус не расставался вот уже около трех десятков лет. Осторожно освобождая его тело, Арториус со страхом вглядывался в бледное, обрамленное седыми волосами, лицо.

— Боже, учитель, — шептал он, мягкими движениями сметая с век прилипшую грязь. — Учитель, очнитесь.

Магистр Зенон медленно открыл глаза и сразу же, прищурил их от яркого солнечного света.

— Арториус, ты ли это? — с трудом уловил маг, наклонившийся к самым губам своего учителя. — Значит, мы прошли через Око...

— Да, учитель! — чуть не прокричал обрадованный Арториус. — Око выпустило вас. Только.

Вмиг поникнув, он печально продолжил:

— Поста погиб...

— Арториус, он уже с Митрой и ему не нужно беспокоиться о будущем, — поднял влажные глаза Зенон. — Сейчас нужно подумать о нас. Случилось страшное — равновесие было нарушено! Око стало другим. Это, вообще, чудо, что я тоже не погиб! Арториус, сейчас ты должен выяснить, что случилось с моими спутниками...

— Но, учитель, — возразил тот удивленно. — Мы же все тут! Я, Мариот, вы и вот Поста... Все прошли через Око. Учитель, о ком вы еще говорите?

— Я, сынок, сам еще ничего толком не понимаю, — загадочно пробормотал Зенон. — В магическую сокровищницу ворвались какие-то люди и устроили там настоящее побоище. Это были солдаты и маги. Кто-то прыгнул в портал. Я не знаю, кто это был и зачем они это сделали! Однако, я уверен, что они где-то здесь.

— Кого ты это там ищешь, старый пень? — громом раздался над ними раздраженный голос. — Уж не нас ли?

Арториус обернулся назад и увидел двух вымазанных в земле по самую макушку солдат. Один из них с отвращением отхаркивал попавшую в рот грязь, а второй осторожно приближался, поигрывая мечом.

— А ты, дружок, чего вылупился? — насмешливо спросил он. — Ни разу не видел настоящего гвардейца?

— Как ты смеешь так с нами разговаривать, солдат? — искренне возмутился Арториус. — Где твои глаза? Мы королевские маги, выполняющие специальное поручение Верховного Конклита! Ты хочешь испытать на себе его гнев?

К первому гвардейцу присоединился второй, который, наконец-то, смог прокашляться. Его выражение лицо было ни чуть не дружелюбнее, чем у товарища. В этот момент не нужно было быть титулованным магом, чтобы понять их намерения.

— Люк, оставь их в покое! — рядом с солдатами появился новый персонаж — высокий мужчина с капитанскими нашивками на тунике. — Мы в одной лодке. Они нам скоро понадобятся!

Взъерошенные солдаты словно по команде остановились, продолжая тем не менее со злобой поглядывать на магистров. Хлопнув по плечу Люка, капитан прошел мимо.

— Если я не ошибаюсь, вы магистр Зенон, совсем не давно занимавший должность главы Верховного Конклита? — задал вопрос он, присаживаясь рядом с магами на дерево. — Я капитан гвардии Синко дель Като. Мне нужно с вами поговорить с глазу на глаз.

Магистр Зенон устал махнул головой:

— Это я, господин капитан. Вы не ошиблись. Арториус, не беспокойся за меня! Нам нужно кое-что обсудить...

Сверкнув глазами в сторону солдат, Арториус обиженно пробурчал:

— Хорошо, учитель. Я буду здесь недалеко, если что...

Убедившись, что они остались одни, капитан чуть слышно произнес:

— Магистр Зенон, его королевское величество всегда очень хорошо о вас отзывался.

Говорил, что вы человек чести и в вашей душе нет места предательству!

Слабая улыбка тронула губы мага.

— Вот уж не ожидал на старость лет таких слов от нашего монарха... Человек чести, нет места предательству. Говори, Синко дель Като, личный телохранитель его королевского величества... Говори все, как есть, тебе здесь некого опасаться!

Нервно оглядываясь по сторонам и теребя ручку меча, капитан заговорщически начал разговор:

— Магистр, в столице был поднят мятеж. Подозреваю, что здесь не обошлось без высшей аристократии. С ними был сам лорд-канцлер. Вы понимаете, сам лорд-канцлер! Гвардия осталась в казармах и было не понятно, с кем она. Думаю, просто выжидает.

Он с горечью вытащил клинок до половины и со вздохом его опять вогнал в ножны:

— Главное его королевское величество погиб!

Недоверие промелькнуло в глазах мага и он слабеющей рукой коснулся капитана.

— Скажи мне лишь одно... Наследник жив? — тихо спросил он.

— Да. Он со мной. Вы же видели, мы еле ушли! — пробормотал капитан. — Его королевское высочество здесь. О нем знают лишь мои солдаты. Ваши люди верны короне?

— Не беспокойся, Синко дель Като, — прошептал Зенон. — Маги никогда не предают, маги не могут предать. Ты можешь без всякого опасения им верить!

Глава девятнадцатая

Из цикла телепередач "Поклонимся великим тем годам...", посвященных событиям Великой Отечественной войны:

Ведущий: Уважаемые телезрители, мы собрались с вами в этой студии для того, чтобы в очередной раз вспомнить героические события той далекой войны... В этом мне помогут наши гости. Справа от меня профессор, доктор исторических наук Аристарх Федорович Бояров, один из ведущих исследователей истории развития советской медицинской науки в годы Великой Отечественной войны. Слева расположился его "вечный" оппонент и верный критик, кандидат исторических наук Алексей Петрович Саянский, специализирующийся на изучении малоисследованных и, не побоюсь этого слова, загадочных, мистических явлений.

...

Бояров: Я продолжаю настаивать, что мой уважаемый коллега, Алексей Петрович, архи не прав! Посудите сами, о каком "буме" в советской науке на тот период можно вести речь? ... В конце 1941 — начале 1942 гг. наша страна вела тяжелые оборонительные бои с врагом, подобравшимся на десятки километров к советской столице. Все, я подчеркиваю, все усилия наших ученых были направлены на решение конкретных практических задач разработки новых и "доводки до ума" старых видов вооружений — самолетов, танков, стрелкового оружия. И вы нас пытаетесь убедить, что в этот момент проводились масштабные фундаментальные изыскания, требовавшие значительных материальных и людских ресурсов... Понимаете, такого рода утверждения очень дурно пахнут..., очень дурно, смею вас заверить!

Саянский: Вы, мой не менее уважаемый коллега, должны знать, что наука не может дурно пахнуть! Наука строго интерпретирует факты и на их основе формулирует определенные теоретические и практические выводы... Не уж то я должен вам разъяснять такие азбучные истины?... Хочу заметить, что вам необходимо было более тщательно ознакомиться не только с моими выводами по данному вопросу, но и устоявшимся мнением научного сообщества. Вы говорите, что Советский Союз был не в состоянии вести фундаментальные научные изыскания. А как же исследование в области ракетной техники и атомной энергетики? Пусть на первых порах это были небольшие коллективы, работавшие на допотопном оборудовании! Но ведь было! Осуществлялось!... Поэтому, с полным правом я могу утверждать, что подобные исследования могли проводиться и в области медицины и физиологии экстремальных состояний! Ведь фронту требовались не только оружие, но и солдаты... А что может быть лучше, чем солдаты, не знающие усталости, страха и боли?

Бояров: Я так понимаю, вы намекаете на случай, произошедший с неким немецким капитаном-танкистом?

Как Килиан не торопился после неожиданной встречи с дедом, но перехватить свиную тушу ему не удалось. Он выбежал к церкви, как раз в тот самый момент, когда деловито вышагивавшая свинка оказалась в прямой видимости у Петра. К счастью, тот с головой ушел в чистку своей винтовки, поэтому он даже бровью не повел.

— Взводный! — утихомирив ходячее сало, весело окликнул маг. — Мясца чуток приволок. Гуляем!

Вздрогнувший от неожиданности Петр сгоряча чуть не выстрелил.

— Вот черт! Кирюха, напугал ведь! — недовольно отозвался он. — Аж пробрало до печенок. Ты больше так не подбирайся, а то стрельну и поминай, как звали

Пробурчав что-то в ответ, Килиан с трудом подтащил тушу к командиру. Свинья, действительно, оказалась неподъемной.

— Силен ты брат, оказывается! — в восхищении присвистнул Петр, пытаясь оценить вес добычи. — Как же это ты ее допер? Да тут добрых четыре пуда будет. Нам этого теперь надолго хватит!

Последнюю фразу он проговорил с некоторой горечью. Чувствовалось, что ему не по себе от осознания факта своей беспомощности. "Да надолго хватит! — со злостью подумалось Петру. — Лежу тут, отдыхаю... Теперь вон еще и мясо трескать буду! Просто курорт! Как гнида какая-то..."

— Слушай, командир, — заметив, как тот терзается, заговорил Килиан. — Ты не переживай! Сейчас уже ничего не изменить и никого не вернуть! Пойми это и не грызи себя... Сейчас твоя главная задача — это поправиться! Ты не нужен родине больной и слабый, там и без тебя таких хватает. Дошло, наконец?! Вот тебе тогда работенка на первое время — тушу нужно освежевать, да мясо попробуй закоптить...

Петру подобная тирада, видимо, пришлась не по вкусу. С обиженным видом, взяв нож, он начал кромсать мясо. Его лицо приобрело такое выражение лица, что Килиан решил "палку не перегибать" и дать ему время все хорошенько обдумать.

— Пойду, я пока к окопам сметаюсь. Оружие хочу поискать, а то с нашим много не навоюешь! — в затылок проговорил Килиан. — К утру, думаю, вернусь.

— А вот это дело! — мгновенно оттаял Петр. — Пошукай там, как следует! Глядишь, "дыгтерь" где-нибудь откопаешь... И гранат, гранат не забудь...

Сказав "угу", магистр вновь пошел в лес.

До места боя он добрался, как и рассчитывал, к вечеру. Вид хаотично расположенных воронок с разорванными телами вокруг них у него уже не вызывал того жуткого отторжения, как это случалось несколько дней назад. Сейчас все эти ужасы как-то потеряли свою остроту...

Килиан шел вдоль траншеи, автоматически отмечая отсутствие оружия, выпотрошенные ящики и полуразобранную технику. "Что же такое случилось в этом мире? — рассуждал он, пиная очередной ящик. — Он же не отличим от нашего, буквально в самых мельчайших деталях. Здесь тоже голубое небо, такие же могучие деревья и люди те же! Все одинаково! Но почему же тогда здесь не знают о магии?"

Вдруг, он уперся в закопченную громадину танка, на боку которого красовалась дыра с голову ребенка.

— Что же это я? — чувствуя, как на лбу выступила испарина, пробормотал он. — Так ноги переломать не долго... Какой же это все-таки монстр?!

Мысли у него вновь вернулись в прежнее русло. "Они делают такое, что и нашим гномам не снилось! — продолжал удивляться Килиан. — Гномы. Это в нашем мире пара сделанных ими повозок наводит на солдат страх, а железный голем с магом земной стихии внутри может обратить вспять целую армию. Куда им до этого чудовища? Металл в три пальца, огненная баллиста! Вот это я понимаю, повозка! Еще бы мага туда посадить". В этот самый момент выражение его лица кардинально изменилось: резкие морщины, украшавшие лоб, распрямились, глаза заблестели.

— Посмотрим, посмотрим на тебя сейчас, — себе в нос забормотал он, ласково глядя

черный металл танка. — Хочешь, наверное еще послужить? Да?

Танк угрюмо молчал, так как был мертв. Еще недавно, наводящий на врагов ужас, грозный красавец молчал: не рычал мотор, не скрипели гусеницы, не говорило орудие.

— Потерпи немного, — шептал маг, обходя многобашенную машину вокруг. — Потерпи совсем немного. Я почти придумал, как помочь тебе. Почти.

С бормотанием, спотыкаясь о взрытую землю, Килиан нарезал вокруг танка круги, словно выплясывал некий древний ритуал по призыванию темного демона. Время от времени он останавливался и пытался что-то начертить на прокопченной броне поднятым куском известняка, потом вдруг срывался с места выкрикивая бессмысленный набор слов. Словом, человек, прежде исполненный чувства собственного достоинства, выглядел и соответственно вел себя, как полный идиот.

— Почему это нельзя? — обратившись в пустоту, он кого-то яростно спрашивал. — Он не мертвый и не живой! Вот так! Он как человек!

Через мгновение Килиан неожиданно повернулся назад и, смотря прямо в дуло главного орудия, заявил:

— Он неотъемлемая часть этого мира, как камень, лежащий у холма, как растущие деревья. Он до сих пор полон жизни, надо лишь найти ее!

Его руки легли на погнутый люк в передней части танка и нежно прощлись по нему. Килиан ощущал тепло нагретого на солнце металла и, ему казалось, что механизм еще жив. Он всего лишь ранен и ждет, когда кто-нибудь поможет ему пробудиться и вновь вернуться в сражение.

Ладони накрыли мощные броневые рубцы, ощупывая каждый бугорок, каждую щербинку.

— Тебе тяжело, — с болью в голосе говорил Килиан. — Ты совсем один и страдаешь от этого. Но теперь я рядом...

На мгновение ему показалось, что смертельно раненная машина что-то пытается ему ответить. Однако, это чувство было настолько мимолетным, что сразу же и улетучилось.

— Не получается, значит, — огорчился маг, не видя ни какой реакции. — Выходит, здесь все гораздо сложнее, чем мне представлялось.

Не сумев наладить с погибшей машиной ментальной контакт, Килиан решил подойти к этой проблеме с другой стороны. "Ментальная магия этим и плоха, что слишком капризна и требует просто сказочных условий! — размышлял он, вытаскивая крошечный ножик. — Чуть что, так сразу и сбой! Ну где я здесь раздобуду кристально чистый горный воздух, белоснежную шкуру молодого арлеха или только что сорванный цветок силани... Здесь этого нет и в помине! Начнем-ка, лучше с некромантии".

Он легонько чиркнул по ладони лезвием и выдавил несколько капель своей крови, упавшей на танковую броню. Внешне ни чего не изменилось: по-прежнему, слегка свистел ветер, задевавший рваные края металла, точно также припекало полуденное солнце... Но маг чувствовал, как незаметные глазу жизненные потоки потянулись к давно мертвому металлу. Похожие на серебристые нити, они щупальцами осторожно касались травы, деревьев. Килиан сотни раз видел этот процесс во всех подробностях, когда проводил свои первые опыты, но так и не мог привыкнуть к этому зрелищу. Трава, только что радовавшая своей изумрудной зеленью, жухла на глазах — тоненькие травинки, досуха отдававшие свою энергию, мгновенно чернели и сразу же превращались в прах.

— Бр! — сотвращением пробормотал Килиан, отступая на шаг. — Все-таки какая же

это гадость! О, Каиново чрево!

Полоса тления медленно подбиралась к раскинувшемуся на земле танкисту. Молоденький парень, по-видимому, пытался отползти от подбитого танка, но был остановлен вражеской очередью. Кроваво-черные точки длинной линией пробежали по его спине.

— Извини, братишка, — тихо прошептал невольный некромант, с трудом подавив желание отвернуться и не смотреть туда. — Извини. Мы все будем там! Твоя сила не пропадет, она станет нашей общей силой...

Длинное щупальце поднимая еле заметную дымку жадно окутало лежащее тело. Пропыленная гимнастерка зашевелилась, словно живая, и сразу же опала... Невысокий крепыш на глазах превратился в высохшую мумию!

— Похоже, хватит, — произнес Килиан, оценивающе наблюдая за заискрившимся танком. — Сейчас должно все получиться. Ну-ка...

Вскинутые вверх руки стали выделять сотни раз отработанные пассы.

— Сначала, возьми и оцени, — на автомате зашептал маг словесную подсказку, на протяжении десятилетий помогавшую ученикам запомнить последовательность сложных магических формул. — Насколько ты верно все подготовил!

Едва его руки потянулись, как Килиан ясно почувствовал теплую и влажную пелену, окутавшую машину. Пальцы нежно касались упругой субстанции, которая при нажатии слегка прогибалась вовнутрь.

— Ты готов... железный дракон, — восхищенный готовой вырваться наружу силой, проговорил он. — Тогда очнись от мертвого сна и служи своему господину!

Обугленный танк дрогнул; по его бугристой коже пробежала крупная дрожь. Броня скрипела и гнулась, выстреливая железными заклепками, когда живые волны прошли по ее поверхности. Казалось, огромная каменная кошка, устав от тысячелетнего стояния на постаменте, начал потягиваться, сбрасывая с мягкой шерстки каменные осколки...

Килиан не верил своим глазам: впервые, на его глазах, происходила трансформация материального неживого объекта в что-то другое, что-то необычное. "Что же я такое наделал? — на мгновение дрогнув, подумал он. — Он оживает?! Но как это может быть?! Ведь доказано, что неживое не может стать живым! Неживое, даже поднятой из праха, остается всего лишь послушной куклой в руках мага...". Он с ужасом наблюдал, как боковые угловатые башни, только что висевшие безжизненными наростами, с неприятным скрежетом втягивались во внутрь. Через несколько минут на этих местах остались лишь полукруглые металлические бородавки. Следом трансформации подвергся и главный калибр: семидесяти шести миллиметровый хобот, дерзко вывернутый в сторону запада, начал медленно съеживаться. Одновременно, укорачивавшийся ствол стал обрастать темным металлом, который полоска за полоской оборачивался вокруг него.

— О, Благословенный Митра, кого это я позвал? — затрепетал маг. — Что за каиново отребье лезет в этот мир?

Однако, процесс был уже необратим и оставалось лишь ждать конца трансформации. Объект превратился в куколку, из которой вот вот кто-то вылупиться.

— Нет! Нет! — с яростью закричал Килиан, вызывая в руках первозданный огонь. — Учитель был прав! Мертвому не место среди живых! Огонь, только огонь...

Между сближающимися ладонями заколыхалось жаркое пламя, принявшее форму рваного шара. Гнев и всепроникающий страх, вырывавшиеся из мага, сторали в этом

пламени, раздувая и питая его. Он был в крошечном шаге от того, чтобы не сорваться в отчаянную атаку и не испепелить все окружающее пространство.

— А-а-а-а-а! — внезапно заорал он, падая на землю. — А-а-а-а-а!

Его скрючило от адской боли, внезапно пронзившей тело. Он рычал и стонал, катаясь по земле. Сведенными судорогой пальцами, маг пытался разодрать кожу на голове.

Кто-то огромный, словно ангорский болотный вепрь, ломился в его сознание. Килиан, задыхаясь от боли, пытался ставить защиту, но неповоротливое чудовище без всяких усилий сносило его щиты.

— Уходи! — сквозь зубы, выплевывал маг. — Прочь из моего разума! Прочь темная тварь!

— Мама! — вдруг, в голове возник жалобный голос. — Мама, это я! Мама!

Боль сразу же отпустила. Кто-то огромный и страшный, только что с грохотом и шумом хозяйничавший в его сознании, замер и виновато хлюпал носом. Килиану даже показалось, что этот неведомый зверь непременно должен был и глаза потупить в пол.

— Кто ты? — с явным облегчением прохрипел Килиан, прикрыв глаза. — Кто ты такой?

В ответ кто-то с дрожащим от обиды голосом проговорил:

— Мама, это же я! Ты же моя мама!

Внутри снова появилось движение. Почесываясь и ерзая, кто-то живой устраивал себе уютное гнездышко прямо у него в голове.

— Мама, мне было так страшно, так страшно, — голос был уже спокойным, казалось его обладатель при разговоре даже сонно зевал. — Я думал тебе нет, а ведь ты есть!

Килиан, создав большую, мягкую и теплую руку, мысленно с нежностью погладил разлегшегося зверя.

— Спи, засыпай бедняжка! — обратился он к нему. — Теперь тебя никто не обидит.

Маг осторожно закрыл свое сознание щитом, стараясь придать ему абсолютную крепость и незыблемость. "А вот теперь можно и подумать! — мысленно потер он руки. — Кто же ты такой, непрошенный гость? Похоже, я кого-то вызвал... Но все же было правильным — и кровь, и формула. Может все дело в этом мире?! Один Митра знает какие демоны здесь водятся. Или причина в этом железе?!".

Открыв глаза, он задумчиво посмотрел на подбитую машину и изумленно ахнул.

— Я спятил! — пролепетал ошарашенный магистр. — Я спятил. Этого не может быть! Этого просто не может быть!

Перед его глазами лежал. Нет, не танк! То что было раньше многотонной машиной лишь угловатостью контуров и почерневшим металлом напоминало грозную машину. На траве уютно свернувшись лежал железный зверь... Свою огромную голову, прежде бывшую центральной башней, он положил на передние лапы, в которых угадывались остатки гусеничных траков и лобовой брони.

— Это же сон! — ни как не мог успокоиться Килиан, рассматривая получившегося зверя. — Это просто такой сон...

Не в силах поверить в реальность происходящего, маг попытался положить руку на здоровенный слегка загнутый к небу рог, украшавший середину лба металлического зверя. Чудовищная сила скрутила его из орудия главного калибра.

— О, Митра, он настоящий! — бормотал магистр, пытаясь унять дрожь. — Это же он! Это же он забрался ко мне в голову?! Митра!

Из приватной беседы, подслушанной в одном из кафе Берлина:

— Как там на Восточном фронте, Франц? — прогудел пожилой немец в форме железнодорожника, осторожно кладя чашку на стол. — Наши на станции говорят, санитарные эшелоны десятками прибывают...

Молодой человек с загорелым до черноты лицом неожиданно с силой опустил на стол свою рюмку, за что сразу же был награжден укоризненным взглядом со стороны девушки-официантки.

— Франц, не шуми! — тяжелая рука накрыла его рюмку. — Думаю, тебе хватит пить....

— Дядя, ты же ни черта не знаешь! — солдат поднял мутные глаза, прежде рассматривавшие блестящую столешницу. — Да, вы все здесь ни черта не знаете! Сидите, как у Христа за пазухой... Сытно жрете, сытно пьете!

Пожилый железнодорожник встал со своего места, виновато оглядывая небольшой уютный зал кафе.

— ... Он только с Восточного фронта..., - извинительным тоном пробормотал он. — Раненый вернулся..., ну и выпил маленько...

— Да..., я выпил! — с вызовом закричал на все кафе Франц, пытаясь приподняться. — И что раненый солдат не имеет права выпить?... И не надо мне затыкать рот!... Я все вам расскажу! Все расскажу... Думаете, курорт там?! Думаете, мы там сало и молоко жрем в три хари?!... Вот смотрите!

С трудом удержавшись на ногах, солдат с треском разрывает на себе гимнастерку и демонстрирует перебинтованное туловище. Сквозь белоснежные бинты через весь живот протянулись кровавые полосы.

— Смотрите, крысы тыловые!... Смотрите! — неуверенно проходя по залу, тыкал солдат всем своими бинтами. — Ранили меня... Ха-ха-ха! Ранили не пулей, не осколком, а обыкновенным мечом... Ха-ха-ха, подумать только, мечом...

Семь человек сидели вокруг большого костра, отбрасывавшего багровые блики на их лица. Было видно, что собралась не самая дружная компания. Все семеро разделились на разные кучки...

У здорового пня, узловатыми корнями вцепившегося в землю, активно жестикулировали двое заросших бородами до самых бровей солдат.

— Что ржешь, как конь? — с обидой в голосе пробурчал один, чуть не свалившись с бревна. — Я же тебе говорю, что кухарка была вот с таким...

Тут он сделал руками большие хватательные движения, демонстрируя определенные части тела.

— Ха-ха-ха! — громко в ответ смеялся второй. — Вот с такими. Ты кому рассказываешь эти сказки? Я же ее прекрасно знаю! Это же сама Брегетта! Знаменитая Брегета! У нее всесталица побывала.

— И что сама Брегетта?! — опять буркнул первый, раздосадованный, что его байка не прошла. — Что у нее крошечные дудульки, что ли?

Напротив них сидели двое магов, мрачно смотревших друг на друга.

— Ты что-нибудь в этом понимаешь? — угрюмо выдавил из себя первый маг,

продолжая оттирать от грязи золотистую безделушку. — Что вообще, к Каину, происходит?

— Похоже, Мариот, случилось что-то очень паршивое, — глядя в сторону, медленно проговорил второй. — Я никогда раньше не видел учителя таким встревоженным. Даже при известии о вторжении кочевников в Кускон, он оставался невозмутимым, как скала. А тут...

В стороне от них также не пахло особым весельем. Трое разных, совсем не похожих друг на друга собеседника шепотом что-то яростно обсуждали.

— Магистр Зенон, мы должны вернуться, и как можно скорее! — наседа на пожилого мага крупный мужчина в помятых доспехах. — Поймите же, наконец, сейчас дорога каждая секунда. Мы должны добраться до северных провинций, где, уверен, еще остались верные короне войска!

Маг, стряхивая с плаща медленно разлетающийся по воздуху пепел, с грустью отвечал:

— Мой дорогой капитан, вы думаете, что открыть проход между мирами так просто? Так вот, смею вас заверить, что сделать это безо всякой подготовки невозможно! Здесь нужно несколько дней, а то и недель готовить алтарь, собирать специальные ингредиенты для ритуала... При всем при этом я не смогу дать абсолютной гарантии, что все получится именно так, как и было задумано!

Капитан, недоверчиво хмыкнув, пробурчал:

— А проще и быстрее никак?

Едва услышав вопрос, Зенон печально рассмеялся:

— Знаете, уважаемый Синко дель Като, если бы наше положение не было настолько тяжелым, я бы пригласил посмеяться над вашими словами и моих коллег. Думаете, маги могут все? Мы можем многое, но это лишь мизерная толика вселенского знания. Хотя вы, мой капитан, правы в одном — портал можно открыть быстрее и проще, но лишь при одном условии. Нам нужен сильный артефакт, а раз его нет, то мы обязаны выполнять свое задание.

— Значит, магистр, вы отказываетесь повиноваться его королевскому высочеству? — полувопросительно, полуутвердительно проговорил капитан, вставая с пня. — Магистр Зенон, властью, данной мне...

Солдаты, только что вальяжно сидевшие у костра и травившие байки, при этих словах мгновенно преобразились: фигуры выпрямились подобно отпущенным на свободу пружинам, а клинки с хищным звоном покинули ножны. Они встали так, чтобы можно было и спину капитану прикрыть, и мечами помочь.

Одновременно с этим за плечом старого мага вырос Арториус с готовыми сорваться с пальцев заклинаниями. Он ненавидящие смотрел на обнаживших мечи гвардейцев, ловя момент для атаки.

— Хватит!... Хватит же! — на миг все отрезвил громкий ломающийся мальчишеский голос. — Вы что все обезумели?... Капитан, прикажите своим людям убрать оружие!

Тот стоял не шелохнувшись, словно раздумывая, а не послать ли все эти приказы к черту и не броситься в атаку. Его полувысунутый из ножен меч чуть дрожал, буквально просясь омочить его в теплой крови.

— Капитан! — голос практически звенел от злости. — Я же вам приказал убрать оружие! Вы не выполнили приказ... Вы тоже решили пойти по стопам мятежников?

Меч с силой опустился на свое место. Капитан, с застывшей болью в глазах, обернулся назад и кивнул своим солдатам. Оба гвардейца что-то недовольно бурча спрятали оружие, оставаясь тем не менее за спиной командира.

— Я думаю нам всем нужно для начала успокоиться, а уже потом обсуждать наши дела, — снизив тон, проговорил юноша. — Вы не ошиблись! Я произнес "нам", ибо теперь мы едины и в одиночку ни одному из нас не вернуться домой! Надеюсь, до всех это уже дошло!

Он с вызовом оглядел своих товарищей по несчастью. Все по разному встречали его взгляд. Кто-то сразу же опускал глаза, словно чувствовал за собой какую-то вину, а кто-то смотрел твердо и прямо.

— Я думаю, что нам всем нужно познакомиться, — садясь на свое место, предложил он.

— Очень разумно. Очень, — улыбаясь в свою роскошную бороду, отозвался Зенон. — Как вы понимаете, я здесь старше всех вас, поэтому и возьму на себя смелость представиться первым. Я магистр Зенон и в данный момент со своими коллегами должен отыскать и вернуть в Киттон бывшего магистра Килиана Барториуса, обвиненного в занятии проклятым искусством некромантии.

Следом заговорил, сидевший рядом с ним маг-воздушник, что было видно по его плащу.

— Мое имя Арториус Мерито, маг первого круга воздушной стихии.

— Я Киото Мариот, маг водной стихии, — негромко произнес следующий маг, скромно привстав со своего места.

— Видно, теперь моя очередь, — оглядываясь на остальных, выдавил один из солдат. — Я Щербатый Люк и мой меч всегда готов рубить головы врагов моего короля!

— Я Ханс Бычий глаз! — неожиданно громко рявкнул второй солдат, делая шаг вперед. — Я тоже не побоюсь отрезать пару глоток за короля!

Юноша не смотря на всю сложность положения, забыв обо всем с восхищением внимал таким речам. Он еле слышно прошептал:

— Гвардия всегда впереди,

Оставляя лишь кровь позади!

Без жалости режь и коли,

Это лишь враг! Его задуши!

Хлопнув гвардейцев по плечам, повеселевший капитан проговорил:

— Капитан гвардии Синко дель Като, наследный бей Кускона и командир королевских телохранителей.

Выждав небольшую паузу, он торжественно продолжил:

— Представляю вам его королевское высочество Краена. Учитывая, что король Мореот Второй погиб, перед вами находится будущий король Китона!

Оба солдата, будто подброшенные невидимой силой, вытянулись по стойке смирно и громогласно взревели:

— Да здравствует король!

Виновато улыбаясь наследник престола вышел из темноты к костру. Яркое пламя высветило его высокий лоб, небрежно прикрытый прядью волос, нос с небольшой горбинкой. "Он так и не научился держаться по королевски, — улыбаясь, подумал Синко дель Като. — О Митра, сколько же ему еще надо узнать!".

— Друзья мои, случилось страшное! — срывающимся голосом начал Краен. — В столице мятеж, дворец разграблен... Мой отец погиб практически на моих глазах. Я вас прошу. Сейчас я не могу и не хочу вам приказывать... Я прошу вас помочь мне добраться до безопасного места.

Он пробежался глазами по лицам сидящих возле костра людей и остановился на

магистре Зеноне. Юный наследник яростно тряхнул копной своих черных волос, словно собирался с силами, чтобы решиться на что-то опасное.

— Думаете, я мечтаю стать королем?! — он не отрываясь смотрел на старого мага. — Думаете, я жажду власти? Да, вот она где у меня.

Краен резко провел ладонью по горлу.

— Я с самого рождения хлебаю эту гадость! — принц с отвращением выплевывал слова. — Постоянная ложь, бесконечное притворство! Иногда я ловил себя на том, что лгал даже самому себе...

С горечью он рассмеялся.

— Вы понимаете, как это страшно жить, когда никому нельзя верить?! У меня не было друзей. Все боялись даже подходить к опальному принцу! Мои родственники меня ненавидели! Ха-ха-ха! Ведь я все равно претендовал на престол после смерти отца.

Принц сжал кулаки так, что ногти впились в кожу ладоней. Он чувствовал, что ему никто не верит.

— Пока вы сидели в своих уютных жилищах и обнимали нежных подруг, я, наследник целого королевства, всеми покинутый, забирался на самую высокую башню дворца и долга там рыдал...

Старый маг негромко кашлянул, привлекая внимание принца.

— Я, ваше высочество, понимаю, как вам было тяжело, — с печалью в голосе произнес магистр Зенон. — Тяжело быть всеми покинутыми при живых родственниках... Но все же, я категорически против вашего немедленного возвращения домой, в Киттон.

Капитан, как оказалось, из всей этой речи услышал лишь наименование "ваше высочество". Всем своим видом он демонстрировал, что его, как минимум, смертельно оскорбили.

— Ваше величество, господин магистр! — повысив голос, с места поправил мага капитан. — После смерти своего отца принц Краен является нашим новым королем, и поэтому его нужно именовать "вашим величеством"!

— Мой друг, не нужно так с магистром Зеноном, — прервал капитана Краен. — Я пока еще принц, всего лишь принц и королем стану лишь после официальной коронации! Кстати, господин магистр, а почему вы несогласны нам помочь вернуться домой? Насколько я понимаю, вы заинтересованы в этом не меньше нашего.

— Ваше высочество! — голосом выделил наименование Зенон, с улыбкой поглядывая в сторону рассерженного капитана. — Посмотрите вокруг. Нас всего семеро: три мага, трое гвардейцев и вы. Неужели вы думаете, что с такими ничтожными силами мы сможем пройти сквозь охваченную мятежом столицу и после всего этого сопроводить вас в безопасное место? Не будем перед собой лукавить: нам это не удастся! Если я вас, милейший господин капитан, правильно понял, то нам будут противостоять не только толпа бывших крестьян и ремесленников, но и профессиональных гвардейцев. Более того, не будем забывать и о том, что нам достоверно не известно на чьей стороне сейчас большая часть магов. Теперь, я надеюсь, всем понятно положение, в которое мы с вами попали.

Как только маг замолк, встал Синко дель Ката и, обращаясь к королю, с горечью проговорил:

— Ваше королевское величество, не смотря на всю мою нелюбовь к магам, я поддерживаю господина магистра! Именно сейчас нам опасно появляться в столице, а попасть на северные окраины Китона мы можем только через нее! Надо выждать некоторое

время и лишь потом попробовать пробиться...

— Один момент, капитан! — вклинился в его речь Зенон. — Давайте, отправимся все вместе разыскивать Килиана!

— Вы о чем говорите, магистр? — взвился с места командир королевских телохранителей. — Предлагать королю отправиться в погоню за каким-то преступником, это чистой воды глупость, или более того, преступление!

— Капитан! — вновь выступил миротворцем принц, останавливая чрезмерно вспыльчивого телохранителя. — По-моему, все ясно.

В этот момент вокруг костра стало тихо. Все с напряжением ждали, что скажет наследник. Капитан даже в предвкушении облизнул пересохшие губы, а два его солдата незаметно потянулись к рукояткам мечей.

— Мы должны держаться вместе! — уверенно продолжил Краен. — Один Митра знает, какие опасности нас могут здесь подстергать?! Поэтому, мой капитан, почему бы нам и не прогуляться вместе с уважаемым магистром. Посмотрим на природу, познакомимся с новыми людьми...

После этих слов напряжение спало. Солдаты брякнулись на свои места и с наслаждением вытянули ноги к костру, Зенон во весь голос засмеялся.

— Ваше высочество, — сквозь смех проговорил он. — Вы без всякого сомнения будете разумным королем, если нам посчастливится добраться до короны!

Глава двадцать первая

Из вышедшей книги-сенсации с воспоминаниями бывшего немецкого танкиста Фридриха Пруста "Сталин был готов к этой войне...".

"... Тысячи изученных документов, десятки выпотрошенных архивов и, конечно же, мой личный военный опыт дают мне полное моральное право утверждать, что русские были готовы первыми перейти границу и обрушиться на города рейха. Достаточно обратиться к официальной, еще советской статистике, чтобы убедиться насколько военный арсенал СССР был мощнее, чем наш... Подумайте только, Советский Союз накануне войны имел более двадцати пяти тысяч танков разных типов против чуть более шести тысяч немецких. При таком соотношении просто смешно говорить о СССР, как о невинной жертве, подвергшейся нападению вероломного агрессора. Двадцать пять тысяч против шести тысяч!

... Считаю здесь уместно привести также пример из моего личного опыта, который прекрасно проиллюстрирует мои слова... Это произошло примерно в августе 1941 года, когда "аромат победы мы вдыхали еще полной грудью". В тот день в наш батальон на тягачах привезли две "троечки", на которых не было живого места. Командир сказал, что это результат атаки новейшего советского тяжелого танка... Боевые машины выглядели так, словно дюжина взбесившихся викинг-гигантов молотила по ним огромными кузнечными молотами.... Я, тогда еще "зеленый юнец", не нюхавший толком пороха, с ужасом смотрел на пробоины в танках. Лобовую броню пересекали широкие рваные раны, в которые я мог с легкостью пролезть. Вы можете представить себе, какого калибра орудие могло оставить такие дыры?! Это сто миллиметров не меньше, то есть уже в самом начале войны советские имели тяжелые, а может быть и сверхтяжелые танки!"

Потрясенный Килиан сидел на траве рядом с черной металлической громадиной.

— Мама, — с ним началась истерика. — Я стал мамой. О, Митра, я стал настоящей матерью!

"Да. Ты моя мама, — снова в его голове возник тот же самый тоненький голосок. — Мама! Я был один, а тут". Килиан обхватил голову и тихо застонал.

— Ладно, кто бы ты там не был, — наконец-то пришел в себя маг. — Пусть я твоя мама. Пусть! Но тогда зови меня Мам! Понял?!

"Хорошо, Мам! — после некоторой заминки согласился голосок. — Буду звать тебя Мамом. А может теперь поиграем? Я соскучился".

Килиан чуть не подпрыгнул от такого предложения. Затем приглашение поступило в виде легкого (легкого для металлического зверя) толчка, от которого ошарашенный маг отлетел на добрый десяток метров.

— Никогда! Я повторяю никогда не делай так! — закричал обозленный Килиан, потирая ушибленный бок. — Мне же больно!

— Ну, мам, я хочу поиграть! — начал гундосить малыш-пересток.

В этот момент мага осенило, как можно направить в полезное русло столько энергии.

— Хорошо, малыш, иди сюда по-ближе! — ласково проговорил он, подзывая своего приемыша. — Смотри вот сюда...

Он поднял свой вещмешок с уже собранной кое-какой добычей и широким кругом все высыпал перед металлическим зверем. Прямо перед его лапами оказалась целая куча

разного добра, которое скопилось у Килиана за эти дни странствия. Чего только здесь не было: и патроны, тускло поблескивавшие на солнце, и тронутый ржавчиной командирский ГТ, и слегка погнутый котелок. Короче вещмешок был полон той самой необходимой мелочью, которая была жизненно необходима любому солдату.

— Видишь все вот эти занимательные штуки? — улыбнулся своим мыслям Килиан. — Маленькие блестящие бочонки. Или вот эта железяка с трубочкой. Давай будем их вместе собирать, и кто потом посчитаем, кто больше всех собрал. Хорошо?!

Он даже глазом не успел моргнуть, как малыш, лязгнув металлом, умчался. Килиан сразу же стал наблюдать за ним, пытаясь узнать, каким образом тот начнет искать боеприпасы и оружие. Все оказалось до обидного просто! Зверюга, задрав кверху длинный хоботок, стала активно принюхиваться. Картина была просто сумасшедшей! Внезапно ожившая куча железа, встав как собачонка на подобие задних лап, быстро расшвыривала в разные стороны землю.

Усмехнувшись, Килиан стал складывать выброшенное из вещмешка добро. Когда на дно мешка лег пистолет, он поднял голову и к своему удивлению обнаружил носящегося как ветер по полю малыша. Тот вел себя как пес, который несколько лет безвылазно сидел на цепи и буквально только что вырвался на свободу. "Вот, хитрый поганец, — насмешливо подумал маг. — Забыл наверное уже о том, что нужно было искать... Пойду-ка напомним ему. Пусть лучше делом займется".

Однако, с каждым шагом, приближавшим его к зверю, Килиана все более охватывало странное чувство, которое росло просто невероятными темпами.

— О, Митра, что это такое? — со вздохом вырвалось у него. — Разбудите меня кто-нибудь!

Малыш, стремглав голову, носился от полузасыпанной траншеи до здоровенной кучи барахла, как попало наваленной на пыльной земле. Пораженный Килиан смотрел и давался диву...

— Как? Как это ему удалось? — бормотал он, садясь перед кучей и хватая первую попавшую железку. — Ведь прошло только несколько минут. Несколько каиновых минут...

Железное чудовище натаскало столько разного металла, что при некотором к нему внимании можно было запросто им вооружить целый взвод. Маг со вздохом гладил слегка погнутый ствол дядгеря, думая, что его все же придется оставить. "Мы починить его, наверное, не потянем, — его сердце просто кровью обливалось. — Ствол гнутый, курок проскальзывает. Осколком что-ли задело? Каин его побери!". Из стрелкового вооружения неутомимый зверь принес почти десяток немецких винтовок, нравившихся Килиану своей надежностью и точностью боя, до с пяток советских трехлинеек, к которым у мага также не было особых претензий. "И это хорошо, и это вроде пойдет, — рассуждал Килиан. — Может взять по паре и того и другого? Нет! Надо брать что-то одно, а то патрон не напасешься!". После некоторого раздумья, он решительно отложил в сторону три трехлинейки в более или менее сносном состоянии и насыпал рядом горку грязных патронов.

— Так уже лучше, — бормотал Килиан, бросая жадные взгляды на целую россыпь разнообразных гранат. — Похоже целый ящик откопал. Феньки, рпгешки. Повезло! С таким запасом мы от самого черта отобьемся...

В последнее время Килиан стал за собой замечать, что к нему начали приставать местные словечки и поговорки.

С чувством глубокого удовлетворения маг запихал найденные боеприпасы в вещмешок и

начал подниматься. Вдруг, в его голове забился испуганный голос: "Мам, там кто-то есть! Большой и страшный! Мам!". В голосе было столько страха, что у мага ойкнуло под сердцем.

— Вот, похоже, и закончилось мое везение! — буркнул Килиан, заряжая винтовку. — Я так и думал, что сегодня вляпаюсь! Надо в лес бежать, пока не поздно...

Однако, в следующую секунду, он с горечью понял, что что-то предпринимать уже поздно. Надрывно ревя моторами на поле выезжали танки. Один из них сразу же двинулся вдоль леса, отрезая Килиана от возможного спасения, а второй направился прямо к нему.

...Откинув тяжелый люк, Фридрих почти до пояса вылез из машины и стал с удовольствием наблюдать за метаниями какого-то оборванца. Тот, что-то подхватив с земли, ринулся сначала в одну сторону, потом, заметив второй танк, побежал назад.

— Нет, Отто, ты погляди на это! — наклонившись внутрь, он со смехом позвал своего подчиненного. — Эта русский бегают как крыса! Ну-ка, поджарь его немного.

Тупорылая машина встала и через некоторое время раздался выстрел. С воем вылетев из ствола, снаряд разорвался недалеко от бегущего человека. Мощной волной его подбросило в воздух и выкинуло в какую-то канаву.

— Бог мой, Отто, ты чуть не срезал его! — восхищенно заорал командир, отрываясь от бинокля. — Вот это был выстрел! Давай-ка еще раз! Стоп! Это еще что такое?! О, Боже. К бою!

Он с такой поспешностью нырнул в танк, что чуть не задавил наводчика. С красным от переполнявшего его адреналина лицом, лейтенант закричал:

— Справа, танк! Гони к лесу!

Взревев, танк выбросил из под гусениц земляной фонтан и понесся в сторону леса. По пути он несколько раз замирал и, окутавшись пороховым дымом, вздрагивал от выстрела. Параллельно ему двигался второй танк, тоже заметивший противника и сразу же открывший огонь.

Мощные взрывы бросали металлическое чудовище из стороны в сторону, но оно настойчиво перло вперед, прямо на один из танков. Наконец, один из выстрелов достиг своей цели и сильный удар буквально внес малыша в стоявшие стеной деревья. С треском вломился он в самую гущу леса...

— Отто, с меня пиво! — заорал лейтенант, хватаясь за рацию. — Всем сегодня пиво за мой счет! — через минуту он уже связался с соседним танком. — Гельмут, прием! Ты, видел?! Ха! Это наш Отто! Пока вы, растяпы, меняли свои штаны, мы взяли его на мушку!

Поговорив несколько минут, лейтенант облегченно откинулся на сидение.

— Все! — шумно вздохнул он и мечтательно произнес. — Сейчас осмотрим их и домой. Ох, уж я сегодня напыюсь....

Танк, выпустив напоследок черный дымок, остановился у того самого места, где чужая машина оставила в лесу целую просеку. Из люка с кряхтением вылезли две фигуры в черных комбинезонах и, навесив на шею автоматы, двинулись в лес.

— Красота, Зигги! — шумно потягиваясь, на весь лес проговорил один. — Первый день с эшелона и уже, считай, по кресту получили!

Второй насмешливо присвистнул и недоверчиво мотнул головой.

— Скажешь тоже, — засмеялся он. — Железный Крест он захотел. Второй день воюет и уже Железный Крест ему подавай. Ты ни черта не знаешь! Вон, с мое, помыкайся на этой коробочке, тогда может быть и поймешь, за что дают Железные Кресты!

За разговорами они подошли к бесформенной груде обгорелого железа, валяющейся

среди переломанных, как спички стволов деревьев.

— Это настоящий монстр! — с неподдельным уважением произнес тот, которого называли Зигги. — Не думал, что он такой огромный. Был бы по резвей, все могло бы закончиться иначе.

Второй, подняв какую-то дубину, стал осторожно ковыряться в черном металле.

— Где же этот чертов люк? — недовольно бормотал он. — У них кажется он с боку от главного орудия... А вот он, кажется! О! Мой бог! А-а-а-а!

Это был просто животный крик! Так могло кричать смертельно раненное животное, но ни как не человек!

Из под металлических пластин, которые едва прикрывали носовую часть танка, глядел огромный глаз. Он был с каким-то металлическим голубоватым отливом. Прямо по середине плавал желтый, как хищного кошачьего, зрачок.

Солдат орал по бабьи визгливо и мерзко, практически не останавливаясь. Лицо на глазах наливалось краснотой, кровь все сильнее и сильнее билась о стенки сосудов. Казалось, еще чуть-чуть и он просто физически лопнет, как гнилой помидор.

"Не трогая моего Мама! — в мозгу солдата стали возникать огненные буквы. — Не трогая моего Мама!"

— А-а-а-а-а! — не переставая визжал он, не в силах даже пошевелиться. — А-а-а-а-а!

Второй солдат даже не пытался прийти на помощь своему товарищу. Едва он увидел, как развороченная грудка прокопченного железа начала приподниматься, то совершенно забыл о своем оружии и рванул изо всех сил назад. Бурелом из бревен, который оставил после себя пролетевший Малыш, солдат практически не заметил.

Он бежал к своему танку и бешено мотал руками, пытаясь привлечь к себе внимание. Всего лишь пары минут ему не хватило, чтобы попытаться спастись. Металлическая лапа догнала его у самого люка, куда он пытался запрыгнуть, и с противным хрустом размазала по броне.

Железный монстр, который выскочил из леса, уже даже внешне не походил на многобашенный советский танк. То, что появилось из леса, было уже не бездушным механизмом, а скорее живым... Зверь словно взбесился! Он носился кругами вокруг ближайшего танка и резкими ударами рвал его на части. Со стороны это было похоже на какой-то безумный танец, исполняемый монстром из преисподней.

... Командир второго танка в ужасе отстранился от окуляра и встретился глазами с водителем.

— Кранке, что это? — шепотом, словно боясь, что его услышит кто-то другой, спросил лейтенант. — Что это, черт побери, такое?

Водитель молчал; его расширившиеся глаза совершенно ничего не выражали, и лишь побелевшие губы что-то шептали. Получивший в детстве католическое воспитание, командир сразу же узнал слова молитвы.

— Придурок! — заорал, очнувшись от шока, командир. — Ходу! Ходу к лесу! Приготовиться открыть огонь...

Раздалось клацанье затвора, и хорошо смазанный механизм принял аккуратный снаряд.

— Готов!

— Держать. Держать, — в голосе командира нарастало напряжение. — Еще немного... Все! Огонь! Еще бронебойный заряжай!

Танк резко дернулся, сбив направление выстрела; водитель, наконец-то, начал

движение.

— Стоять! — чуть не заплакал лейтенант. — Бронебойным огонь! Огонь!

Орудие выстрелило снова.

— Есть! — с облегчением выдохнул лейтенант. — Есть попадание!

Бронебойный снаряд, на испытаниях пробивавший даже двадцати миллиметровую броню, оказался смертельным для одушевленной машины. Мощным ударом лоб зверя вмяло практически внутрь, а его самого отбросило от искореженного танка.

— Зарядить второй, — негромко произнес, вновь прильнувший к оптике, командир. — Вдруг мало. Слушай, Кранке, что ты там шептал?

— Господин капитан, — дрожащим голосом снизу отозвался тот. — Это молитва Господня.

— Давай-ка, прочитай ее нам, — с легким смущением попросил лейтенант. — Думаю, нам сейчас это не помешает... Давай!

Через несколько секунд снизу послышались слова молитвы:

— Отче наш, сущий на небесах!

да святится имя Твое;

да приидет Царствие Твое;

да будет воля Твоя и на земле, как на небе;

хлеб наш насущный дай нам на сей день;

и прости нам долги наши,

как и мы прощаем должникам нашим;

и не введи нас в искушение,

но избавь нас от лукавого. Аминь.

Командир чуть помолчал и проговорил:

— А теперь доложим домой... Я Тирпиц! Я Тирпиц!... Прием!

Глава двадцать вторая

Сценка из одного современного бульварного романа.

...Хозяин антикварного салона, лысоватый толстяк, угодливо суетился вокруг очередного посетителя.

— Может, я могу вам что-нибудь посоветовать? — всем своим видом антиквар демонстрировал безграничное уважение и готовность исполнить любое пожелание клиента. — Вот..., например, обратите внимание на...

— Не надо любезнейший! — высокомерным тоном прервал его посетитель. — Не надо в пустую тратить мое время... Меня интересует любая немецкая атрибутика времен Третьего Рейха.

Через мгновение он с усмешкой добавил:

— Естественно, что за эксклюзивность я готов оплатить дополнительно. Вы меня понимаете?

Почувствовав серьезную прибыль, антиквар тяжело задыхался.

— Айн момент! — от волнения он чуть не перешел на немецкий. — Кажется, у меня есть то, что вас заинтересует... Минутку...

После минутного шуршания в стоявшем рядом секретере на свет был торжественно извлечен длинный сверток. Хозяин салона, с нежностью размотав шелковую ткань, осторожно вытащил синеватый кинжал с причудливым узором на рукоятке.

— Вот! — с гордостью он протянул кинжал. — Обратите внимание прекрасно сохранившийся эсэсовский кинжал... Прекрасная сталь, а таких узоров вы вообще нигде не найдете!...

Тут антиквар заговорщически понизил голос до шепота:

— По мнению некоторых ученых... этот клинок был выполнен по специальному заказу и был предназначен для оккультных опытов... Вы понимаете, это же артефакт из неизвестного Анэнербе...

Однако посетитель, почему-то, очень неадекватно отреагировал на эти слова.

— Ты, мухомор лысый, че мне впариваешь? — выпучив бешеные глаза, заорал он. — Что, я эсэсовских клинков что ли не видел?... Это же какой-то новодел! Непонятные узоры, гарда...

— Но я..., - на побледневшего антиквара было страшно смотреть. — Мне же говорили, что этот кинжал нашли у офицера... Как же это так получилось?

Магистр Зенон подбросил в костер небольшой сучок и с наслаждением потянул к пламени руки.

— Понимаете, люблю, Ваше Высочество, когда вот так в огне потрескивают сучья, — задумчиво улыбаясь, проговорил маг. — Хорошо, сидеть и смотреть на пламя. Мне иногда кажется, что огонь на самом деле живой. Ну-ка, дружок.

На глазах у всех, прямо от пылавшего пламени отделился небольшой огонек и резво прыгнул в ладонь к магистру, который его нежно принял.

— Красавец! — с восхищением прошептал он. — Видите, какой он...

Огонек колыхался на ветру, словно кивал в такт его словам. Все с изумлением следили за ним.

— Ну, вы, магистр, даете! — пораженно пробормотал капитан, при этом пытаюсь дотронуться до огонька. — Да, с вами нам вообще нечего бояться!

— Скажете тоже, дорогой капитан, — рассмеялся Зенон, встряхнув руками. — Магия — это искусство, которое требует к себе особого отношения. Знаете, что тут подумал.

Капитан заинтересованно выдвинулся вперед.

— А не сходить ли мне завтра на разведку?! — закончил свое предложение старый маг.

От услышанного Синко дель Ката чуть не упал с пня, на котором сидел. Его лицо в этот выражало высшую степень изумления.

— Вы?! На разведку?! — словно недослышав, переспросил капитан. — Уважаемый магистр, не смешите мои доспехи!

Стоявшие рядом гвардейцы сразу же дружно заржали. Через мгновение к ним присоединились и молодые маги. В конце концов, даже наследник позволил себе улыбнуться. Действительно, вряд ли можно было вообразить себе что-то смешнее, чем крадущийся по темному лесу пожилой маг.

— На разведку?! — хохотал Люк, тыкая локтем согнувшегося в приступе смеха Ханса. — Нет, ты слышал? Он собрался в своем черном балахоне и седыми космами на разведку.

Наконец, капитан прекратил смеяться, наткнувшись на предупреждающий взгляд принца. До него только сейчас дошло, чем может закончиться смех над магом, которые были известны своей чрезвычайной обидчивостью и злопамятностью. Ему совершенно не хотелось прославиться в качестве гвардейца, которого поджарил оскорбленный маг.

— Магистр, конечно, вы можете..., - попытался было как-то выправить ситуацию дель Ката.

— Успокойтесь, капитан! — невозмутимо остановил его неуклюжие бормотания магистр. — Я ни чуть не обиделся! Думаете, я сам не понимаю, как буду смешон в роли лазутчика? Поэтому, готов с огромной радостью уступить вам, как опытному и знающему человеку, это тяжелое и неблагоприятное бремя! Только у меня лишь одна просьба — возьмите с собой Арториуса. Я вас уверяю, что он обузой не будет! Арториус очень талантливый маг и, думаю, может пригодиться.

Капитан при этих словах мгновенно забыл о том, что несколько секунд назад оскорбил магистра, и принял вид надувшегося от гордости индюка. Каким бы он не был прожженным рубакой и беспардонным циником, Синко дель Ката все равно оставался обычным человеком, которому приятна лесть.

— Да! — лихо подкрутив правый ус, приосанился капитан. — Кому, как не мне знать, как это — быть лазутчиком?! Так Люк, Ханс, вам нужно разведать окрестности! Какие села и деревни есть тут недалеко, кто там живет, чем дышит. Короче, мы должны знать все или почти все. Если схватите пленника, будет еще лучше! Говорите, магистр, ученика вашего надо взять. Хорошо, пусть идет.

Тихо переговариваясь, гвардейцы стали готовиться. На землю сразу же полетели тяжелые стальные доспехи, которые до сих пор были на них. Следом на землю упали короткие мечи.

— Слушай, Люк, тунику сними! — бросил капитан, внимательно следивший за приготовлениями. — На ней королевские цвета. Никто не должен знать, что здесь гвардия!

— Хорошо, — пробурчал в ответ солдат, отстегивая застежки светло синей туники.

Вскоре, гвардейцы, оставив из оружия лишь ножи, двинулись в путь. За ними, словно

хвост ни на шаг не отходил Арториус. Едва они отошли от своей вынужденной стоянки, как их словно подменили. Треск сушняка и шелест веток, сопровождавшие каждый шаг будущих лазутчиков, неожиданно исчезли и сменились едва уловимыми слуху шорохами. Между деревьями, прикрывая друг друга, осторожно скользили три тени.

— Люк! — негромко позвал солдат своего товарища, замерев около очередного лесного великана. — Посмотри-ка вон на ту тропинку.

Придержав чуть не хлестанувшую его ветку, Люк подошел ближе и выглянул из-за дерева, и, не смог сдержать удивленный возглас.

— О! Что это? Старина, это магия! Я тебе точно говорю, это магия! Нюх у меня на нее.

— Протри свои бельма! — возмущенно шептал прямо ему в ухо Ханс. — Какая еще к каину магия! Видел я такое уже на одной ярмарке. Это гномья повозка такая!

— Верно, ни какой магией здесь и не пахнет! — с полной уверенностью поддержал его маг, внимательно всматриваясь в приближавшихся людей. — Это обычные путники. Только, почему-то они в одинаковой одежде.

По лесной тропинке, весело переговариваясь, то ли бежали то ли катились два человека на странных агрегатах, каждый из которых имел по два тонких, почти невесомых колеса, с еле заметными спицами. Спереди торчали какие-то рога, причудливо загнутые в стороны. Время от времени с их стороны доносился приятный мелодичный перезвон.

— Будем ждать! — мрачно буркнув, присел у дерева Ханс. — Тропка похоже хоженая... Может какой вилян пройдет, тогда его и расспросим, а этих лучше не трогать.

— Нет, так не пойдет! — недовольно проговорил Арториус, тыча рукой в сторону тропинки. — Они же сейчас уйдут, а вдруг здесь больше никто не проедет...

Люк, садясь возле своего товарища, проговорил:

— Не суетись, маг! Ханс дело говорит. Посидим пока, посмотрим за дорогой... Торопиться опасно! Знаешь, сколько славных парней лишилось своих голов из-за торопливости?

— Да, вы трусы! — рассмеялся маг. — Хваленые гвардейцы оказались на проверку слабы. Смотрите, лучше...

Арториус развернулся и, совершенно не скрываясь, пошел к дороге. Он шагал размашисто, что-то при этом напевая. Он был совершенно уверен, что едва путники завидят плащ мага, как сразу же остановятся и с должным пиететом поприветствуют. Вообразить себе иную встречу, он просто не мог.

Путники его заметили, когда он оказался уже у самой дороги. Расправив плащ, чтобы знаки принадлежности к ордену воздушной стихии были хорошо видны, Арториус непринужденно помахал рукой.

— Здравствуйте! — поприветствовал он путников. — Я Арториус Мерито...

Произошедшее дальше ошеломило мага. Два человека в одинаковых серых одеждах мгновенно слетели на землю и с перекошенными лицами стали тыкать в него какими-то палками.

— Halt! — заорал первый, полный мужчина лет тридцати пяти — сорока, чем-то щелкая на палке. — Halt, ruisische Schweine!

Второй, что-то бормоча, с трудом вылез из под своего агрегата. Его возня заняла несколько минут, в течение которых Арториус старался не делать резких движений. Внутри него появилось нехорошее предчувствие...

— Teufel! — прокаркал второй, освободившийся, наконец-то. — Was ist los?

Маленькие глазенки вперились в Арториуса, оглядывая его с ног до головы.

— Wer bist du? Wo ist deine Papiren? — выплевывал он слова, шевеля при этом крошечными усиками. — Papiren, Papiren!

— Я не понимаю, — пробормотал маг, делая осторожный шаг вперед. — Что вы говорите?

— Halt! Halt! Franz! — второй встал рядом. — Wer bist du?

Арториус начал закипать. Как это так, его, лучшего выпускника Королевской магической академии, оскорбляет какой-то простолюдин? Да, еще не просто оскорбляет, а нагло тычет длинной дубиной! "Я, что похож на болвана? — распирало его изнутри. — Я похож на человека, которого можно безнаказанно оскорбить? Да, раздавлю! Смешаю с грязью!".

Он порывисто взмахнул своей шевелюрой и решительно двинул вперед. По его рукам заскользили голубоватые огоньки, словно в домик собиравшиеся в крепко сжатых кулаках.

Следующее движение — резкий взмах рукой — Арториус сделать так и не успел. Несколько раз прогремел гром и на его груди появились два аккуратных отверстия. Руки с едва не сорвавшимися заклинаниями безвольно повисли, а сам он бесформенной глыбой отлетел в сторону.

— Franz, nicht schissen! — пролаял старший из простолюдинов, направляясь к телу мага.

Он склонился к телу и умело обшарил карманы одежды. Добычей его стали пара золотых безделушек, которые очень популярны среди столичных магов. Сопя от волнения, он рассовал их по карманам и с кряхтением встал.

— Куда это ты собрался, добрый человек? — елейно спросил его Люк, дубинкой аккуратно тюкая серомундирного по голове. — Теперь тебе спешить уже некуда. Знаешь, что тебе грозит за покушение на мага? — последнее он говорил уже, валявшемся в беспомощности человеку.

Со вторым путником, так некстати им встретившимся, уже разобрался Ханс. В бешенстве, он раз за разом пинал его по животу, отчего распростертое тело забавно вздрагивало и раскидывало руки в разные стороны.

— Скотина! Каиново отродье! — орал гвардеец, с силой нанося очередной удар. — Ты, что же поганец наделал? С нас же теперь головы снимут! Как пить дать, снимут...

— Ханс, оставь ты его, наконец, в покое! — крикнул Люк, закончив упаковывать первого. — Ему все равно уже не поджаришь пятки!

С налитыми кровью глазами, гвардеец отставил уже занесенную для следующего удара ногу, и, повернув голову в сторону товарища, прошипел:

— Гоблиново дерьмо! Подумай мозгами, если еще их не пропил! Они мага убили! Мага! Понимаешь?! А теперь догадайся, кто был рядом с ним в этот момент?! Шевели, шевели извилинами!...

Через мгновение, так и не дождавшись ни какой реакции, он снова заорал:

— Мы рядом с ним были! Мы! Значит, мы тоже виноваты в его смерти!

Судя по мгновенно почерневшему лицу, до второго гвардейца, наконец-то, дошла опасность их положения. Однако, появившиеся было морщины почти сразу же исчезли.

— Сам ты гoblin! — облегченно пробурчал он, взваливая себе на плечо пленника. — Другого я не убил. Его магам и отдадим. Он за все ответит!

— О! Вот это дело, — оживился его товарищ, поднимая с земли выроненные серомундирниками палки. — Только, сначала он нам все расскажет. — Его щербатый рот

раскрылся в зловещей улыбке. — Все, погань, расскажет. Капитан будет доволен!

Однако реакция капитана к их удивлению была совершенно иной. Он все понял, едва их увидел: двое на ногах и двое верхом на первых.

— Вы, олухи, что наделали? — от его ора, недовольно каркая, взлетали с окрестных деревьев вороны. — За каким каином вас посылали?

Раз! Люк даже не пытался защититься от кулака, летевшего ему в лицо, и замертво рухнул на землю. Капитан перешагнул через два лежавших тела — своего гвардейца и принесенного им пленника и стал с гневом сверлить глазами второго солдата.

— Ну, что, старина Ханс, доигрался? — капитан с трудом сдерживался, чтобы и второго солдата не отправить следом за первым. — Ты, гоблинова отрыжка, двадцать лет со мной... Двадцать каиновых лет, и что? Простейшее задание завалили! Сосунки из ополченцев бы справились, не вспотев! А вы?!

Ханс в момент этой тирады невольно скосил глаза на лежавшего товарища, проверяя не шевелиться ли тот.

— Ты, скотина, куда смотришь? — вновь заорал капитан, наклоняясь чуть не к самому уху солдата. — На меня смотреть! Я тебя еще раз спрашиваю, как вы могли так завалить дело?

На гвардейца было страшно смотреть. Остекленелыми глазами он вперился куда-то вдаль и даже не пытался хоть что-то сказать в свое оправдание.

— Что случилось? — капитан медленно впадал в бешенство.

Впервые с его людьми, которых он в общем-то по праву считал самыми лучшими в королевстве, случился такой конфуз. Более того они как-то умудрились угробить целого магистра и все это случилось на глазах самого Зенона.

— Капитан! — холодным тоном вмешался Занон. — Капитан! Оставьте его! Я сам с ним поговорю...

Даже не дожидаясь ответа, магистр подошел к Хансу и приложил руку к его лбу. Мелкая дрожь, сотрясавшая тело солдата, передалась даже магу.

— Не бойся, гвардеец, — прозвучал неожиданно мягкий, но в то же время и печальный голос. — Ты не должен бояться!... В тебе нет зла и предательства! Перед нами ты чист. Опусть, Арториуса на землю. Мы должны с ним проститься и достойно похоронить.

Эта речь мгновенно поставила все на свои места, развеяв неопределенность. Маги не считали гвардейцев виновными в гибели своего товарища, а, значит, кровавой свары пока не будет. Капитан, уже успевший несколько раз проститься с солдатами, с облегчением выдохнул воздух из легких. Только сейчас он заметил, с каким усилием сжимал рукоятку меча.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— На вас нет вины перед нами! — вновь повторил Зенон ритуальную фразу прощения, подводя итог случившемуся. — Ханс, сынок, вспомни все, что ты видел и слышал! Вспомни все, до мельчайших деталей. Мы все должны понять раз и навсегда, что сегодня из-за нашей беспечности потеряли одного, а завтра может погибнуть второй и третий... Что бы это не было, мы все должны знать!

Гвардеец, уже переставший дрожать, все же пытался тянуться перед магом на вытяжку.

— Мы вышли почти к самой дороге, когда увидели этих, — он кивнул в сторону пленника. — Они мне сразу не понравились!...

— И почему же? — вдруг оживился капитан, все внимательно слушавший.

— У меня нюх на неприятности, — ухмыльнулся Ханс, постепенно приходя в себя. — Я всегда чую, когда не следует рыпаться. Господин капитан, вы же знаете!

Задумчиво выглядевший капитан, машинально кивнул.

— Точно, старый волчара, — подтвердил он. — Твоему чутью на проблемы может позавидовать любой маг! Если где-то в городе случилась свара и кому-то из гвардии вышибли мозги или перерезали глотку, то можно с уверенностью сказать, что именно в этот день Ханс решил остаться в казарме и никуда не ходить. Ну, а если где-то стибрили какую-нибудь мелочь и его вора не поймали, то будьте любезны сходить утром к старьевщику и обнаружите там свою пропажу, которую всенепременно принес именно Ханс!

— Интересно, — еле слышно пробормотал Зенон. — Сам, значит, инициировался...

— Так, вот, — продолжал Ханс. — Я, значит, говорю, что надо переждать. Других мол подождать, а то эти странные какие-то были... Они шли. Нет! Они не шли, они ехали как будто.

Он замолчал, мучительно подбирая слова.

— Верхом? На повозке? — предложил капитан.

— Да, нет! — пробормотал солдат. — Они ехали на какой-то штуке. Издалека, мне даже показалось, что они маги и летят по воздуху! Это было какое-то тонкое. Большие колеса, как у кареты, были очень тонкими, почти воздушными. А впереди длинные рога торчали, за которые они держались.

Синко дель Ката недоуменно хмыкнул.

— Вот и я говорю, что лучше их не трогать! — обрадовался такой поддержке Ханс. — Тут, наш маг и взъярился! Трусы вы, говорит! Я один смогу с ними поговорить и все разузнать. Ну, и пошел...

— А вы, черти?! — взорвался капитан, вскакивая со своего места. — Вы там для чего были?

— А, что мы? — побледнев, начал оправдываться Ханс. — Что мы могли сделать?

Глава двадцать третья

Сборник казачьих легенд и сказаний / под ред. И.П.Хворостовского, А.Г.Галина. — Минск: Типография ЛБ2, 1967. - 362 с.

"... Окружили злые паны храброго казака, да и велели ему оружие свое и сбрую всю сбросить. Стоят у церкви, поганые, да похваляются доброго молодца убить и все его припасы отобрать.

Собрался тогда казак с силами, да вытащил свою саблю вострую, саблю верную, в многих битвах его бывавшую. Посмотрел он на нее и как зарыдает:

— Сабля моя булатная, сестричка моя ненаглядная! Достанешься ты врагам злым, да нечестным! Будешь буйны головы христианские сечь и резать... Ты прости меня глупого и неразумного! Не смог я сберечь тебя и сыну своему передать...

Зарыдала тогда вместе с ним сабля булатная слезами кровавыми слезами, зазвенела плачем жалостливым. Увидел тогда Николай Чудотворец, как враги святыни православные рушат и готовятся душу христианскую погубить, да и снизошел огнем жарким на землю. Разверзлась земля и упали все паны вместе с доспехами золочеными и перьями изукрашенными на спинах в геену огненную.

Упал казак на колени и помолился Господу, что спас тот его от гибели неминуемой, и открылся тогда перед его ногами ход темный и смрадный в толщу земную.

— Вот тебе спасение от врагов лютых! — раздался с неба голос грозный и величавый. — Но, со злом придешь сюда, не будет тогда тебе укрытия, а будет смерть страшная!

С той поры не было больше у пана врага страшнее, чем казак гордый! Свирепым волком он рыскал по поместьям и спасал заблудшие души, лютым медведем настигал войско ляхское...".

Килиан брел по лесу, сгибаясь под тяжестью собранного оружия. Огромный узел из чей-то окровавленной гимнастерки сильно давил на плечи, от чего каждый встречающийся на тропинке подъем становился для него мучительным испытанием. Наконец, впереди показались развалины церкви и маг прибавил шаг.

— Петро! Это я, смотри не пугайся со страху! — радостно закричал он, сразу же забыв обо всех опасностях. — Я дома!

Узел с оружием упал на землю и спина с облегчением разогнулась.

— Ты где там, взводный! — уже с некоторым беспокойством, крикнул Килиан. — Выходи!

Вновь в ответ не раздалось ни слова. Почуввав неладное, маг перевесил автомат из-за спины и взвел затвор.

— Кто тут у нас спрятался? — вопросительно пробормотал он, осторожно сканируя окружающее пространство. — Я иду искать.

Все вокруг, в мгновение ока покрылось легким маревом. Контуры окружающих предметов — кирпичных стен церкви, деревьев, кустарников — выступали размытыми линиями перед глазами мага. Он напряженно всматривался вокруг, пытаясь найти следы живых существ.

— Петр! — одновременно продолжал он кричать. — Где ты?

Килиан несколько раз обошел вокруг церкви, но так никого и не нашел. Трава, где лежал его товарищ, была лишь слегка примята и ничего не указывало на то, что здесь были враги. Наконец, он толкнул скрипучий метал дверей и сразу же увидел лежащего на куче кирпичей друга.

— О, мой бог! — непроизвольно вырвалось у него.

Маг осторожно перевернул его на спину и пристроил у стены, как раз напротив дверей. Петр тяжело дышал, лоб его был покрыт испариной, словно он только что вышел из бани.

— Да, ты, брат, кажется горишь весь, — пробормотал Килан, убирая со лба руку. — Уж не огневица ли к тебе пришла? Не дай Митра нам такую напасть! Давай-ка, посмотрим на твою рану.

Достаточно было бросить лишь беглый взгляд на отвратительно выглядевшую рану, чтобы стало ясно — если срочно не предпринять каких-либо экстренных мер, то Петру жить останется не долго. "Что же делать? — мучительно думал он. — Если бы здесь был хоть один лекарь, пусть даже самый плохонький. Да, я был бы рад и недоучке из лекарской школы! Где же его здесь взять?! Может попробовать самому?". Килиан с сомнением посмотрел на рану... Вокруг небольшого входящего отверстия, сильно выделявшегося багровым цветом, свисали начинавшие отслаиваться кусочки почерневшей кожи.

"Это точно огневица! — с ужасом убедился Килиан. — Но, почему так быстро? Ведь вчера этого еще не было. Как же такое могло произойти?! Надо решаться, или будет поздно". Он с решимостью разрезал гимнастерку и осторожно освободил бок Петра от ткани. Потом пришел черед и остальной одежды, которая с такими же почестями покинуло принадлежащее ей место.

— А вот теперь и попробуем! — дрожащим голосом произнес Килиан, медленно простирая руки над лежащим телом.

Не смотря на страх и неуверенность в своих силах ему удалось практически мгновенно настроиться на нужный лад. Предметы вокруг него сначала начали расплываться, а потом медленно растворяться в быстро сгущавшейся темноте. Неподвижное тело, наоборот, приобрело пугающую четкость черт, словно гротескный художник, убедившись в несовершенстве контуров человеческого тела, взял и обвел его ярко черной линией. В его боку ослепительно расцвстал огненный цветок, пламя которого осторожно охватывало туловище и приближалось к голове. Килиан, вдруг, отчетливо понял, что если огонь дойдет до головы, то друга уже ничего не спасет. Его захлестнуло такое отчаяние, что слезу сами брызнули из глаз и светлыми струйками потекли по потемневшему лицу.

Перед его взором замелькали страшные картинки: обезображенное и гниющее тело, царапающее землю; перекошенное болью лицо Петра, взывающее о помощи...

— Нет! Нет, — рыдал он, чувствуя, что не в силах ни чем помочь. — Это не должно быть! Не должно быть. Пусть лучше я. Забери меня к себе! Я сильнее, быстрее и крепче, чем он. Я тебе там пригожусь! Возьми лучше меня к себе!

Странная эта была речь, которая была больше похоже на молитву отчаяния. Но вдруг, что-то вокруг изменилось... Страх и отчаяние, боль и ужас начали медленно покидать Килиана. Ему показалось, что живительный дождь света пролился на него и очистил его душу от всего темного и тяжелого. С пальцев потянулись небольшие, практически крошечные струйки энергии, которые жадно впитывались в открытую рану. Отслоившиеся черные кусочки кожи на глазах превращались в живую плоть и стягивались, не оставляя на человеческой кожи ни следа.

Последние секунды Килиан уже и не помнил. Как только с пальцев упали последние капли голубоватой энергии, он в беспмятстве упал. Потом ему начал сниться очень странный сон, необычность которого заключалась не столько в его содержании, сколько в самом его факте — магам Китона сны никогда не снились после инициации магических способностей.

"Он лежал точно там же, где и упал без сил — на куче битого красного кирпича. С удивлением Килиан огляделся по сторонам. Стены церкви медленно бледнели, становясь из красных слабо розовыми. В дымке начали исчезать высокие колонны, выстроившиеся в ряд у стены. Ему начало казаться, что кто-то аккуратно откусывает от полуразрушенного здания один кусочек за другим. Вдруг, полупрозрачное марево пронзил яркий свет, исходящий сверху.

— Что это еще такое? — с удивлением пробормотал Килиан, закрывая глаза рукой. — О!

Из ослепительного света начали появляться контуры какой-то фигуры... С каждой секундой она обретала все больше и больше человеческих черт: величавая стать, длинный ниспадавший до самых пят плащ, причудливо резной посох. Но главное, это глаза! Они были настолько притягательными, такими родственными и все понимающими, что маг невольно проникался к нему безграничным доверием.

— Кто ты? — с трудом шевелили губами Килиан. — Кто ты такой?

Человек остановился почти у самых его ног. Раздался шелест одежд и Килиан обнаружил, что он уже сидит рядом с ним.

— Тебе еще много предстоит сделать и еще больше испытать, но ты все выдержишь..., — голос незнакомца был по отечески добр и заботлив. — Сейчас ты прошел свое главное испытание — отдал часть себя для спасения родственной души... Поэтому вот тебе наш дар в помощь!

Вставая, старец прошел мимо дальней стены церкви, мимоходом касаясь ее шероховатой поверхности. Еще через мгновение его фигура стала исчезать, пока, наконец, ее контур не исчез в ослепительном свете".

— Что это было? — слегка заплетающимся языком пробормотал Килиан, очнувшись от забытья. — Петр!

Прямо перед ним лежало обнаженное по пояс тело его товарища, на боку которого не было и намека на какую-нибудь рану, а только загорелая кожа.

— Значит, у меня получилось это! — недоверчиво проговорил маг, снова и снова осматривая место ранения. — Но как же это так? Я же никогда раньше не был силен в лекарском искусстве. Да, какой там силен?! Я был полным невеждой.

Петр выглядел совершенно здоровым, но и разве что слегка истощенным. Его скулы и подбородок чуть заострились. "Ничего, — с облегчением вздыхал маг. — Выздоровление потребовало совершенную малость от тела, чуть-чуть его энергии! Подкормим тебя".

— Хорошо, — негромко произнес он, вставая, наконец-то, на ноги. — Вроде, я в форме после всего этого...

Он с опасением вслушивался в себя, пытаясь обнаружить признаки слабости. "Должен ведь я хоть немного ослабнуть?! — недоумевал он, осторожно разводя и сводя руками. — Здесь полный порядок. И так особых проблем нет". Простейшие энергетические упражнения, служащие для проверки наличия магических способностей, получались без особого труда. Энергия отзывалась мгновенно, стоило ее только позвать... Небольшие

голубоватые и оранжевые шарики вспыхивали между ладонями, становясь то небольшими, практически крошечными, то вырастая до значительных размеров.

— Я, кажется, даже сильнее стал, — удивился Килиан. — Ну-ка, попробуем малое солнышко...

Повернувшись к дальней стене, маг с усилием свел ладони вместе. В начале где-то между пальцев зародился едва заметный огонек, потом он загорелся чуть увереннее, а через секунду здесь запылало жаркое пламя. Плотные ярко-красный шар плазмы с шипением вырвался из его рук и коснулся кирпичной кладки...

У Килиана от увиденного даже волосы дыбом встали.

— Не может быть! — бормотал он, пытаясь дотронуться до кирпичной стены. — Это же обычная стена! Почему?

На обезображенной временем стене не было и следа от малого солнца — боевого заклинания второго порядка, которое должно было, как минимум, разнести часть стены, а как максимум, расплавить значительное отверстие.

— Такое просто невозможно, — продолжал он осторожно ощупывать кирпичи, оставшиеся на удивление прохладными. — Никто просто...

Пальцы, скользя по поверхности, вдруг, наткнулись на какое-то возвышение. Осторожное касание, и раздался неожиданный скрежет...

— Треснула, — почему-то шепотом, произнес Килиан. — Значит, все-таки, попал.

Стена чуть качнулась и, вдруг, провалилась вниз. От испуга маг рванул назад и, как результат, сильно ударился о колонну. Желание выругаться в этот момент было настолько сильным, что едва не перекрыло обострившееся любопытство. Однако, ему удалось сдержаться...

Килиан, воровато оглянувшись по сторонам, осторожно заглянул в появившийся проем. Оттуда пахло сыростью и затхлостью, словно это было древнее подземелье.

— Что же это я не маг что-ли совсем? — пробормотал он, с усилием давя в себе ростки страха. — Посмотрим, что там внутри...

Вспыхнувший на его ладони огонек осветил неровные ступеньки, круто уходящие вниз. Килиан сделал шаг, потом второй. Дрожащий свет выдергивал из мрака покрытые паутиной низкие стены, какие-то свивающиеся с потолка каменные наросты.

— Каиново отродье! — в сердцах вскрикнул он, наступив на что-то хрупкое. — Что это еще за мерзость?

Опустив руку с огоньком, маг увидел раздавленный человеческий череп. В свете пламени сверкнул желтоватый металл, при приближении оказавшийся обломанным зубом.

— Кто ты, бедолага? — печально спросил он, ногой сгребая костяные осколки к стене. — И что ты здесь забыл?

Хмыкнув после этого себе под нос, маг двинулся дальше. С каждым сделанным шагом тайный ход становился все больше и больше, в конце концов, превращаясь в широкий проход. "Да, здесь без всяких проблем повозка проедет! — присвистнул он, оценив ширину прохода. — Что же тут такое было?".

Вскоре ход привел его в какое-то помещение, истинные размеры которого скрывала темнота. Крошечный огонек, алевший на его ладони, освещал лишь несколько метров вокруг него, а увидеть хотелось все. Хотелось очень сильно!

— Куда же я все-таки попал? — с недоумением прошептал он. — Уж очень все это смахивает на чье-то убежище... А не разбудить ли мне Петруху?

Немного поколебавшись, Килиан повернул назад. Он рассудил, что в таком деле еще одна голова вряд ли окажется лишней.

Петр лежал в том же самом положении, в каком его и оставили — на спине с открытым торсом и легкой улыбкой на лице.

— Смотри-ка, улыбается? — с легкой завистью пробормотал маг, наклоняясь над товарищем. — Значит, точно выздоравливает! Эй, братишка! Просыпайся! Эй!

Петр не просыпался, сон его оказался слишком крепок.

— Ну, ты спать! — усмехнулся Килиан, хватая приятеля за плечо и начиная трясти. — Вставай! Срочно поговорить надо. Подъ-е-е-е-е-м!

Последнее слово он выкрикнул точно с такими же интонациями, с которыми будили и его на передовой. Мгновенно произошла чудесная метаморфоза — Петр вскочил с безумными глазами, а его руки пытались что-то ухватить, но хватали лишь воздух.

— Что? — выдохнул из себя он, наткнувшись на смеющегося Килиана. — Наступление?

Килиан чуть не задохнулся от смеха, глядя на взъерошенного командира.

— Успокойся! — закончив смеяться, проговорил он. — Все нормально. Ты в полной безопасности. Тут, пока ты валялся как хомяк на завалинке, кое-что произошло. Надо бы это обсудить.

— Да, надо поговорить, — согласился Петр, в некоторой растерянности ощупывая свой бок. — Черт побери! Куда же она запропастилась?

Он с подозрением посмотрел на Килиана, потом через узкое окно на улицы, и вновь на товарища.

— Кирюха, сколько я был без сознания? — жадно спросил он, застегивая оборванную гимнастерку. — Неделю?

Килиан лихорадочно соображал, что ответить. Сказать правду он не мог, так как вряд ли в этом мире существовал препарат, который мог поднять с постели практически безнадежного больного. Оставалось одно, слегка приврать!

— Нет! — прямо смотря ему прямо в глаза, начал маг. — Ты был без сознания почти пять дней! Целых пять дней ты валялся без движения и если бы не травяная настойка.

Тут он специально сделал паузу, осторожно закидывая наживку. Петр мгновенно ее схватил.

— Какая еще настойка? — загорелся взводный.

Товарищ загадочно улыбнулся и немного понизив голос проговорил:

— Дед мне еще показал, как надо правильно одну травку заварить... Далеко отсюда он жил. Каждую травинку, каждый листочек знал. Говорил бывало, что чай из такой травы особую силу имеет. Надо лишь правильно ее настоять!

Петр молча проглотил эту сказку и сразу же потребовал продолжения:

— А что это за трава?

— Я все покажу тебе и расскажу, как правильно готовить напиток, — успокоил его Килиан. — Только надо обсудить для начала одну проблему. Вон посмотри-ка туда...

Легкий кивок обозначил направление. Петр туда повернул голову и ошеломленно охнул. Прямо за его спиной в массивной стене, переходя в пол, чернел провал.

— Ты это хотел обсудить? — недоуменно спросил Петр. — Эту дыру? Кирюха, что с тобой случилось? — Взводный начал темнеть лицом. — Мы находимся на территории, оккупированной врагом! Какие еще к черту дыры?! Надо к своим пробиваться!

Глава двадцать четвертая

... Примерно в ста километрах южнее в бывшем районе центре Барановичи.

.. На массивный стол из темного дуба с громким хлопком легла темная папка с орлом на обложке. От удара в разные стороны разлетелась канцелярская мелочь.

— Как это прикажете понимать? — глаза генерала стремительно наливались кровью. — Вот это... Вы посмотрите, посмотрите...

— Что-то случилось мой генерал? — начальник штаба был совершенно невозмутим и вел себя так, словно находился на великосветском приеме.

Папка с документами была взята с края стола и аккуратно раскрыта. В течение нескольких минут за столом воцарилась практически гробовая тишина, изредка нарушаемая шумными генеральскими вздохами.

Наконец, последняя страница была просмотрена и папка вновь вернулась на свое место. После этого начальник штаба неторопливо снял свое пенсне и, так же невозмутимо протерев его, вставил обратно.

— Для меня, здесь нет ни чего нового, мой генерал, — констатировал он. — Все эти факты мною уже были изучены.

Генерала, казалось, сейчас хватит удар. Лицо, только что начавшее принимать свой естественный цвет, вновь стало пунцовым.

— Фридрих, ты тупица?! — потрясая кулаком, заревел он так, что затряслись стекла в кабинете. — Это наши не боевые потери за последнюю неделю!... Ты, чертов баварец, не видишь, что мы теряем технику и людей даже тогда, когда не воюем?!

— Этого не может быть, мой генерал, — осторожно попытался возразить тот. — Факты же говорят...

— О, мой бог, кто же меня окружает? — чуть не со стоном взмолился генерал. — Встать!... Смирна!...

Худощавое, казалось сплетенное из одних жил тело подбросило вверх. Начальник штаба, задрав квадратный подбородок кверху, замер перед начальством.

— Двое связистов — это раз! — прямо перед его носом стал загибать пальцы генерал. — Два разнесенных вдребезги танка — это два! Мои солдаты бояться ночью выходить из казармы — это три!... При всем при этом мы еще не воюем, а в тылу сидим! Вы меня понимаете, Фридрих?

Замерший как статуя, начальник штаба продолжал поедать глазами начальство.

— У нас не боевые потери! — бушевал генерал. — Это чертовы партизаны!... Да не стойте как китайский болванчик! Вы хоть что-нибудь собираетесь делать?

— Очнись, солдат! — настойчиво проступали в его голове слова. — Ты меня понимаешь?

Он с трудом открыл глаза, но рассмотреть удалось лишь мутную пелену, окутавшую все окружающее пространство.

— Он должен все слышать, — откуда-то из далека донеслось до него. — Это вы зря господин капитан. После этого зелья мы способны понимать любой из известных языков...

— Так какого же он никак не очнется! — вступил следом чей-то недовольный голос. — Сколько мы еще должны ждать?!

Капрал улыбнулся. "Какой знакомый голос, — подумал он. — Кажется, это наш капитан! А что интересно он тут делает?". Сделав над собой усилие, он вновь открыл глаза. На этот раз окружающие предметы приобрели значительную резкость.

— Все, он очнулся, — проговорил кто-то, тыча в него пальцем. — Сейчас мы с ним и поговорим.

Капрал германской армии Вилли Ейхман постепенно приходил в себя и ему все больше не нравилось то, что он видел вокруг. Какой-то высокий и худой, словно высушенный, старик наклонился прямо к его лицу и спросил:

— Ты меня понимаешь, солдат? Кивни, если понял!

Вместо ответа капрал скосил глаза на свои руки и увидел, что они крепко связаны веревкой. "Плен! Это плен! — молотом застучало у него в исках. — Я попался, как последний сосунок!".

— Солдатик, не делай из нас болванов, — старик, одетый в мешковатый серый балахон, добавил в голос немного стали. — Ты же все понимаешь! Ты должен нам ответить на несколько вопросов, после которых мы тебя отпустим.

Осторожно подергав связанными руками, капрал понял, что связали надежно и освободить руки пока не удастся. Вилли никогда не бы героем, хотя и считал себя истинным патриотом Рейха. Его девизом всегда было и оставалось: я хочу жить сытно и долго, а остальное гори синим пламенем!. Вот и сейчас он понимал, что сделает именно так, как ему приказывают. Ради того чтобы пожить на белом свете хотя бы еще немного, в этот момент он был готов продать не только все полковые секреты, но родного фюрера со всей его рейхсканцелярией.

— Я вас прекрасно слышу и понимаю, пересохшими губами он с трудом выдавил из себя. — Вы знаете, кого вы захватили в плен? Меня и моего товарища уже ищет фельджандармерия. Скоро они будут здесь!

Из темноты вышла еще одна фигура и присоединилась к старику. Вилли с удивлением рассматривал его одежду и вооружение. "Они, что же совсем варвары? — подумал потрясенный капрал. — У них доспехи и мечи! А где винтовки? Кто они такие? Спятившие ополченцы?!".

Вилли, отец которого был сельским кузнецом, мог с первого взгляда опознать практически любой металл. Однако, в этот раз он был в полнейшем затруднении! Металл причудливых доспехов и средней длины меча ему был совершенно незнаком. Он отбрасывал на фоне костра странные розоватые блики и, иногда, казался, практически прозрачным. "Что это за ряженные? — страх медленно охватывал его своими мерзкими щупальцами. — Может они просто пугают меня?".

— Если ты настоящий солдат, как говорит маг, — проговорил приблизившийся высокий мужчина. — То должен понимать, что мы можем с тобой сделать...

Он понизил голос и доверительно прошептал:

— Поверь мне, лучше все рассказать. Расскажи, все, что ты знал или знаешь и тогда может проживешь еще немного!

В этот момент Вилли понял, что его хозяева были не русскими, и испугался по настоящему. "Кто это такие? — он начинал паниковать. — Боже, только не местные. Только не они!". В тот момент он совсем не обратил внимание на странную речь его хозяев.

— Я все расскажу! — не выдержал он напряжения. — Все, что вам надо... Все расскажу! Спрашивайте! Спрашивайте!

Высокий мужчина и старик довольно переглянулись. Один потому, что пленник разговорился, а второй, потому что никого не пришлось пытаться.

— Твое имя? — повелительно спросил старик. — Кто ты? Что ты со своим товарищем делал на лесной дороге?

— Я капрал Вилли Эйхман. Служу связистом в третьем батальоне, — затараторил солдат. — Со мной был мой помощник Курт! С утра нас послали полевку проверить. Тут недалеко часть ремонтная стоит...

— Не спеши! — притормозил его старик, на лице которого было написано некоторое недопонимание. — Ты точно солдат?

— Да, я капрал! — если бы не реальная опасность, Вилли бы обиделся на такой вопрос. — Вот видите...

Старик задумчиво рассматривал его нашивки. Взгляд был таким, словно он вообще в первый раз видел не только их, но и гимнастерку пехотных частей Вермахта.

— Кто твой король? — вновь задал свой вопрос старик. — Много ли у него войск?

На лице капрала поселилась глупая ухмылка, но через мгновение она исчезла.

— Король?! У нас нет короля! — в речи на секунду появилась некая торжественность и пафосность. — У нас фюрер — великий Адольф Гитлер!... Наша армия огромна, — капрала понесло. — Миллионы закаленных в боях солдат с легкостью разобьют любого врага. Тысячи танков и самолетов превратят в песок любое укрепление или город. Все недочеловеки будут уничтожены, и тогда, наконец, германская нация, нация истинных арийцев, займет то самое место, которое ей принадлежит по праву.

Капитан во время этой речи выражал полное внимание и временами, казалось, что он даже кивал головой, словно с чем-то соглашался.

— Мы настоящие потомки первых ариев, которые владели этим миром, — у капрала горели глаза, он пытался размахивать руками. — Во всех остальных народах течет кровь выродившихся со временем дикарей. Мы сметем их с лица земли, а те кто останутся, станут нашими рабами...

— А теперь, расскажи, об оружии? — наконец-то, прервал его капитан, пытаясь что-то вызнать о своем, близком ему. — Чем вооружены ваши солдаты? Какие доспехи вы носите? Какие укрепления вы носите?

Пленник на мгновение умолк, словно собирался с мыслями, а потом начал вновь выдавать бессвязную информацию. Местами это был просто поток слов, кое-где скрепленный несколькими осмысленными фразами, а местами — целые инструкции по применению того или иного орудия.

— Граната 24 поступила на вооружение победоносной германской армии в 1916 году, — без всякой запинки начал тарабанить капрал. — Общий вес гранаты 500 грамм. Такой вес сочетания с удобной ручкой и рациональным размещением центра тяжести обеспечивает дальность броска солдатом средних физических возможностей на 35–40 метров.

— Что? — более недоуменным, чем было в этот момент у капитана, лицо вряд ли можно было себе представить.

Однако пленник ничего не замечал вокруг. У него была одна задача — успеть все рассказать.

— Дальность разлета осколков 10–15 метров, — автоматически выдавал капрал. — Отдельные осколки могут лететь на дальность более 100 метров. Следует помнить, что

граната боится сырости и после выдергивания запального шнура гранату должна быть в обязательном порядке брошена в цель.

Скривив рот, Зенон даже не стал дальше слушать и взмахнул рукой. Капрал, секунду назад славивший своего фюрера, безвольно обвис на веревках.

— Знаете, дорогой капитан, — обернувшись к костру, начал разговор Зенон. — Я думаю, что больше никакого полезного знания мы из него не вытянем. Все и так предельно ясно!

Синко дель Ката сильно удивился, что маг смог хоть что-то понять из сумбурной речи пленника.

— Этот мир ни чем не отличается от нашего! Здесь точно также идет война, — задумчиво продолжил магистр. — Одно государство воюет против другого, а значит здесь царит неразбериха.

Маг многозначительно поднял указательный палец вверх.

— А раз так, то мы сможем без труда пробраться туда, куда нам нужно! — закончил магистр.

У костра воцарилось тишина. Оба гвардейца еще никак не могли отойти от устроенного им разноса, и поэтому старались не высовываться. Капитан в задумчивости глядел на костер и поглаживал ножны своего меча. С другой стороны костра Киото Мариот скрючился на бревне, который, вообще, вел себя тише мыши.

— Похоже, мы все так и будем молчать, — раздался, наконец-то, из темноты голос. — Думаю, пришло время сказать и мне свое слово.

Обстановка в мгновение ока изменилась. Солдаты, как две почуявшие зверя гончие, вытянулись в сторону говорившего. Магистр Зенон что-то удивленно забормотал про себя, а капитан автоматически вытянулся в струнку.

— Уважаемый магистр, раз нам теперь уже кое-что известно об этом мире, то не пора ли, наконец-то, отправиться в дорогу, — в нетерпении произнес принц. — Давайте, прямо с утра и двинемся...

Недовольно сдвинутые капитанов брови стали ему ответом. Однако, магистр, наоборот, оказался чрезвычайно доволен таким рвением со стороны наследника престола.

— Ваше Высочество, вы так рветесь в бой, что даже напоминаете мне одного из древних королей, — с ноткой восхищения заговорил Зенон. — Завтра я попробую определить направление, в котором нужно будет искать Килиана. Вот тогда то мы и отправимся.

Наследник не смог сдержать победной улыбки. "Наконец-то, наконец-то, — радовался он. — Я смогу опробовать себя в настоящем деле! Долой этих паркетных шаркунов, обвешанных незаслуженными орденами, долой парадных генералов, ни разу не видевших врага, долой короля, которому нет дела до своего народа!".

Глава двадцать пятая

— 4 августа два часа ночи, — устало прошептал Эрик, всматриваясь в поцарапанное зеркало. — Я здесь только два дня и мне уже все до чертиков надоело!... О, Боже, когда же это закончиться?!

Горестный вопль вырвался у него сразу же после громкого автомобильного гудка, проревевшего на весь лагерь.

— Здорово, Карл! — с недовольной миной поздоровался он с вышедшим из кабины водителем. — Чем сегодня порадуешь?

— Здравствуйте, господин доктор! — не обращая на недовольное лицо врача, очень вежливо ответил тот. — Если честно, то порадовать мне вас совершенно не чем! Представляете, после того, как прорвали фронт раненных практически не стало!

Из задней части машины два солдата в когда-то белых халатах вывели странную фигуру. Доктор, конечно, много повидал на своей практике, но ни разу к нему не привозили крепко связанных пациентов с кляпом во рту.

— А вы говорите, вам нечем меня порадовать, мой дорогой Карл? — укоризненно проговорил Эрик, приближаясь к своему будущему пациенту. — Что это с ним случилось? Из "иванов" что-ли?

Водитель несколько замялся прежде чем ответить.

— Господин доктор, вы же у нас только недавно... и много не знаете, — чуть заикаясь начал бормотать он. — Это псих!

— Странно! — недоуменно проговорил доктор. — Психические расстройства очень часто сопутствуют военным действиям. Я не нахожу в этом случае ни чего удивительного! По моему, это рядовой случай...

Водитель наклонился к самому уху доктора и, испуганно оглянувшись, прошептал:

— Это уже пятый случай за две недели. И все они почему-то встречаются только в нашей дивизии... Ребята уже начинают шептаться...

Солдат непроизвольно поежился и еще чуть понизив голос продолжил:

— Я сам конечно же не верующий..., но мне, доктор, скажу честно, захотелось сходить в церковь....

— Да это же целые катакомбы, Кирюха! — восхищенно проговорил Петр, пытаясь достать руками до потолка. — Катакомбы! Ты хоть знаешь, что такое катакомбы?

Килиан, занятый осмотром пола, машинально махнул головой, на что Петр презрительно засвистел.

— Эх, ты, тютя! — засмеялся он. — Катакомбы, по научному, — это разветвленная система ходов, имеющих как искусственное, так и естественное происхождение. Понял?

От избытка чувств взводный даже закричал, а потом замерев слушал возвращающееся эхо.

— Тихо ты! — недовольно прикрикнул Килиан, что увидевший на полу. — Тут, похоже, что-то есть.

Опустив самодельный факел самому полу, маг высветил небольшую трещину, которая змеилась вдоль основного хода. Трещина явно была искусственного происхождения, так как образовывала собой ровный прямоугольник.

— Вот тебе на! — удивился, присевший рядом Петр. — Захоронку, кажется, нашел...
Смотри-ка... Точно, тайничок. Ну-ка, отойди в сторонку!

Потеснивший Килиана в сторону Петр представлял собой внушительную фигуру. Даже тяжелое ранение не успело сильно ослабить его, что он сразу же и продемонстрировал. Толстые, напоминавшие среднего размера колбаски, пальцы осторожно влезли в едва заметные каменные карманы на полу. Резко выдохнув воздух, он дернул крышку вверх. С жалобным скрежетом каменная дверца пошла вверх: сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее.

— Ну вот и все! — с удовлетворением пробормотал Петр, аккуратно кладя крышку на пол. — Тяжелая падлюка попалась. Думал, что не осилю!

Перед стоявшими на коленях солдатами открылась неглубокая ниша, полная странным пыльным хламом.

— Ого! — воскликнул Петр, высмотрев в куче изогнутую саблю. — Казачки, значит, здесь побывали...

Протерев клинок, он обнаружил там малопонятную надпись.

— Киря, знаю я, что это такое, — в его голосе появилась какая-то непонятная злость. — Схрон это кулачий! Вот что это! Твари эти зерно здесь прятали!

От него несло такой ненавистью, что Килиан даже растерялся. Он не мог сообразить, чем была вызвана такая перемена настроения. "Чего это он завелся? — размышлял он. — Похоже, какая-то старая история? Спросить что-ли".

— Ты что это? — сделал простодушное лицо, спросил маг своего товарища. — Какое еще зерно?

Петр вновь опустил факел в тайник, кивая на его содержимое.

— Видал что тут? Так вот, сбруя это казачков. Я это точно знаю. Пять лет у них батрачил. Света белого не видел! Как раб от зари до зари вкалывал...

Он до хруста сжал кулаки.

— Понимаешь, жил как последняя тварь, — продолжал он. — На улице ночевал. Хозяин говорил, что в хлев мне нельзя, а то еще скотину заражу чем-нибудь. Питался впроголодь. Вон Тришку, пса дворового, и то лучше кормили...

Килиан молча слушал, понимая, что затронул какую-то тайную струнку. Петр был должен просто выговориться.

— Когда пришла советская власть, они сразу же все попрятали, — в красноватых отблесках его глаза лучились ненавистью и злобой. — Смотрите, мол босы мы и голы! Нету у нас ничего! Сами в это время жрали в три пуза... Вон у Машки, старшей хозяйской дочки, ни один сарафан на жирной туше не сходился. Перешивать постоянно приходилось. Все свое добро они прятали вот в таких же схронах. Копали глубокие погреба где-нибудь в лесу, переждать хотели... Казачки это, точно тебе говорю! Где-нибудь еще недобитки сидят.

Килиан, не спуская глаз с тайника, нагнулся и зацепил какую-то странную штуковину, чем-то напоминавшую пистолет. Это определенно был механизм, который имел крупный граненый ствол, деревянную рукоять и странные колесики. Чем дальше он его рассматривал, тем все больше убеждался, что все эти предметы ни как не могут быть моложе нескольких сотен лет.

— Подожди, Петро! — прервал он своего товарища. — Посмотри-ка, на это! Этому агрегату не меньше четырех или может даже пяти веков. Все это не не может принадлежать тем казакам, которых ты говорил!

Тот хмыкнув в ответ, забрал у него найденную шуковину.

— Казаки, — вынес, наконец-то, он свой вердикт, после непродолжительного молчания. — Эта шуковина называется фитильный пистоль. Мне как-то хозяин его показывал. Хвастался! Напился от тогда знатно. Песни орал, а потом выбежал из дома вот почти точно с таким пистолетом и начал им трясти прямо у моего носа. Говорит, что ты, мол, босяк безродный, у которого нет ни двора ни кола, а я настоящий потомок древних запорожских казаков! Ты, говорит, гордиться должен, что я тебе объедки со своего стола приношу! Понял, какие это казачки!

— Получается это чье-то старинное убежище, — задумчиво проговорил Килиан. — Кто тут прятался...

Килиан приподнялся и стал медленно идти вдоль одной из стен.

— Стены и потолок из кирпича. Сделано все основательно, — медленно чуть растягивая слова рассуждал он. — Очень все это похоже на крепость — солидную и тайную крепость! Взводный, ты следишь за моей мыслью?!

Судя по улыбке, скользнувшей по губам Петра, он прекрасно понимал, куда клонит его товарищ.

— Если у нас не получится к своим вернуться, то здесь можно сидеть хоть до скончания века! — закончил свою мысль Килиан.

— Если не получится, — словно эхо отозвался вслед за ним Петр. — Если не получится, здесь воевать будем с гнидой немецкой! С таким схроном нам сам черт друг!

Он лазили по подземельям почти целый день, осматривая буквально каждый его закоулок, и с каждым шагом у них возникало все больше и больше вопросов.

— Слушай, Кирюха, я вот одного никак не пойму, — вдруг, повернувшись к Килиану, проговорил Петр. — Здесь такое основательное, просторное помещение, расположенное, буквально, в пяти шагах от села. И как, скажи мне, друг ситный, его просмотрел тутошний предрик? — Он энергично и с презрением постучал по своему лбу. — Надо быть полным придурком, чтобы упустить такой погребок! Смотри! — Петр сделал вид, что пошел вприсядку. — Это же готовое зернохранилище! Здесь же свободно можно тонн сто — сто пятьдесят разложить.

Внимательно выслушав его, Килиан недоуменно спросил:

— Как же так? А церковь наверху?

— Я тебя Киря иногда понять не могу, — как-то странно растягивая слова, начал Петр. — Сколько воюем с тобой вместе, сколько соли вместе съели уж и не пересчитать! Смотрю и вижу, что свой ты парень, свой в доску! Короче, наш рабочий человек... Но вот, иногда... ты такое скажешь, что хоть стой, хоть падай! Так вот, я и сейчас что-то не разберу... Про церкву пошутил что-ли?

Маг почувствовал, что по спине скользнул холодок. "Что-то не так, — пронеслось в его голове. — Все вроде правильно сказал. Церковь — это место для поклонения местному божеству, а значит, оно священо и неприкосновенно! Петр, что язычник и против единобожия?".

— Понимаешь, Киря, я просто хочу разобраться, — продолжал Петр, не обратив внимание на приумолкнувшего Килиана. — Ты, что верующий что-ли?

Тот молчал, не зная, что ответить.

— Религия — это опиум для народа... Тьфу! Короче, дурман! — проникновенно проговорил взводный. — Вот, во что надо верить! Смотри!

Он с яростью потряс своими здоровенными руками перед Килианом.

— Вот этими самыми руками я, без всякой божьей помощи, построил себе дом! — глаза его загорелись. — По бревнышку, по одному бревнышку таскал на своем горбу... Школу всем селом за три дня подняли под крышу! Понял! В себя надо верить! В своих товарищей, в семью, а не в какого-то доброго дядю, который сидит где-то там наверху и с доброй улыбкой смотрит вниз!... А теперь пошли дальше! Надо за сегодня все здесь осмотреть, может еще что-нибудь полезного отыщем...

В течении следующих нескольких часов им попало много достаточно любопытных вещей, одна из которых даже удостоилась самого пристального внимания со стороны Петра. Как только он увидел это позеленевшую от времени штуковину, валявшуюся в самой дальней части подземелья.

— Вот это дело! — с загоревшими глазами Петр попытался ее приподнять. — Пушечка-то, оказывается тяжелая! Это сколько же там бронзы?! Пуда три — четыре будет наверное.

Присевший рядом с ним, Килиан с интересом стал наблюдать за своим командиром, который с увлечением, позабыв обо всем на свете, натирал свою находку какой-то ветошью. Через десять минут энергичного растирания пушечка стала, наконец-то, обретать свой первоначальный вид. Это был небольшой и продолговатый цилиндр, с полукруглым отверстием с одного конца. По всей его длине в нескольких местах протянулись выступающие кольца.

— А это, чтобы не разорвало пушечку-то при выстреле, — заметив пристальный взгляд, пояснил Петр. — Кольца такие специальные... У нас на заводе целых две таких в музее стоят. Михайло Иванович рассказывал, что такие пушечки даже на корабли устанавливали. Эх, даже жалко! Вот бы и эту штуковину в нашей заводской музей!

Однако, главная находка была сделана ими лишь в самом конце, когда они уже окончательно выбились из сил. Килиан, переполненный впечатлениями, брел из последних сил. Сейчас ему хотелось лишь одного: сесть и вытянуть гудящие ноги около жаркого костра.

— Слышь, командир, думаю на сегодня хватит с нас этих подземелий! — проговорил он в спины Петру, который продолжал деловито обшаривать пещеру. — Давай, передохнем. Никуда оно от нас не денется! Выспаться надо нормально, а потом уж и все тут досмотрим.

Петр, даже не обернувшись, бросил в ответ:

— Потерпи немного. Нюхом чую, что здесь что-то еще осталось... Давай-ка, глянем вон в том закоулке!

Махнув рукой, командир направился к естественному закутку в дальней части пещеры. По мере их приближения к стене свет высвечивал все более и более любопытные вещи, аккуратно сложенные на каменном полу.

— Ну и нюх у тебя! — в восхищении присвистнул маг, жадным взглядом оглядывая сложенные в два ряда деревянные сундучки. — Мне бы такой!

— Это у меня наследственное, пробормотал в ответ тот, присаживаясь около одного из находок. — Кажется... дуб.

Осторожно постучав кулаком, он стал вслушиваться в звук. Несколько ударов и его губы растянулись в улыбке.

— Вещь! — оценил Петр, оглаживая плотно подогнанные друг к другу деревянные плашки. — Это, Кирюха, если ты еще не понял, моренный дуб. Ему, считай, сносу совсем нет! Он и сто, и двести, и триста лет простоит, как новенький...

Сундучки, действительно, выглядели настоящим произведением искусства. Примерно с

локоть в длину и столько же в ширину, они совершенно не производили впечатление массивных или грубо сделанных. Скорее даже, наоборот, в каждой плашке, в каждой бронзовой детальке чувствовалась рука мастера. Между деревянными досочками, было невозможно просунуть лезвие ножа, в чем сразу же убедился Петр. Бронзовые накладки даже по прошествии стольких лет не утратили своего очарования. Неизвестный мастер смог уместить на них не просто силуэты людей и сказочных животных, но и изобразить целые сюжеты с ними.

Килиан с искренним восхищением всматривался в живописное плетение металла, пока Петр с присущей ему бесцеремонностью не прервал его:

— Хватит пялиться на железки, лучше помоги мне сбить замок.

Повернувшийся маг увидел, как его товарищ, сопя от напряжения, пытался взломать лежавший рядом сундук. Однако, изделие оказалось довольно прочным и, похоже, так просто не собиралось сдаваться.

— Вот, черт! — с досадой пробормотал Петр, выпуская дужку замка. — Подцепить даже нечем! Хоть ногтем ковырай! Киря, хватит лыбиться! Может у тебя лучше получится.

Замок, действительно, был сделан на совесть и без ключа его открыть было довольно сложно. Однако все, что сделано руками человека, им может быть и разрушено. Килиану хватило несколько минут, чтобы замок, жалобно вякнув, распался на части.

— Ого-го! — протянул Петр, с изумлением держа в руках развалившийся на части механизм. — Силен, брат! Силен!

Улыбающийся маг, мысленно ругал себя всеми известными ему ругательствами. "Каинова отрыжка, совсем ополоумел! — бурлил изнутри он. — Не мог как-нибудь по проще открыть этот драный замок!". Он, наверное, еще долго бы поносил себя, если бы рядом не раздавался радостный вопль. Вздрогнув, маг обернулся и увидел, как всегда спокойный и невозмутимый Петр восторженно отплясывает около раскрытого сундучка.

— А-а-а-а! — орал он, стуча ладонями по своим коленям. — Золото! Братишка, это же настоящее золото! Смотри. Видишь!

Через растопыренные пальцы золотистым водопадом сыпались маленькие кругляши. С мелодичным звоном они рассыпались по полу, и вскоре вокруг них был целый ковер из золотых монет.

— Что ты застыл? — недоуменно смотрел Петр на него. — Это же настоящее золото! ЗОЛОТО! Это сытость! Это большой, нет, огромный дом! Это красавица жена! Это...

Создавалось впечатление, что он сейчас задохнется от восторга. Его просто распирало от переполнявших эмоций: хотелось кричать, радоваться, бегать... Килиан не раз наблюдал такую реакцию, и всерьез начал опасаться, что его товарищ не выдержит. Люди, долгое время испытывавшие крайнюю нужду, сходили с ума, едва узнавали о неожиданном богатстве. Поэтому, когда уставший Петр сел прямо у своего сокровища и начал агрессивно поглядывать по сторонам, маг неожиданно ударил его прямо в лицо. От сильного удара тот сразу же потерял сознание.

Глава двадцать шестая

Дневник наблюдений Гомельской метеорологической станции ЛЬ4 за 1940 — 1941 гг.

... Запись от 3 сентября 1941 г. Младший метеоролог И.В.Кузьмин. Примерно в семь часов утра в районе поселка Барановичи было зафиксировано необычное метеорологическое явление — сухая электрическая буря. Данный термин, хотя и не принят в метеорологической науке, но по моему мнению, наиболее точно отражает сущность наблюдаемых атмосферных процессов.

По словам очевидцев с самого утра небо затянулось черными свинцовыми тучами и поднялся сильный, переходящий в ураганный, ветер. Не смотря на все признаки начинающегося сильного дождя, ни каких атмосферных осадков зафиксировано не было. После этого, ближе к восьми часам, от туч к земле протянулись многочисленные электрические разряды (молнии). Как отмечает, С.Ф.Емельянец (житель села Козловка, расположенного в тридцати километрах от поселка Барановичи), "в воздухе сильно запахло озоном".

Сухая электрическая буря продолжалась около пяти часов. О ее мощности можно косвенно судить по масштабам аварийного отключения света в районе. Электрического освещения в Барановичах не было около двух суток.

Примечание: запись от 3 сентября 1941 г., сделанная рукой младшего метеоролога И.В.Кузьмина, осуществлена на оккупированной территории, что позволяет поставить под сомнение ее достоверность.

— Не дрожи, как баркан, — ласково, почти по отечески, проговорил Зенон, кладя руку пленнику на плечо. — Тебе совершенно не нужно бояться, хотя ты и плохой человек. Так ведь?

Капрал, унимая бившую его дрожь, замер.

— Плохой, конечно плохой! — уже уверено произнес магистр, с некоторой укоризной качая головой. — Помнишь, кого ты убивал? Душил? А? Девочку с косичкой, не забыл, наверное? Маленькая такая девочка. Глазки у нее большие, большие были. Все плакала, плакала, а ты смеялся...

Пленник расширенными от ужаса глазами смотрел старика, рассказывающего о том, что никто и знать то не должен был. Он раскрыл дрожащий рот и испуганно пробормотал:

— Там же никого больше не было. Никого! Ни единой души! Как ты про это узнал?

— Узнал, все узнал! — печально произнес старый маг. — Но ты все равно не бойся... Я же обещал тебя отпустить, а маги держат свое слово. Запомни это, тварь в человеческом обличье.

Он на секунду замолчал и, вдруг, крикнул стоявшему рядом капитану:

— Режь!

Поднимающееся над соснами солнце на мгновение мазнуло лучами по блестящему клинку, как раздался сильный вопль.

— А-а-а-а-а! — капрала трясло, как бесноватого. — А-а-а-а-а!

Кровь сначала осторожно, словно задумалась, а правильно ли она поступает, капнула на небольшую каменную плиту, а потом уже полилась смело.

— Мариот, начинай! — громко крикнул Зенон, следя за кровавой жертвой.

Второй маг, с бледным от волнения лицом, вскинул руки к самому небу, которое стало медленно затягиваться тучами. На десятки, сотни километров от этого места в вышине не осталось ни облачка; все стягивалось сюда и становилось частью огромной свинцовой пелены.

Кровавая лужица, набравшаяся в небольшом каменном углублении, вдруг, вспыхнула пламенем. Причудливый изумрудный огонек колыхал, как живой, бросаясь то в одну то в другую сторону.

— Дальше, Мариот! — возбужденно закричал Зенон. — Начинай читать!

Над алтарем поплыла незнакомая речь. Странные слова, дикие для уха обычного человека интонации. Речь тех кто ушел, впервые прозвучала в этом мире. В ней слышался то грохот каменного обвала, то нежное журчание лесного ручейка.

— Не молчи! — в голосе старика отчетливо чувствовалось недовольство. — Только не молчи! Ритуал нельзя прерывать!

Мариот с трудом сглотнул ком, наглухо вставший в пересохшем горле, и вновь принялся читать магическую формулу. Пот предательски сбегал с его лба и сразу же прятался в под плащом.

Однако, в этот момент не одному ему было жутко страшно... Стоявший невдалеке капитан вряд ли бы признался, если бы его об этом спросили, но он боялся. Только при взгляде на сгустившиеся над их головами тучи все прошедшие раньше сражения казались ему детскими испытаниями. Он остро чувствовал, что именно сейчас в любой момент может произойти что-то очень страшное... Капитан ни чего не смыслил в магических обрядах, но в воздухе стояло такое напряжение, что для таких мыслей не нужно было быть особым провидцем.

Одновременно, над поляной поднимался ветер. Верхушки сосен угрожающе зашевелились, стволы начали что-то скрипеть... Вихрь захватывал все большие и большие массивы воздуха, заставляя его с невероятной скоростью кружиться.

Пленник, все это время ошалело пялившийся на медленно капавшую из его руки кровь, вдруг, разорвал веревки и бросился бежать. По пути он успел с силой толкнуть магистра. Получив неожиданный тычок в спину Зенон кувырком полетел через алтарь, чудом его не задев.

— Нет! — в ужасе закричал маг. — Остановите его!

Убежать капралу так и не удалось. Не спавшие гвардейцы практически одновременно пронзили его мечами.

Оставшийся без присмотра огонек недовольно заворчал, начиная медленно раздуваться. Огненная корона поднималась все выше и выше, по, наконец, не сравнялась в высоту с магом.

— Успели, — с облегчением вздохнул Зенон, видя, что огонь перестал расти. — Успели... Какое счастье!

При этих словах Мариот бессильно опустил руки и со стоном опустился на землю.

— Ничего, сынок, это всего лишь истощение, — проговорил магистр. — скоро ты восстановишься! А теперь господа...

При столь торжественном обращении, да еще сказанным таким тоном, все посмотрели на старого мага.

— Позвольте вам представить Ищущего след! — магистр жестом показал на пылающий огонь. — Именно он поможет в наших поисках.

Капитан сразу же оживился, ухмыльнувшись своим солдатам. Ближе подошел принц, который за все это время так ни слова и не произнес. Лишь Мариот продолжал лежать на земле и жалобно постанывать.

— Сейчас мы все узнаем! — пообещал все Зенон, прежде чем сделать шаг в полыхавшее пламя.

Он на глазах у всех шагнул в огонь и полностью исчез из виду.

Поиск человека для любого мага был очень неприятной и болезненной процедурой, так как приходилось пропускать через самого себя тысячи и тысячи лиц, событий и предметов в поисках искомого. Зенон, сделав шаг, привычно наморщился, готовясь ощутить сосущую боль в самом сердце... Однако, никакой боли он не почувствовал! Наоборот, было как-то странно хорошо — тепло и уютно. Его переполняли эмоции радости! Хотелось куда-то бежать, что-то делать!

Магистр улыбался, что могло стать для многих настоящим потрясением. На протяжении последних десяти — двадцати лет вряд ли кто-нибудь из его коллег или друзей мог похвастаться, что видел главу Верховного Конклита улыбающимся.

— Как же хорошо здесь, — тихо бормотал Зенон, закрыв глаза от наслаждения. — Это настоящее блаженство!

Вокруг него горел яркий огонь, бывший к изумлению каким-то нежным и неопасным. Казалось, огонь — это ладонь близкого человека, который хочет его пожалеть и погладить по головке. Магистр даже непроизвольно вытянул свою седую голову вперед, словно, действительно, хотел, чтобы его приласкали. Однако, вместо ласкового прикосновения он ощутил, как кто-то с настойчивостью пытался влезть ему в сознание. Он даже ничего не успел предпринять, как внутри него стали возникать быстро сменяющие друг друга картинки, какие-то образы, чьи-то силуэты... Оно в стремительной цепью пролетали вокруг него, превращаясь в некое единое целое — ответ на так беспокоивший их вопрос.

Зенон, собрав все свои силы в кулак, пытался сделать проплывавшие образы более четкими, но они сразу же растворялись и превращались во что-то другое. Временами, проявлявшиеся картины, казались ему смутно знакомыми и похожими на что-то, а временами — виделось такое, что ужас сжимал его сердце.

... Вот в сознании возникла какая-то бревенчатая хижина, сильно напоминавшая те крошечные и убогие домики, в которых ютились простолюдины. Потом выползло огромное лицо старой женщины. Перед его глазами проплыла каждая морщинка, каждый волос. Она беззвучно открывала и закрывала рот, словно о чем-то пыталась его предупредить. Через мгновение лицо превратилось в силуэт огромного толстяка, с ожесточением тыкавшего в кого-то палкой. Из под острия, украшавшего палку, во все стороны летела кровь...

Потом он увидел уже другое помещение, от стен и пола которого веяло смертельным холодом. Всюду был белый камень, один только белый и холодный камень. Вот мелькнула черная фигура, через секунду еще одна... Затянутые в жесткие ремни, с высоким шапками, они медленно увеличивались в размерах, становясь огромными словно горы...

Зенон попытался отпрянуть от них, но фигуры продолжали наплывать и наплывать на него. Вдруг, все кардинально изменилось! Черные фигуры быстро съежились до крошечных размеров и суетливо забегали. На сцене появился кто новый — непонятный, а оттого почему-то жутко страшный. Из беловатого марева, заполнившего сознание мага, потянулись костлявые с отваливающейся кожей руки. С противным шелканьем, они тянулись к шее — все ближе и ближе, все ближе и ближе...

— А-а-а-а! — в ужасе закричал магистр, вываливаясь из затухающего пламени.

Он еще автоматически продолжал что-то отгонять руками, когда, наконец, увидел людей. "Я вернулся, — с облегчением подумал он. — Да.... Видно, стар я уже для таких испытаний".

— Магистр, как вы? — Зенон увидел в глазах принца такое сострадание, что даже на мгновение усомнился в его принадлежности к правящему роду. — Вы в порядке? Мы видели страшный огонь! Это пламя поднималось почти вровень с верхушками деревьев. Еще ветер. Сильный!

Он осторожно подхватил его за руку с одной стороны, с другой встал капитан, и вместе они бережно усадили старого мага на сложенный плащ.

— Вот, воды, магистр, — откуда-то со стороны раздался дрожащий голос Мариота, который ни как не мог отойти от переживаний. — Выпейте.

Молодой маг был бесконечно счастлив, что Зенон остался после ритуала жив. Как бы он не любил старого магистра и не старался вызнать все его секреты, он все же прекрасно понимал, что без Зенона у них у всех шансы выжить в этом мире были просто мизерными. Поэтому, когда магистр, находясь в магическом пламени, жутко закричал, он жутко перепугался.

— Спасибо, друзья мои! — видно было, что старый маг растроган. — Я тоже рад всех вас видеть!

Он взял протянутую фляжку и жадно выпил.

— А теперь о главном, — проговорил маг без всякого перехода. — Я узнал, куда мы должны идти. Тут недалеко есть одно небольшое селение. Думаю, там мы узнаем кое-что о Килиане!

Капитан, едва услышал это, сразу же развил бурную деятельность. Оба гвардейца были отправлены готовить припасы, оружие к дороге и, возможно, к сражению. Следом он отправил и молодого мага к ним на помощь. После этого около магистра остались лишь двое — он сам и наследник престола.

— Хорошо, что остальные ушли..., - негромко проговорил Зенон, печально вздыхая. — Садитесь... Новость хочу вам одну сообщить.

Заинтригованные таким началом разговора, капитан и принц устроились рядом. Из двух пар глаз, направленных на мага, одна смотрела с восторженностью, приправленной ярко выраженным восхищением, и вторая — с отчетливой настороженностью.

— Значит, так друзья мои, — вновь вздохнул он, расстегивая тесное одеяние. — Килиан вновь взялся за старое.

Он так многозначительно посмотрел на капитана, что того проняло аж до сердца. Растерявшись, Синко дель Като несколько секунд беспомощно хлопал глазами.

— Как? И здесь? — его возмущению не было предела. — Он снова стал призывать мертвых?

— Здесь некромант! — вслед за ним ахнул принц, который, вообще, ни чего не знал о предъявленных Килиану обвинениях.

— Надо уходить к порталу! — вдруг твердо заявил капитан. — Немедленно! Если здесь действует некромант, то мы не имеем права подвергать жизнь его высочества опасности!

— Но, господин капитан! — попытался было возразить принц, но сразу же замолк под взглядом мага.

— Уважаемый дель Като, — проговорил Зенон, выждав несколько минут, чтобы

капитан хотя бы чуть-чуть выпустил пар. — Я же вам уже десятки раз говорил, что искать Килиана придется в любом случае! Не имеет никакого значения, что он некромант. Мы все должны понимать лишь то, что вернуться домой удастся лишь с его помощью.

Глава двадцать восьмая

Из разговора двух соседок у колодца:

— ... Я же тебе говорю..., - громко шептала одна, то и дело оглядываясь по сторонам. — Сама видела... Вот как тебя сейчас!

Другая женщина, ахнув, всплеснула руками:

— Да, ты что? Наша недотрога?...

На ее лице было написано столь явное неверие, что это читалось без всякого труда. Сплетница в ответ, обидчиво поджав толстые губы, с жаром начала рассказывать дальше:

— Видела! Вот тебе крест, видела!

Она с яростью осенила себя крестом и наклонившись к соседке еще ближе, зашептала дальше:

— Вечером..., я как раз курей загоняла в сарай. Смотрю, шкандыбают какой-то мужик по огородам... Ну, чисто, ворюга! Зыркает по сторонам, словно спереть чего хочет!

Женщина даже своим лицом попыталась изобразить, какого вороватого мужичка она увидела.

— Ну, думаю, Митроху надо позвать! Он то уж ему задаст! — она от возбуждения по воздуху аж рукой рубанула. — А этот, пентюх, шмыг и к Анютке!...

Злорадство прямо сочилось с ее языка.

— Я же всем говорила, что она стерва и потаскушка! — с ехидством продолжала она. — Мужиков к себе по ночам водит... А вы, тоже хороши! Наша Анютка — хорошая, наша Анютка — пригожая! Ужо я все батьке ее расскажу...

— Ну, как полегчало? — усмехнувшись, спросил Килиан.

Петр с трудом открыл правый глаз, украшенный очень солидным синяком.

— У тебя удар-то, оказывается, ого-го! — пробурчал он, пытаясь дотронуться до глаза. — Так засадил, что аж искры посыпались!

Следующие пару минут они провели в полном молчании: один при этом сосредоточенно чистил покрытый ржавчиной пистолет, а второй задумчиво рассматривал небо над головой.

— Ты, Кирия, на меня не серчай! — выдавил, наконец, он из себя. — Сам не знаю, как это так получилось... Помню, как золотишко увидел. Понимаешь, я же с детства копейки в руках не держал! Сколько себя помню, скопить хотел два целковых, чтобы матери платок пуховый купить. Болела она у меня сильно. А тут, золота в сундуках! Куча золота! У меня аж руки задрожали... Помутилось все в голове! Думаю, вот повезло, наконец, повезло!

Тяжело смотреть, как здоровенный мужчина, которого ты всегда знал несгибаемым, стальным человеком, вдруг, готов заплакать.

— Я же убить тебя был готов! — Петр поднял на товарища покрасневшие глаза. — Вот этими самыми руками задушил бы!

Здоровенными красными ручищами он потряс прямо перед самым носом товарища. "Этими клещами точно мог! — убежденно подумал Килиан. — Задушил бы, как куренка!". Однако, вслух он выдал совершенно другое:

— Выбрось это из головы, Петро! Столько золота у любого помутит рассудок! Ты лучше о другом подумай! Нам назад пора пробиваться, а то скоро здесь мхом покроемся.

Помрачневший Петр стал молча собираться и, вскоре, два вещмешка были набиты под завязку. Сам он нацепил на пояс кобуру с любимившемся ему командирским ТТ, за пояс засунул немецкий вальтер, а на плечо повесил мосинскую винтовку. "Если бы у нас был еще и пулемет, то его он тоже бы нацепил! — про себя стал ворчать маг. — А еще лучше, подайте нам танк".

— Слушай, командир! — не смог сдержаться Килиан. — Ты это куда собрался? Если с немцами воевать, то нам с тобой не по пути!

На Петра, услышавшего эту реплику, стало страшно смотреть. Он будто бы увидел ужасного монстра, на его глазах сожравшего всю его семью, друзей и соседей по дому.

— Нам не нужно столько оружия, — буквально на доли секунды опередил Килиан готовящийся взрыв. — Через линию фронта мы должны пройти тихо, чтобы даже эти мелкие грызуны... мыши не услышали! А воевать со всей немецкой армией, мы даже с помощью всего этого оружия не сможем. Так ведь?

Первые признаки того, что линия фронта близка они получили уже на следующий день. После долго пути оба путника лежали открыв рты, пытаясь отдышаться. В этот момент совсем рядом, буквально в километрах десяти — пятнадцати начали раздаваться мощные взрывы. Они следовали непрерывной чередой — один за другим.

— Бой где-то идет, — пробормотал Петр, внимательно вслушиваясь в грохочущие звуки. — Где-то наши кровушку проливают.

— Так, — неопределенно протянул Килиан, раздвигая густые кусты в их убежище. — Пока ты отлеживался, я тут деревеньку одну разглядел. Надо в крайний домик наведаться. Глядишь, может чем и разживемся.

Вскоре, Килиан осторожно пробирался через заросший бурьяном огород, то и дело отгоняя взбесившихся пчел. Последние метры до задней части дома ему пришлось даже ползти; он опасался, что кто-нибудь сможет его заметить.

— Эй, хозяйева, — негромко позвал он в приоткрытую дверь, справедливо рассудив, что кто-то дома точно должен быть. — Не бойтесь, я свой!

В доме раздался тихий женский вскрик и следом грохот падающей посуды. Еще через несколько секунд закрипели половицы: кто-то медленно, на самых цыпочках, подбирался к двери.

— А я и не боюсь, — донесся до мага из-за двери тихий голосок. — А вы точно свой? Килиан ужом проскользнул внутрь дома и с облегчением прикрыл дверь.

— Свой я, свой, — пробормотал он, вглядываясь в полумрак, царящий в комнате. — Кирыаном меня кличут.

— Ой, точно свой! — после радостного крика на Килиана набросился кто-то очень теплый и мягкий, сильно пахнувший травами и парным молоком.

Однако, сразу же этот кто-то от него отпрянул и маг, наконец-то, разглядел хозяйку дома. В полосе света, падающего из окна, стояла молодая женщина с распущенными волосами. Солнечные лучи создавали вокруг нее настоящий ангельский ореол, заставляя Килиана глупо улыбаться.

— О, Благословенный Митра, я умер и ты призвал меня к себе, в райские сады, — забормотал он, не сводя глаз со светлой женской фигуры. — Если да, то не отпускай меня никогда! Я никогда... никогда не видел ничего прекраснее.

В ответ наградой прозвучало нежное журчание женского смеха.

— А я Анюта, — раздался после некоторого молчания мягкий, немного грудной

голос. — Вы летчик?

— Анюта, — произнес ее имя по слогам Килиан. — Какое удивительно красивое имя!

Наконец, вопрос дошел до него и маг произнес:

— Из пехоты я. Товарищ тут мой недалеко. Мы на фронт пробираемся. Думали в этой деревеньки хоть какой-нибудь едой разжиться... А я встретил тебя!

Снова раздался смех.

— Какой ты чудный и странный! Сиди пока здесь и не вставай, а то соседи увидят. Они у меня все видят! Я сейчас посмотрю, чего поснедать смогу собрать.

Женщина развернулась и пошла в другую комнату, а в ее руке угадывался силуэт топора.

— Неужто именно это имел ввиду учитель?! — разговаривал сам с собой Килиан, когда она начала звенеть кастрюлями. — Ты познал почти все, что должен знать истинный повелитель стихий! — прикрыв глаза вслух стал вспоминать маг. — Ты в совершенстве овладел искусством управления огнем. Во всем Китоне мало кто сможет сравниться с тобой! Однако, ты еще не узнал главного — ты не пригубил самого главного напитка в жизни человека. Ты не познал любви. Запомни! Любовь — это испытание для мага! Это испытание, после которого он либо станет истинным магистром, либо рядовым магом-знахарем!

Все, что он считал главным в своей жизни, стало каким-то мелким и незначительным. Померкла даже великая война, в огненной топке которой ежедневно сгорали десятки тысяч людей. Главным ему казалось лишь одно — быть рядом с ней, смотреть на нее, разговаривать с ней!

Вдруг в его руки ткнулся небольшой узелок с продуктами и вновь раздался ставший ему столь милым голос.

— Возьми, Кирюша, собрала, что было, — прошептала Анюта. — Возьми и защити нас от родов! Родненький, мочи уже нет терпеть, как страшно.

Мир снова обрушился, как и в прошлый раз, до самого основания.

— Я! — сглотнул он, внезапно появившийся в горле ком. — Я землю буду грызть, я буду их голыми руками рвать, родненькая, но ни один и пальцем тебя тронуть не посмеет! Извини нас, что допустили до такого! Извини.

Как добрался до Петра и как передал ему узелок с продуктами, Килиан уже не помнил. Весь его путь до леса был в каком-то сплошном тумане: забор, околица, заросшие огороды, еле видная тропинка в лесу...

— Очнись, Кирюха! — не выдержал Петр, стукнув своего товарища по затылку. — Тыловики, кажется, показались. Рембат это, похоже. Вон и пара танков разбитых. Наши постарались! — злорадно пробормотал он, любуясь солидными пробоинами в бортах немецких машин. — Ишь молодцы, в борта засадили!

Немецкие механики в серых комбинезонах как рабочие пчелки суетились вокруг подбитых машин, пытаясь что-то исправить. Время от времени кто-то из них размахивался и с силой бил кувалдой по металлу. Гулкий звук разносился по всем окрестностям, медленно затихая где-то вдалеке. Недалеко от них с десятков солдат таскали какие-то длинные ящики, а наблюдавший за ними офицер громко давал свои указания.

— Нет! — недовольно буркнул Петр, продолжая обшаривать глазами каждый сантиметр рембазы. — Здесь мы не пройдем! Немцев до черта. Расплодились, как тараканы! Обходить треба.

Лежавший рядом в траве Килиан отрицательно покачал головой.

— В обход получится слишком долго! — проговорил он потом. — Тут громадный

крюк. Это там несколько дней топать. А, вдруг, и там немцы засели? Что опять топать?! Нет! Надо здесь идти, только сделать все следует по умному! Смотри вон туда!

Маг пальцем показал на большую палатку, поставленную практически в самом центре немецкого лагеря. Из нее постоянно выбегали какие-то солдаты с кучей документов под мышками.

— Похоже, там находится штаб, — продолжал он. — Представь, всего одна граната и все, немец без начальства! Кстати, что-то они слишком оживились?! Кажется, новую атаку готовят.

Возле штаба, действительно, происходила какая-то непонятная возня. Офицеры перестали ходить и начали бегать, причем очень быстро. На восток умчались две груженный снарядами машины, через пару минут следом, лязгая гусеницами, прошли танки.

— Четыре машины, — зло пробурчал Петр, провожая глазами бронированных монстров. — Видно, решили сегодня с нашими покончить... Затопчут, твари!

— Командир, — посмотрел на него Килиан. — Это наш шанс! В первой атаке им дали хорошо прикурить. Значит, сейчас они бросят все, что у них есть! Все, до последнего солдата! И, если повезет, к вечеру мы будем у наших.

— Хорошо, Кирюха! — решился, наконец-то, Петр, разглядывая, как куда-то убежали механики. — Надо попробовать! Чем черт не шутит?!

Вторая атака началась далеко за полдень, когда солнце уже палило не так сильно. Лагерь, казалось, вымер. Ни души не было видно! Только возле штабной палатки застыл один часовой и у склада с боеприпасами второй. Килиан змеей скользнул по траве и остановился лишь у оставленного без присмотра мотоцикла. Отсюда до штаба было каких-то десять — пятнадцать метров. Глубокий вздох. Один, второй и бросок вперед! Нож с такой силой вошел часовому в спину, что лезвие показалось наружу.

Вскидывая винтовку, Килиан резким движением откинул полог палатки и оказался внутри просторного помещения, в центре которого стоял большой стол. Работавший за этим столом молодой офицер был до нельзя удивлен таким вторжением, да еще не своего, а вражеского солдата.

— Was? — недоуменно спросил он, не сразу поняв, кто его побеспокоил.

Однако, когда он узнал сотни раз постиранную форму, был уже поздно. Раздался громкий хлопок и мощный винтовочный патрон отбросил тушку майора к дальней стене палатки.

— А теперь самое главное, — пробормотал Килиан, выходя на свет. — отправим вас всех к праотцам.

Вместо часового у склада стоял довольно ухмылявшийся Петр.

— Слушай, взводный, надо нам разделиться! — заряжая винтовку, начал разговор Килиан. — Если ты займешь вон ту высотку, да поставишь там вон тот пулемет, то мы сможем сыграть такой концерт..

— Попробуем, — решился командир, бросив взгляд на указанную ему высотку. — Только, Кирюха, ты, давай, осторожнее там! Учти, мы или вместе уходим или вместе остаемся. Ты меня понял?

— Понял я, все понял, — уже на развороте пробормотал маг. — Все мы уйдем! Весь вопрос лишь в том одном — куда?

Увидев, как Петр взвалил на хребет пулемет с свисающим с него лентами и поплелся на холм, Килиан пошел на восток, в сторону не прекращавшегося боя. "Надо со всем этим

заканчивать! — пытался он себя разозлить. — Что мне эти топчущие землю жуки?! Это всего лишь грязь и не более чем грязь!"

По рукам пробежали легкие искорки. "Это враги! Враги! — продолжал он накачивать себя. — Убей врага, убей врага!". Перед глазами вставали медленно надвигавшиеся на него огромные черные машины, изрыгавшие пламя. Скрежет металла оглушающе нарастал, заполняя собой все окружающее пространство. Этот звук уже перестал быть порождением сознания Килиана; он вырвался из него и зажил своей собственной жизнью. "Это опять начинается, — с легкая дрожь побежала по его телу. — Вот снова..."

Маг вновь чувствовал, как его сознание растворяется в заполнившей все и вся ярости. В висках оглушительно застучала кровь. Захотелось кричать изо всех сил! Килиан еще помнил, как прошел артиллерийский склад и показались светлые палатки полевого госпиталя...

Перебинтованный с ног до головы раненные сгорали свечками в том самом месте, где и стояли — на наспех сколоченных лавках, лежаках и подстилках. Мгновенно вспыхивали белые халаты выбегавших врачей и медсестер; за считанные доли секунд они становились похожими на обугленные головешки.

Этого маг уже не помнил. Затуманенное яростью сознание полностью вытеснило того Килиана, который был раньше. Теперь перед солдатами, с дикими воплями сгоравшими в адском пламени, представало облако пламени, которое все более и более нарастало в размерах.

Глава двадцать девятая

Из немецкой листовки, обращенной к местному населению оккупированных территорий:

Жители сел и деревень, поселков и городов, к вам обращается командование доблестной германской армии! Германский солдат пришел к вам, чтоб освободить от еврейско-большевистского ига. Больше вы не должны относить выращенные собственными руками продукты в колхозы и совхозы, больше вами не будут управлять комиссары. Теперь вы сами хозяева своей жизни!

Вскоре мы окончательно очистим Россию от большевистской заразы и здесь воцарится настоящий немецкий порядок. Вы должны честно трудиться на земле и заводах, чтобы ваш край становился все богаче и богаче.

Ничего теперь не бойтесь, ведь вас защищает непобедимая германская армия во главе с великим фюрером Адельфаном Гитлером. Мы призываем сотрудничать с германской администрацией в вашем районе, досконально и по первому требованию выполнять все ее распоряжения. Не бойтесь угроз и мести! Кровавые руки красных комиссаров никогда не дотянутся до вас! Смело приходите к нам и рассказывайте обо всем, что показалось вам странным и необычным, а может и подозрительным. За любую, даже самую незначительную информацию, которая поможет задержать преступника, германской администрацией будет выплачено 100 рейхсмарок.

Внимание! Внимание! В случае неповиновения распоряжениям и приказам германской администрации виновный подлежит расстрелу!

За саботаж и вредительство на сельскохозяйственных и промышленных предприятиях, имеющих военное назначение, виновный и члены его семьи подлежат расстрелу.

За диверсии на объектах военного назначения пойманный на месте преступления подлежит расстрелу!

За нападение на германского солдата или чиновника виновный подлежит расстрелу!

— Слушай, Люк, — критически осмотрев внешний вид одного из своих солдат, заворчал капитан. — Ты похож на настоящего оборванцы!

— Опять, господин капитан! — обиделся тот, оттопыривая свою накидку на доспехах. — Почему опять Люк? Чуть что, так сразу Люк, да Люк... Вон Ханс тоже в рвань одет не лучше моего.

Поравнявшийся рядом с ним, второй солдат, действительно, выглядел точно также, если не хуже. Прожженный во множестве мест плащ практически не скрывал закопченные и помятые доспехи. Засаленные штаны, у которых уже и цвет не угадывался, были заправлены в разваливающиеся калиги.

— Банда! Сберище уголовников! — заорал Синко дель Като, увидев их рядышком. — Да разве вы похожи на королевских гвардейцев?! Нет! Тысячу раз нет! Ангорские каторжники по сравнению с вами выглядят, как отпрыски из порядочных семей. Смир-р-р-на!

Гвардейцы мигом вытянулись в струнку и стали "пожирать" глазами командира. Чуть в стороне эту комедию наблюдали остальные — принц и маги.

— Слушай, мой приказ! — громко произнес капитан, буравя взглядом Люка, как самого шептунного. — В первом же селении достать подходящей одежды два комплекта! Нет! Лучше,

три! Мне все равно, как вы это сделаете, но лучше мне не перечить.

После такого нагоняя вся компания двинулась по проселочной дороге. Во главе их размеренно вышагивал пожилой маг, опираясь при ходьбе на длинный черный посох. Следом семенил Мариот, почему-то испуганно озирающийся по сторонам. В середине шел принц, от которого не отставал ни на шаг капитан. Вечно прямая спина, дерзко приподнятый подбородок и упрямые глаза... Всем своим видом он демонстрировал, что жизнь наследника королевского престола под его личной защитой и отобрать ее можно только лишь после его собственной смерти. Венчали всю эту процессию два гвардейца, яростно о чем-то спорящих.

Через некоторое время магистр остановился и окликнул капитана:

— Господин дель Като, мы практически пришли. Вон на том пригорке и расположено селение, о котором я вам рассказывал. Думаю, мы там найдем все, все что нам нужно!

Все сразу же оживились. Дни, проведенные на природе, похоже, были по душе только наследнику престола. Долгое время проводя взаперти дворца, он по детски радовался каждой минуте на свежем воздухе. И, судя по его выражению лица, он бы предпочел провести и эту ночь под открытым небом. Однако, остальные отнюдь не горели желанием последовать его примеру и с заметным интересом восприняли перспективу провести очередную ночь в тепле настоящей постели.

— Наконец-то, — обрадовался Мариот, начиная расправлять свой потрепанный плащ. — До здравствует, теплая постель и чистые простыни! Да! Да! Да! Еще немного и я бы превратился в настоящее животное. Оброс бы шерстью и стал мочиться под себя!

Услышавший эту тираду Люк мгновенно ткнул локтем своего товарища и ехидно прошептал:

— Наш бедненький господин магистр устал. У него слишком нежные косточки. О, Благословенный Митра, спасибо, что ты послал нам это селение и не дал уважаемому магистру умереть...

Не сдержавшись, товарищ захохотал так громко, что спугнул сидевших недалеко ворон.

— Заткнись! — взорвался капитан. — Мерзкий пес, ты разбудишь стражу! Вдруг, тут поблизости засада.

Он гневно зыркнул на подчиненных и те мигом начали с самым серьезным видом рыскать по окрестным кустам.

— Стоп! — вдруг, насторожился Синко дель Като, медленно вытаскивая из ножен меч. — Ханс, охранять принца! Люк, живо ко мне!

Солдаты как стадо кабанов ломанулись назад.

— Что, командир? — спросил, запыхавшийся Люк. — Враги?

Капитан задумчиво всматривался в верхушки домов, видневшихся между деревьев. Над некоторыми из них кругами летали птицы.

— Видишь? — кивнул он.

— Летают твари, — пробормотал Люк, прикладывая ладонь ко лбу. — Селение не большое. Дворов двадцать — двадцать пять. Скотины, птицы должно быть много, а тихо как в могиле.

— В могиле, — машинально за ним повторил капитан. — Похоже, никто нас там и не ждет! Никто! Это даже к лучшему. Так, слушаем меня!

Он развернулся в пол оборота к деревушке и начал:

— Мы точно не знаем, что нас может там ожидать. Поэтому, впереди пойду я с Люком

и...

Синко дель Като вопросительно посмотрел на старого мага. Тот с доброй усмешкой кивнул в ответ.

— И магистр Зенон! — продолжил он. — Через полчаса выйдут остальные. Ханс, ты за старшего! Извините, ваше высочество, но Ханс более опытен! Все поняли? Тогда вперед!

Трое человек, отделившись от основной группы, начали медленно подниматься на холм. При входе в деревню они увидели нечто, что подтвердило опасения капитана. У невысокого забора, который хорошо защищает от любопытной скотины, но не от человека, валялся развороченный труп черного пса. Здоровенное, ростом с новорожденного теленка, животное было буквально выпотрошено. Окровавленные внутренности, раздробленные кости... Чувствовалась работа настоящего мясника!

Капитан мечом осторожно повернул пробитую голову пса, как показался обрывок грубо выкованной цепи.

— Не похож он на дикого, — задумчиво пробормотал Синко дель Като. — Может бойцовый?

На вопросительный взгляд, брошенный на Люка, тот недоверчиво хмыкнул.

— Бойцовый?! — переспросил он. — Командир, если это бойцовый пес, то я ангорская портовая шлюха!... Где нагрудник, острые шипы? А лапы? Посмотри, сам. С такими лапами только гонять овец! В бою я бы не поставил на него и жалкого нанта! Это местный! Хозяев, похоже, защищал...

— Так, — протянул капитан, поправляя шлем. — Начнем с этого дома. Люк, твои окна. Я войду через дверь, а вы, магистр, займитесь нашим тылом. И помните, нам нужен живой пленник!

Оглядев свой небольшой отряд, он двинулся прямо к дому. С первого взгляда, избушка ни чего особого из себя не представляла. Обычная бревенчатая коробка, крытая потемневшей от времени соломой. Практически весь пригород столицы, насколько знал капитан, состоял практически из таких же домов.

Прижавшись к одной из стен, дель Като осторожно толкнул дверь. С противным скрипом она распахнулась настежь, словно приглашая зайти и отдохнуть с дороги. Выставив вперед меч, капитан решительно шагнул в полумрак и сразу же выбрался наружу, где столкнулся с магом.

— Там кто-то есть? — обрадовался магистр.

С трудом сдерживая рвотные позывы, капитан пробормотал:

— Да, господин магистр. Там точно кто-то есть, точнее когда-то был...

Ни чего не поняв из этой сумбурной речи, Зенон шагнул в дом, из которого также выскочил через секунду. Вскоре, он присоединился к капитану, который, согнувшись, извергал из себя остатки завтрака. Люк оставался единственным из них, кого нисколько не тронула увиденная в доме картина.

— Каким же это надо быть зверем, чтобы сотворить такое?! — ошарашено проговорил капитан. — Люк, это же девочка! Совсем малютка.

В ответ Люк промолчал. Ему совершенно не хотелось говорить о том, что на границе он видел и не такое. Дикие оргии, устраиваемые разгулявшейся солдатней, были самым обычным делом: когда селение или маленький городок брался приступом и ожидалось скорое контрнаступление противника, то командование спускало с поводка пехоту...

— Люк! — капитан, кажется начал приходить в себя. — Похоже, здесь уже никого нет.

Нужно осмотреть остальные дома! Все до единого!

— Живых что-ли искать? — жадно оглядывая соседний домик, крытой свежей еще не успевшей потемнеть соломой.

— Ищи местного! — встрял в разговор магистра. — Здесь точно должен был кто-то остаться. Я чувствую какое-то трепыхание. Оно очень слабое, едва заметное и, кажется, где-то там...

Зенон неуверенно махнул рукой в сторону высокого здания с причудливым флюгером на крыше. Проследив взглядом, Люк кивнул головой и направился в сторону облюбованного дома.

— Топчешь землю, топчешь..., - ворчал он, поднимаясь по скрипучим ступенькам. — А вот на такой домик и не заработал... Богато живут! Вон гвоздей сколько...

Хозяйским взглядом он шарил по крыльцу, пытаясь найти что-нибудь ценное.

— Ладно, посмотрим в доме, — раздосадовано пробормотал он. — Там точно есть что-нибудь, что порадует старого и слабого солдата...

Твердо ухватившись за ручку двери, Люк попытался ее открыть, но с той стороны что-то мешало. Он надавил сильнее и почувствовал, как препятствие сдвинулось и образовалась щель, вполне для него достаточная.

— Так..., что тут такое? — прошептал он, продираясь через приоткрытую дверь. — Значит, это ты держал дверь?!

Оказалось, дверь подпирал мертвый старик.

— Ты, отец, извини нас! — оценивающе начал осматриваться Люк. — Но тебе это уже не сойдет... а вот мне в самый раз...

Просторная, светлая горница была похожа на место сражения. Стоявшая мебель — пара широких лавок и массивный, сбитый из толстых досок, стол были переломаны. Большой сундук, в каких в Китоне хранили казну, безрадостно зиял пустым дном. Посредине комнаты валялось какое-то тряпье — рваные холщовые порты, потрепанный овчинный зипун, разодранное женское платье. Словом, здесь кто-то знатно похозяйничал, а поэтому все ценное, наверняка, уже исчезло.

Люк не был настоящим мародером, каких полно в любой армии. Ему совершенно не доставляло удовольствия копаться в чужих тряпках, сундуках, обыскивать погибших на поле боя. Просто, он считал, что не страшно позаимствовать что-то у мертвых, ведь живым это гораздо нужнее. Однако, и делать из этого свое призвание солдат тоже не стал бы.

— Врете... от старины Люка еще никто ничего не мог спрятать..., - шептал он, пристально осматривая углы комнаты. — Все равно должны что-то оставить... Хоть одну монетку... Малюсенькую...

Через минуту он уже ползал на коленях около подозрительно скрипевшей половицы. Несколько ударов ножом, потом энергичное ковыряние и вот, небольшой тайничок найден. Под расщепленной доской лежало что-то аккуратно завернутое в светлую тряпочку. Довольно причмокивая, Люк развернул тряпицу и в его руках оказался странный предмет. Чем-то он был до боли похож на дамский арбалет: здесь было отполированное ложе, удобная рукоять, небольшой спусковой крючок. Однако, вместо металлической дуги на ложе была укреплена черная трубка.

— Каин его побери! — выругался солдат. — Думал, старый пень золотишко здесь припрятал..., а этот самострел какой-то упрятал...

Он разочаровано встал и еще раз прошелся по комнате, в надежде что упустил что-

нибудь. После получаса активных поисков ему вновь улыбнулась удача: в самом углу дома его сапог наткнулся на какое-то кольцо, приделанное к полу. Потянув за эту импровизированную ручку, Люк приоткрыл лаз в погреб.

— Вот, старик, вот хитрый куркуль..., - с восхищением пробормотал он. — Тайников наделал... Ну-ка, что ты там приготовил для старины Люка?!

Он уже начал спускаться, как откуда-то снизу раздался тоненький голосок:

— А плохие дяденьки уже ушли? Мне можно выходить?

Не успевший ничего сообразить Люк среагировал именно так, как и должен был бы сделать опытный солдат. Словно сайгак, он вылетел из погреба и, выставив вперед меч, уставился вниз.

— А вы, дяденька, хороший или плохой? — из погреба показалась белобрысая головка с черными глазенками. — Дедушка говорит, что у плохих дяденек глазки нехорошие... Правда, ведь?!

— Ребенок! — растерянно пробормотал Люк, опуская меч. — Ты как туда попал, малыш?

Положив меч, солдат подхватил с пола какое-то темное покрывало и укутал им поднимавшегося по лестнице ребенка.

— Дедушка сказа, чтобы я сидел там тихо-тихо..., - пищал ребенок. — Как мышка!... Я сидел, сидел, а потом устал... А где дедушка?

Осторожно пробираясь к выходу, Люк так держал мальчика, чтобы он даже случайно не увидел труп у двери.

— Магистр, магистр! — закричал он прямо с порога. — Я нашел мальчика! Больше там никого нет.

Капитан выразительно посмотрел на своего солдата, а тот лишь беспомощно развел руками. Маг тем временем уже сюсюкался с малышом, что то ему рассказывая.

— ... Садись пока сюда, — ласково усадил он его на лавку у дома. — Сейчас мы посмотрим, что у нас есть покушать для такого богатыря...

Сунув мальчику в ручку кусок хлеба, магистр вернулся к товарищам. Увидев их угрюмые лица, Зенон улыбнулся.

— Зря вы такие кислые, — проговорил он. — Я меня, кажется, есть хорошие новости! Посмотрите-ка на покрывало, в которое укутан мальчонка...

Оба солдата синхронно повернули головы и уставились на темную ткань.

— Это же..., - охнул Синко дель Като.

— Точно, мой друг, — закончил за него Зенон. — Это плащ мага! И смею вас заверить, это точно плащ Килиана Барториуса... Я сам подарил ему этот плащ в день окончания магической академии.

— Откуда на нем плащ? — мгновенно оживился капитан, вопросительно посмотрев на солдата.

— Там подобрал..., - пробормотал Люк, расстроенный что упустил такую прекрасную возможность выслужиться. — В куче какого-то барахла валялся.

— А ну-ку, малыш, посмотри, что у дяди есть для тебя, — присел рядом с ребенком маг. — Видишь?

— Кабуточек!? — радостно завопил мальчик, выхватывая из рук мага золотистую гильзу. — Желтенький кабуточек...

— А что это у тебя за плащ такой красивый? — магистр погладил мальчика по

голове. — Со зверюшками..., с растениями...

— Это мне дедушка принес, — пробормотал ребенок, глядя свою новую игрушку. —
Говорит на поле нашел... Вон там...

Глава тридцатая

Из протокола допроса свидетеля ЛЬ324 по делу о нацистских военных преступлениях на заседании Нюрнбергского трибунала:

— Господин свидетель, расскажите, пожалуйста, уважаемому трибуналу, что случилось с вами 4 сентября 1941 г.? — усталым тоном задал вопрос обвинитель.

— Мне сюда говорить? — женщина средних лет в мешковато сидевшем на ней костюме ткнулась в один из стоявших перед ней микрофон. — Э... Солдаты приехали к нам в село около обеда. Лютые были, аки собаки... Чуть слово поперек скажешь, они, вражины, сразу в зубы прикладом!

Всех нас из домов выгнали — и стариков, и детей в кучу собрали и в грузовики... Долго мы там тряслись... Душно было, грязно! Детки плакали сильно...

Выгрузили нас на каком-то поле. Кругом танков полно, солдаты везде бегают... Слышу еще, как вдалеке пушки вроде как стреляют... Потом гнали нас по дороге в ту сторону. Ну, думаю, все — конец настал!

Вышел к нам мордастый такой немец с погонами. Сам злющий, а усы в разные стороны торчат... Говорит нам что-то по своему, а детина рядом переводит. Сказал, чтобы мы бежали по полю к своим... Сразу же солдаты погнали нас прикладами. Везде стреляют! А они за нами идут, ироды!

Черный дым столбом поднимался в небо. Гарь от коптящих танков медленно оседала на траву. Ни звука не раздавалось на поле: молчали птицы, не завывал ветер.

К линии окоп спотыкаясь шел комбат. Зажимая рукой рану на голове, он упрямо брел вперед, не обращая внимания ни на перепаханное снарядами поле, ни на непривычно звенящую тишину. "Ну, вот и полдень, — мысли текли медленно, словно в картинке в замедленном кино. — Осталось дожить до вечера и все... Шесть часов — две — три атаки".

— Жив, значит?! — устало кивнул он молоденькому лейтенанту, привалившемуся к стенке окопа.

Тот попытался встать, но комбат махнул рукой и он плюхнулся на прежнее место.

— Жив, значит, курилка, — вновь повторил командир, оглядывая то, что осталось его батальона.

Увидев комбата, к этому месту потянулись оставшиеся в живых бойцы. Они брели по полузасыпанным ходам сообщения в грязных и окровавленных гимнастерках, блестя белыми бинтами повязок. Это были его солдаты — солдаты, с которыми он много лет служил на границе, а потом отступал в тяжелые июньские дни!

Комбат смотрел на подходивших солдат, которые своей кровью давали армии время закрепиться на новом рубеже, и не видел в их глазах страха... С воспаленными от недосыпания глазами, почерневшие от разъедающего дыма горячей резины, они спокойно смотрели на своего командира и ждали от него приказа.

— Братки! — прохрипел комбат, вновь и вновь вглядываясь в них. — Вон там, — он махнул рукой на восток, к своим. — Для нас там земли нет!

Он опустился на колени и собрал в горсть опаленную землю.

— Вот она родимая! Вот она наша земля, — протянул он крепко сжатый кулак. — Она и мать наша, и сестрица, и дочка махонькая. Страшно мы перед ней провинились! Так

страшно, что нет мочи даже говорить.

Солдаты стояли словно греческие статуи во всеми покинутых музеях. Они ловили каждое слово.

— Мы же, все с вами клятвопреступники! — из его голоса уже давно исчезла усталость и безнадега. — Мы клялись врагу не отдать ни пяди земли. Ни пяди!

Упершись на винтовку зарыдал пожилой стрелок.

— Отдали мы нашу землю! Ни за грош отдали! — с яростью чеканил он каждое слово, буквально буравя солдат своими глазами. — Братки! — продолжил командир через мгновение. — Братки, мы уже давно мертвецы! Да, в нас течет горячая кровь! Да, в груди бьется сердце! Но наши дома захвачены, наши родные убиты. Мы уже мертвецы, потому что должны исполнить свой последний долг. Долг перед землей! Долг перед самим собой!

Комбат медленно расстегнул кобуру и вытащил пистолет.

— Все по местам! — отдал он свой приказ, как надеялся последний приказ в своей жизни. — Враг не должен пройти!

— Миша, — положил руку на плечо лейтенанту. — Давай на левый фланг. Там даже сержантов не осталось, а я уж здесь как-нибудь без тебя покомандую.

Козырнув тот сразу же убежал.

— Как Михеич есть патроны-то? — улыбнувшись одними уголками губ комбат спросил пожилого дядьку, расположившегося недалеко от него.

— Э-э-э! — презрительно протянул солдат. — Патронов еще завались... Товарищ командир, лишь бы немчуры хватило. Я ведь если в раж войду, то просто держись!

— Орел! — уже не сдерживаясь, по настоящему усмехнулся комбат. — Давай, Михеич, давай. Ты уж, родной постарайся.

На поле тем временем началось движение. У самой его кромки, где горел подбитый еще в самом начале боя танк, появился немецкий бронетранспортер. Издалека было видно, как высаженные пехотинцы забегали тараканами, занимая позиции для броска на советские позиции.

— Приготовиться к бою! — отдал по цепи приказ комбат, взведя затвор автомата. — Что же вам, твари, надо от нас на этот раз?

Наблюдая за мельтешащими немцами, комбат прокручивал в уме будущий рисунок боя. "На этот раз танки в центре не пойдут, — размышлял он, прикидывая направление главного удара. — Утром они здесь хорошо по шапке получили, — он на мгновение залюбовался продолжавшими чадить машинами противника. — Значит, остается или правый или левый фланг... Справа низкий овражек. Танки пройдут, но скорость придется сбросить. Так, а слева у нас практически шоссе — ездай не хочу".

Однако, противник с первых же минут спутал все карты. Вместо привычного массивного кулака, состоящего из десятка танков и многочисленной пехоты, к линии окоп медленно приближались лишь солдаты.

— Вот гады-то! — через несколько минут ахнул комбат, заметив как из-за спин солдат начали появляться фигуры в цветастых платьях. — Прикрыться, значит, решили?!

Вдруг, слева от него раздался голос:

— Товарищ майор, что-то танков не слышно. Одна пехота что-ли?

Он щурил свои подслеповатые глаза, пытаясь разглядеть что творилось на поле.

— Это, Михеич..., — только открыл рот командир, как в знойном воздухе раздалась усиленная мегафоном русская речь.

— Доблестный русский солдат! — безбожно коверкал слова переводчик. — Ты доказал, свой смелость и отвага. Ты — настоящий солдат и мы готовы предоставить тебе почетный плен! Тебя ждет теплая чистая постель, сытная еда и хорошие условия! Посмотри на поле! Немецкое командование привело твоих мать и отец, бабка и дедка, жена и маленькие детки. Они зовут тебя к себе. Бросай оружие и сдавайся! Мы не воюем с русским солдатом! Немецкая армия воюет с большевиками и евреями!

Серо-цветная линия, тем временем, медленно но неуклонно приближалась к советским окопам. Вскоре, уже можно было различить лица людей, бредущих под дулами автоматов. Женщины с плачем прижимали к себе маленьких детей, словно так можно было их защитить от смертоносного металла. Они протягивали к детей, умоляя пощадить хотя бы их.

— Русский солдат! — продолжал надрываться мегафон. — Твое сопротивление бессмысленно! Сдавайся! Здесь твои родители, жена и дети. Не стреляй в них!

Комбат трясущими рукам в очередной раз отстегнул и вновь пристегнул магазин с патронами.

— Добре, — пробормотал он, ощущая тяжесть набитого патронами диска. — На всех хватит! И на них и на нас!

Живой щит уже поравнялся с танком, который батальон поджег в утренней атаке последним. Еще пять — десять минут и враг выйдет на рубеж "одного броска". Медлить было нельзя.

— Батальон! — хрипло заревел комбат, поднимая руку. — Огонь!

Окопы в мгновение ока окутались пламенем, выпуская рой металлических пчел.

— Огонь! — не переставая хрипел командир, поливая из автомата продолжавшие подниматься и бежать фигурки людей. — Дави! Дави!

За несколько минут боя на ногах остались лишь наступающая немецкая пехота. Весь живой щит был выкошен под чистую: поле было беспорядочно усеяно белыми и цветными пятнами. Однако, гранадеры противника рвались вперед, как заведенные, не обращая внимания ни на плотный винтовочный и автоматный огонь, ни на попадавшие под ноги тела.

— На! На! — оскалив зубы, кричал молоденький лейтенантик. — Получи!... Патроны! Ответа не было.

— Гуляев, патроны! — вновь крикнул лейтенант, не поворачивая головы.

Снова молчание. Молодой якут уже давно лежал на дне окопа, вперив остекленевший взгляд в небо.

— Гуляев, — осекся он, увидев мертвого бойца. — Братки, патронов бы самую малость..., - беспомощно огляделся он по сторонам.

На десятки метров в обе стороны окоп был пуст; то там то здесь лежали тела убитых, но так и не выпустивших из рук оружие. Лейтенант бросился сначала к одному солдату, но тот был пустой, потом ко второму. Знакомый подсумок оказался полон лишь у четвертого.

— Вот вы где, — бормотал он почерневшими губами. — Сейчас, мы им зададим!

Вдруг, совсем рядом грохнул такой силы взрыв, что лейтенанта выбросила из окопа. Глотая воздух как вытащенная из воды рыба, он ошарашенно водил головой по сторонам. Следующий взрыв разнес бывший штабной блиндаж, подняв в воздух целую тучу земли и дерева.

— На землю! На землю! — орал кто-то издалека. — На землю!

Лечь в этот момент, означало сдаться. Он даже в мыслях не мог себе такого позволить.

"Лег — значит, сдался! — билось у него в голове. — Только вперед! Вперед!". С колен на четвереньки, с четверенок на ноги лейтенант вставал целую вечность...

— Ложись, дурья бошка! — не мог кто-то успокоиться. — На землю!

Винтовка осталась где-то там, в засыпанном окопе. Он вытащил пистолет и, подняв руку, прошептал:

— Вперед, братцы! В атаку... Вперед!

Почерневшая фигура медленно пошла на запад. На глазах залегшего и огрызающего очередями противника из окоп, где, казалось, никого в живых уже не должно было остаться, начали подниматься люди. Оборванные, с наспех перебинтованными конечностями, солдаты с трудом выбирались на поверхность и, сжав оружие, спешили за лейтенантом.

Может ли человек быть сильнее стали? Может ли он побороть свой страх перед смертью? Видимо, каждый из немцев, смотревших в этот момент на мир через прорезь прицела, утвердительно ответил на эти вопросы. Сначала один пехотинец нервно задергал головой, в поисках командира, потом приподнялся второй, с испуганным лицом оглядываясь назад. Страх читался на их лицах, необъяснимый ужас овладевал их сердцами. Медленно приближавшиеся красноармейцы, идущие в последнюю атаку, казались им бесплодными теньями, сошедшими из ада. Наконец, кто-то из солдат не выдержал и с криками побежал в спасительный тыл. За ним всколыхнулась вся остальная масса: гренадеры поднимались с земли и, бросая оружие, неслись в прочь.

Однако, и там их ждал ад. Штабные палатки, склад с боеприпасами, зенитная батарея, три оставшихся танка, то есть все то, что и было тем спасительным и долгожданным тылом, исчезало на глазах. Тяжелые грузовики, полные солдат, неожиданно вспыхивали ярким огнем и, взрываясь, осыпали все вокруг дождем огненных осколков. В панике мечущиеся человечки, беспорядочно стрелявшие во все что движется, в мгновение ока превращались в живые костры.

Взрывы следовали один за другим. На воздух поднимались оторванные танковые гусеницы, башни, солдатские каски, части человеческих тел...

— Батальон, стоять! — проревел комбат, опуская выставленную штыком вперед винтовку. — Братцы, родненькие, это же наши! — он говорил и сам не верил в свои слова. — Пришли, братцы! Пришли!

Редкий строй брошенных на смерть солдат остановился. Обгоревшие в огне солнца и боя лица опустошенно смотрели в сторону запада, где продолжало что-то взрываться. С гулким уханьем стреляло какое-то орудие, раздавались автоматные очереди. Вдруг, лейтенант упал на колени и зарыдал.

Глава тридцать первая

В одном из глухих белорусских селений долго не могу уснуть малыш. Он ворочался и плакал, пока, наконец, терпение его бабушки не кончилась и она не предложила рассказать ему сказку.

— А что за сказку ты мне расскажешь? — моментально притих ребенок.

Бабуля улыбнулась в ответ и, сделав таинственное лицо, прошептала:

— А расскажу я про Ивана, Матренина сына, которого жил у нас тут недалеко.

Малыш, почувствовав, что сказка будет не самая веселая, осторожно закутался в одеяло, оставив наружу лишь свои любопытные черные глазенки.

— ... Жила была Матрена в одном селе. Мужа ней не было — сгинул он на войне. Как ушел ранним утречком, так больше от него и не было вестей. Погоревала, погоревала Матрена, да и стала сына одна воспитывать.

Души она в нем не чаяла. Да, и было за что его любить! Рос мальчик хороший, пригожий! Что мать его не попросит, сразу же сделает. А уж какой хороший он был! Слабого не обидит, обиженного пожалеет убогому поможет!

Был у него только один изъян, а может и не изъян это. Любил Ваня забавы молодецкие, да такие, чтобы кровь в жилах играла, чтобы душа пела от счастья. Прыгнет он бывало в седло и помчится по лесу не разбирая дороги. Ветки его хлещут, норовят глаза выколоть, с седла сбросить, а ему хоть бы что! Или самой ранней весной залезет в бурную речку и плавает пока не посинеет!

Посмотрит бывало мать на его забавы, да начнет плакать. Что же ты, моя детинушка, приговаривает она, себя то не жалеешь? Зачем над собой измываешься? На что Иван отвечает, мол не плача мама родная, не плач родимая! Это кровь молодецкая, кровь горячая во мне играет и покоя мне не дает!

Одним днем холодным, да ненастным, решил Иван, Матренин сын, пойти испытать свою силушку на самой стремнине бурной речки. Плыл он, да плыл! Плыл он, да плыл, пока, наконец, силы его не покинули и не сгинул он в омуте глубоком.

Долго горевала Матрена. Ночи не спала, все глаза выплакала! Взмолилась она тогда, чтобы отпустил господь ее сына единственного, родного, назад домой, хоть последний раз повидаться. А следующей ночью постучался ей кто-то в окошко. Глянула она и обмерла! У порога стоял сын ее, Ваня.

— Господин магистр, господин магистр! — с самого края опустевшей деревеньки послышался радостный голос. — Кажется, я нашел!

Подхватив на руки заснувшего и тщательно укрытого покрывалом ребенка, старый маг устремился на крик. Следом за ним двинулись и остальные — капитан с одним из солдат, принц и второй маг. Все они были слегка выбиты из колеи увиденным в селе.

Особенно был потрясен молодой магистр, который за всю свою, в общем-то, короткую жизнь, ни разу не бывал на месте сражений. Естественно, он много читал о грандиозных битвах прошлого, где великие короли и могущественные маги равняли с землей города и многотысячные армии. Конечно, Мариот не раз слышал от своих более опытных коллег страшные истории о кровавых похождениях неуловимых разбойников, бесстрашных пиратов, по которым уже давно плачет виселица. Один раз он даже видел, как на дворцовой площади

пороли какого-то бродягу. Да, все это было! Но, разве эти тепличные знания можно было хотя бы близко поставить с тем, что он увидел сейчас? Разве можно сравнивать полудетские впечатления от переживаний и страданий книжных героев с реальной давно засохшей кровью, над которой кружат мухи?

Когда Марион из чистого любопытства зашел в тот дом, то оказался просто внутренне не готов увидеть это. Перед его глазами до сих пор стояли ошметки красновато-бурой плоти, в которых с большим трудом можно было узнать тело девочки.

— Вот смотрите! — махал рукой Люк, подзывая всю компанию к себе. — Это точно то самое поле! Вон небольшой лесок, дорога. Это точно оно!

— Так, все слушаем меня! — мгновенно сделал стойку капитан, как гончая взявшая след. — Начнем...

В этот момент, Зенон, до этого совершенно спокойно любовавшийся открывающимися красотами, вдруг как-то странно засуетился.

— Всем назад! — неожиданно с тревогой закричал он. — Назад!

Все удивленно посмотрели на него. Капитан даже проглотил все, что хотел сказать. Люк резко обернулся, думая, что враг их обошел.

— Больше ни шагу! Стойте на месте! — магистр словно ищейка осторожно опустился на колени и стал медленно что-то высматривать. — Так..., - еле слышно пробормотал он, поднимая что-то с земли.

— Вот оно! — торжествуя потряс он своей находкой, резко вставая с колен. — Он здесь точно был.

Любопытный принц, стоявший ближе всех к небольшому леску, двинулся к Зенону, посмотреть на его находку.

— Куда? — воскликнул магистр, оторвав взгляд от своих рук. — Стойте на месте, Ваше Высочество!

Упрямо мотнув головой, наследник не остановился. "До каких же пор они все меня будут опекать? — со злостью подумал он, вышагивая по странном образом перекопанному полю. — Еще бы в люльку посадили!".

— Дерьмо! — в сердцах сплюнул принц, ногой провалившись в какую-то яму. — Что это еще за мерзость?

Непонятная зеленоватая жижа, которая начала вытекать из образовавшейся ямы и которую наследник престола так неосторожно назвал "мерзостью", оказалась ввалившимся в спячку зомби. Лишившись привязки к своему хозяину, ходячий мертвец самостоятельно закопался в землю, где более менее благополучно и пролежал до сегодняшнего дня.

Провалившаяся нога открыла к нему доступ свежего воздуха, вместе с которым ноздрей изголодавшегося мертвеца достиг и запах свежей плоти. Земля под ногами неосторожного человека за мгновение пошла волнами и не удержав равновесие будущий король провалился под землю.

Быстрее всех сориентировался Люк, на глаза которого это и произошло. С громким воплем он прыгнул вперед и по самую ручку вдолбил свой меч в землю рядом с барахтавшимся наследником. Со зверским выражением лица он раз за разом втыкал меч, надеясь хотя бы так отвлечь мертвеца. После каждого удара из земли бил тонкий фонтан зеленоватой жижи.

— Прочь! Все прочь! — с дикими криками рванулся вперед старый магистр. — Каиново отродье! Все прочь!

Каким чудо смог Люк убраться пути разбушевавшегося мага, можно было только гадать. С четверенек он выпрыгнул в сторону с такой силой, что сверкнули только пятки его сапог.

С пальцев магистра непрерывно слетали огненные стрелы. Каждый выстрел заставлял ярко вспыхивать окутавшее его пламя. Наконец, закопавшийся как крот мертвец, не в силах терпеть жар, выпустил свою жертву. Объятый паром и легким дымком тлеющей одежды, принц вылетел из под земли прямо под ноги своих телохранителей. Добавив после этого для верности еще еще несколько стрел, магистр заспешил к лежащему юноше, где еще раньше его застыл странно выглядевший капитан.

— Он жив? Жив? — вопросительно приговаривал подходивший магистр. — Разойдитесь, что столпились кругом! Дайте мне его осмотреть!

Он оттолкнул нагнувшегося Ханса и потеснил капитана. Беглый осмотр показал, что юноша практически не пострадал. Кое-где на нем огнем занялась одежда, несколько ожогов появилось на открытых руках. Успокоенный маг обрадованно посмотрел на капитана, словно говоря ему, что все тревоги напрасны. Однако, казалось, тот совершенно не разделял радости мага по поводу чудесного избавления его сюзерена.

— Магистр! — Синко дель Като стал настолько похож на мертвеца, что Зенон слегка опешил. — Вы это видели?

Своим мечом он осторожно приподнял штанину у принца и сделал выразительное движение, указывая на рваную рану. Увидев рану, Зенон слегка ахнул.

— Свежая..., - пробормотал маг, медленно водя ладонью над разорванной плотью. — Успел все таки.

Зенон попытался приподнять юношу, но его движение было остановлено легким касанием меча.

— Слушай, маг! — капитан с трудом сдерживал себя. — Это ты во всем виноват! Я же предупреждал, что надо было выждать. Ты не послушался меня! И что в итоге получилось?

Кончик меча неуловимым движением поднялся вверх и замер прямо напротив сердца.

— Люк! Ханс! К оружию! — закричал он, на мгновение повернувшись к своим солдатам. — Взять его!

Гвардейцы поняли его с полуслова и вытащенные из ножен мечи застыли у шеи Мариота.

— Видишь, уважаемый Зенон?! — с тяжелой усмешкой проговорил капитан. — Видишь, как обернулось дело? Я сейчас нахожусь в очень сложном положении... Наследник ранен и, насколько я знаю, наши маги не в состоянии вылечить такие раны. Я, как королевский гвардеец, должен был его охранять и беречь как зеницу ока, но мне это не удалось. Я обещан, а никто из дель Като на протяжении почти трех веков не был бесчестным ублюдком. Мы..., - он с силой ударил себя в грудь. — Всегда были опорой и надеждой для трона! И что выходит? Я, Синко дель Като, капитан королевской гвардии, не смог выполнить королевский приказ?! Я не переживу такого!

Он приподнял клинок еще выше и уже коснулся шеи мага.

— Вот вы мне, пожалуйста, скажите, дорогой магистр, — продолжил он через крошечную паузу. — Скажите, почему я не должен прямо сейчас прирезать вас? Ведь вы виновны не меньше моего, а может быть даже и больше! Мне достаточно просто нажать и клином все остальное сделает сам! Понимаете?! Он сам, как сквозь масло, пройдет через вашу грудь! Так, почему я все-таки не должен делать этого?

Волновался ли в этот момент старый магистр, сложно сказать. Независимо от того,

радость или печаль царила вокруг него, он всегда выглядел скалой! Зенон выглядел настоящей непоколебимой скалой, которую со страхом обходят время и ненастья.

— Я знаю, как спасти наследника, — спокойно проговорил маг. — Ну, что этого будет достаточно, чтобы сохранить мне жизнь?

Со стороны могло показаться, что маг произнес какое-то боевое заклятье и заморозил своего врага. Синко дель Като замер, он практически не дышал, когда услышал произнесенное Зеноном.

— Что ты сказал? — хриплым от волнения голосом спросил он.

Отстраняясь от лезвия, магистр также спокойно повторил:

— Я сказал, что знаю, как помочь наследнику и, соответственно, спасти твою честь! Заклятье мертвителя может снять только тот, кто его наложил и никто другой!

— Не лги мне, маг! Не лги! — побледнев прошептал капитан, дрожащими руками пытаюсь засунуть меч в ножны. — Если твой бывший ученик, действительно, сможет спасти наследника, то я найду его живым или мертвым! Ты слышишь, магистр, живым или мертвым?! Тогда мы вернемся к этому разговору и не дай Митра, ты обманул меня!

Синко дель Като резко отвернулся от мага и, увидев вытянувшиеся лица своих солдат, заорал:

— Что вылупились? Отпустите его и помогите принцу!

Очнувшийся, наконец-то, наследник ошалело смотрел на склонившимися над ним людьми.

— Что со мной случилось? — недоуменно пробормотал он.

Замявшегo было капитана опередил магистр, прямо на землю присевший рядом с принцем.

— Ваше Высочество, что же вы, как непослушный ребенок не слушаете нас? — укоризненно покачал он седой головой. — С вами случилось одно несчастье, которые мы надеемся исправить...

— Что? — с испугом прошептал принц.

— Вы попали в убежище, которое соорудил себе мертвец, — печально сказал Зенон. — Пока мы добрались до него, он успел нанести вам рану. Ваше Высочество, держитесь! — твердо произнес магистр. — У нас есть почти неделя., что найти того, кто призвал к жизни этого мертвеца.

Встав, магистр расправил свое одеяние и вновь печально окинул взглядом наследника престола.

— И еще, Ваше Высочество, вскоре с вами начнут происходить странные вещи, — начал маг. — Вы не должны бояться этого! Магия Некроса в первое время значительно укрепит вас. Вы станете себя чувствовать значительно сильнее и быстрее. Думаю, что в вашем новом состоянии не каждый гвардеец сможет справиться с вами! Ваши раны станут заживать практически мгновенно..., - в этот момент он кивнул на его ногу, рваная рана на которой стала чуть видной.

Во время речи принц заметно оживился. Видимо, перспектива стать живым покойников до него не сразу дошла. Казалось, из всего этого он усвоил лишь то, что станет более сильным и быстрым.

— Да, магистр Зенон, со мной определено что-то происходит! — с некоторым воодушевлением пробормотал наследник престола. — Капитан, смотрите! — легким движением он приподнял свою штанину и обнажил совершенно целую без всякого намека на

повреждение ногу. — Я себя и чувствую по другому! О, Благословенный Митра, это что-то необыкновенное!

В этот момент капитан медленно сместился по ближе к своим солдатам. Он сделал еле заметный шаг, и оказался от принца закрытым стоявшим магом.

— Люк, — шепотом позвал он ближайшего гвардейца. — Слушай внимательно, что я тебе сейчас скажу, и передай потом все Хансу. С каждым днем принц Краен будет становится все более сильным, а при его неуравновешенных характере это чревато для нас огромными проблемами. Следи за каждым его шагом! Пусть, он только о чем-нибудь успеет подумать, как в это самое время ты уже точно должен знать, о чем он подумал! Все ясно?

— Чего тут непонятного? — пробурчал в ответ огорченный Люк. — Наш будущий король превращается в непонятно кого, а мы еще и должны за ним приглядывать... Клянусь Светозарным Митрой, когда я служил на границе и каждую ночь со страхом встречал рассвет, мне было гораздо спокойнее, чем сейчас!

— Заткни свою поганую пасть! — прошипел сквозь зубы Синко дель Като. — Твое дело выполнять приказы, гвардеец, а не скулить, как последняя рыночная торговка!

Глава тридцать вторая

Из заметки "Стоять на смерть!" газеты "Правда" от 7 сентября 1941 г.

... Это была четвертая за день атака. От батальона, своим героическим сопротивлением дававшим советским войскам время закрепиться на новом рубеже обороны, осталась лишь горстка бойцов. Еще в самом начале боя прямым попаданием танкового снаряда было уничтожено единственное орудие, своим огнем отгонявшим немецкие танки. Из командиров на ногах оставались только комбат и младший лейтенант, остальные были либо убиты либо тяжело ранены.

По распаханному взрывами полю шла в очередную атаку немецкая пехота. Враг бросил в решающий бросок все свои резервы — отборных grenадеров, бронетранспортеры и оставшиеся танки.

— Разве смогут сломить нас, советских граждан, немецкие танки? — встал тогда комбат перед своими бойцами. — Разве есть на свете силы, которые смогут нас, советских бойцов, заставить отступить? Нет! Нет и еще раз нет!

Он оглядел всех, кто остался, и, вытащив пистолет, пошел на врага. Следом, плечом к плечу несокрушимой стеной встал весь батальон. С горящими глазами, с искаженными яростью лицами, они бросились вперед.

— Товарищ майор, товарищ майор! — кто-то настойчиво стучал в закрытую на засов дверь. — Товарищ майор, вам молния!

Продрав воспаленные от постоянного недосыпа глаза, он недовольно посмотрел на дверь. "Опять кто-то приперся, — пронеслось у него в голове. — Так ведь и не уймется, негодяй". Шумно вздохнув, майор сдвинул щеколду и нос в нос столкнулся с посыльным из штаба.

— Чего тебе Потапенко с самого утра надо? — ворчливо пробормотал он вытянувшемуся в струнку бойцу.

— Здравия желаю, товарищ майор! — пытался втянуть живот слегка полноватый боец. — Вам молния из штаба!

— Чего тогда молчал? — оживился тот, требовательно вытягивая руку. — Рожал, что-ли?

Посыльный промолчал, по-видимому, предпочтя не вступать в спор. Из сумки на боку он достал запечатанный конверт и отдал майору.

— Свободен! — бросил майор, закрывая за умчавшимся бойцом дверь. — Так, посмотрим, чем нас порадуют?!

Взгляд сразу же зацепился за адрес отправителя. "Особый отдел 15 стрелковой дивизии, — пробежал он глазами. — Так, атака превосходящими силами. До двух полков, усиленных танками и бронетранспортерами. Солидно! — аж присвистнул он. — И это против одного батальона!"

— Чего-то я понять не могу?! — с трудом подавляя поднимавшееся раздражение, пробормотал майор. — Ну, орден дайте ему! Ну, остальным по медали! Я то здесь причем, вообще?!

Однако, изложенное дальше заставило майора напрячься. Среди кучи неинтересной для него информации промелькнула знакомая фамилия. Логинов! Петр Логинов! "Попался! —

мысленно чуть не запел майор. — Попался, голубчик! Где же это ты так долго бегал?"

Распечатанный конверт полетел в сейф, пистолет в кобуру, и через несколько минут майор несся на аэродром, где уже под всеми парами стоял латанный-перелатанный Дуглас. Через четыре часа полета он уже открывал обшарпанную дверь кабинета, где с самого утра его дожидался задержанный.

— Как же долго я вас искал! — более чем искренно улыбнулся майор, протягивая руку сидящему человеку.

Того, по-видимому, уже пытались довести до нужной кондиции, поэтому протянутую руку он пожал после видимой задержки. На его лице было прекрасно видно несколько гематом, и сразу было сложно сказать, возникли они от близкого знакомства с традиционным гостеприимством НКВД или это последствия боя.

— Вас били? — вдруг спросил майор задержанного, пристально глядя ему в глаза.

С трудом выдержав направленный на него взгляд, тот хрипло ответил:

— Били, товарищ... Извините! Гражданин майор!

Майор неожиданно встал и, резко открыв дверь, заорал в пустоту:

— Дежурный! Дежурный!

Через мгновение по коридору послышался грохот сапог отлучившегося куда-то дежурного. Вскоре, майора ужу "поедал глазами" широкоплечий боец с глуповатыми глазами.

— Фамилия! — ему прямо в лицо рявкнул майор. — Что вылупил зенки?! Как твоя фамилия, я спрашиваю!

Губы дежурного задрожали, казалось, еще секунда и он заплачет.

— Семен Фирсов я! — заикаясь из себя выдавил тот. — Товарищ майор, я же тильки на минуточку отлучился.

— Молчать! — гремел майорский голос по коридору. — Кто бил задержанного?

Не услышав ответа, майор в бешенстве вновь повторил свой вопрос:

— Кто бил задержанного?

— Так это..., - голос украинца, вообще, начал пропадать. — Я и Ваня.

— Ты и Ваня, — ярость словно по мановению волшебной палочки исчезла из его голоса и сменилась какой-то добротой и мягкостью. — Значит, ты и Ваня. Прекрасно! Ты и Ваня.

Боец, видя, что начальство вроде бы как и оттаяло, счел возможным даже слегка оправдаться.

— Дык, он брыкался, — с улыбкой пробормотал боец, пытаясь показать руками, как тот это делал. — Як кобылка.

Эта последняя фраза окончательно добила майора. От его лица в данный момент можно было свободно что-то зажечь. Глаза превратились в маленькие щелочки, а побледневшие руки непроизвольно потянулись к кобуре.

— Брыкался, говоришь?! — со злостью прошипел он, вытаскивая пистолет. — Я тебе сейчас покажу, что надо делать, когда люди брыкаются! На! На!

Выстрелы в закрытом помещении прозвучали оглушающе и коридор наполнился кисловатым запахом.

— Ты, тварь, что же это тут делаешь? — тряс он пистолетом у самого затылка съезжившегося в испуге дежурного. — Тебе кто разрешил избивать задержанного? Значит, ты, тыловая крыса, здесь можешь бить фронтовиков?! Правильно, я тебя понял?

Задавая риторические вопросы, майор и не требовал ответа. Он просто пытался хоть

как-то выпустить пар, так как, чувствовал, что еще самую малость, и все! Палец, лежащий на курке, слегка подрагивал от возбуждения, словно просил его не мучить и отпустить.

— Товарищ майор! — со стороны поворота раздался незнакомый голос. — Товарищ майор, отпустите бойца!

Высокий лейтенант НКВД тряс его за плечо, осторожно отводя руку с пистолетом от виска дежурного.

— Товарищ майор! — лейтенант настойчиво пытался достучаться до помрачневшего сознания начальства. — Что тут случилось? Я слышал выстрелы.

Наконец, майор присел в себя и его глаза приобрели осмысленное выражение.

— Что же, дорогой лейтенант, у вас тут твориться? — невозмутимо спросил майор. — Задержанных избивают, со старшими по званию спорят. Я что-то не могу понять, это НКВД или сброд каких-то оборванцев?!

У лейтенанта задрожала нижняя губа. Его еще никто так не оскорблял. Да, его ругало начальство! Да, он не раз ругался со своими сослуживцами! Но, чтобы так замысловато и виртуозно...

— Сопли подобрать, слюни вытереть! — неожиданно рявкнул майор, наконец-то, пряча пистолет на место. — Этому первое и последнее предупреждение! В условиях военного времени, я не потерплю такого бардака! А теперь все вон!

Громко хлопнув дверью, он вновь оказался в своем кабинете.

— Видите, Петр Игнатьевич, с кем приходится работать? — со странной усмешкой спросил он. — Или вы может быть думаете, что у нас работают лишь святые люди? Нет, мой дорогой Петр Игнатьевич! Все мы с вами люди и, заметьте, люд разные!

Майор вышел из-за его спины и сел напротив задержанного.

— Я так и не представился, — извинительным тоном проговорил он. — Я Игорь Сергеевич Карпатый, майор НКВД! Можете называть меня просто по имени отчеству.

Логинов, чуть поерзав на стуле, задал так долго мучивший его вопрос:

— Товарищ майор, я задержанный? Я что-то нарушил? Понимаете, тут так много такого наговорили, что я до сих пор в себя прийти не могу.

— Я хочу, чтобы между нами было полное взаимопонимание, — доверительным тоном начал майор. — Вы никакой не задержанный и не преступник! Вы были и остаетесь, несмотря на нахождение на оккупированной территории, сержантом советской армии, которая, я полностью уверен, в само ближайшее будущее разгромит врага и погонит его обратно, в волчье логово! В настоящее время вы также можете внести свой посильный вклад в нашу победу.

Сержант совершенно преобразился. Он даже как-то выглядеть по другому стал: вместо сгорбленного, подавленно человека, перед следователем уже сидел подтянутый и уверенный в себе солдат.

— Я готов сделать все, что потребует Родина! — в этой громкой фразе было столько искренности, что невольно верилось. — Хоть сейчас рядовым... в самое пекло!

— Петр Игнатьевич, мы очень ценим ваш боевой настрой, — оживился следователь. — Но для начала хотелось бы кое-что прояснить. Во-первых, вы точно подтверждаете, что являетесь Логиновым Петром Игнатьевичем, 1902 года рождения, из местечка Павлово в Полтавской губернии?

Дождавшись подтверждающего кивка, майор продолжил:

— Во-вторых, до последнего дня вы являлись военнослужащим... энской стрелковой

дивизии? Так, хорошо! А теперь перейдем к сути вопроса. Вспомните, пожалуйста тот день, когда ваш батальон оборонял высотку у села Сандомировка. День, когда ваш батальон фактически был разбит?!

Этот день сержант помнил прекрасно. Все до самых мельчайших подробностей так сильно врезалось ему в память, что теперь это, вообще, вряд ли удастся забыть.

— Что вы можете рассказать про последнюю танковую атаку врага? — продолжал спрашивать майор, по глазам чувствуя, что напал на выиграл свой счастливый билет на верх. — Да, да про немецкие танки?

— Про танки? — недоуменно переспросил сержант. — Собственно, все было как обычно, если вообще, так можно сказать. Немец пытался прорвать нашу оборону. Против нас бросили, кажется, восемь танков. Наши танкеры выбили две машины, потом еще одну... В конце концов, они начали утюжить окопы.

Петр чуть не заскрежетал зубами от бессильной злобы.

— Нас как клопов давили! — понизил он голос. — Одного за другим! Одного за другим! Мы стреляли снова и снова, но не было гранат. Кончились даже бутылки с зажигательной смесью...

Внимательно слушавший майор, все тщательно фиксировал на бумагу. По причине секретности он отказался даже от услуг стенографистки и сейчас жалел об этом.

— Петр Игнатьевич, что случилось дальше? — торопливо прервал его майор. — Что случилось с двумя немецкими танками, которые прорвались через окопы?

— Вот значит, что вас интересует?! — наконец-то, просветлело лицо сержанта. — Знаете, товарищ майор, случившееся дальше мне до сих пор не дает покоя. Я много раз вспоминал этот эпизод, но так и не мог найти какого-бы то ни было понятного объяснения.

Взгляд его несколько затуманился и он откинулся на спинку стула.

— Они уже почти до меня добрались..., - начал он рассказ. — Две многотонные машины были в каких-то пяти шести метрах от меня. Мне даже, казалось, что я видел злорадное лицо немецкого танкиста. В этот самый момент, танки начали один за другим раздуваться, словно воздушные шарик. Броня трещала так, что заклепки вокруг летали похлеще осколков и пуль!

Своими громадными ладонями Петр даже попытался изобразить, что тогда происходило с танками. Большие, похожие на сардельки, пальцы складывались лодочкой и, потом медленно начинали расходиться.

— И потом раз! — вдруг, как рывкнул он, мгновенно переходя от таинственно, завлекающего голоса к громкому. — Они лопались, как гнилые помидоры, разбрасывая во все стороны ошметки металла... Это было страшное зрелище! Клепанное железо рвалось, как гнилая тряпка! Понимаете, на раз!

Майор даже не поднимал головы, лишь только его карандаш невесомой птицей неумоимо порхал по листкам.

— Так, а что-нибудь особенное вы еще заметили? — вновь попытался направить его в нужное русло майор. — Какие-нибудь странные вещи?!

— Странное? Особенное? — дребезжащим голосом засмеялся сержант. — Развалившиеся на части танки! Летающие по воздуху танковые орудия! Это, по вашему, что каждый день происходит?! Хотя, кажется, я понял, что вы имеете в виду.

Он на мгновение замолчал, словно собирался с мыслями.

— Еще я видел какие-то, действительно, странные оранжевые шары! — задумчиво

проговорил он. — Они вылетали откуда-то из-за спины.

— Вот это уже кое-что, — тихо прошептал следователь. — Кто еще рядом с вами находился в траншее? — уже громко задал он вопрос.

— Киря, кажется, — неуверенно протянул Петр. — Он всегда держался рядом со мной. Я, как это сказать, приглядывал за ним! Вот!

В конце концов, в ходе беседы удалось выяснить очень много интересного и уже поздно вечером майор для себя всю полученную информацию по данному вопросу разложил по нескольким полочкам. Во-первых, факт применения против танков противника неизвестного советской и, возможно, германской науке оружия подтвердил уже второй свидетель, показаниям которого причин не доверять не было. Во-вторых, было получено более точное описание самого процесса применения оружия и его последствий, а точнее результативности. В-третьих, определился очень странный фигурант — некий Кирьян, который скорее всего имеет к данному оружию самое непосредственное отношение. "Да уж, — пробормотал про себя майор. — Это просто какое-то пустое место! Появился не понятно откуда, звать непонятно как! Если честно, имя Кирьян, вообще, больше на какую-то кличку похоже. Русским владеет великолепно, безо всякого акцента. Хотя, согласно показаниям свидетеля, иногда выказывал незнание некоторых элементарных вещей. А вот это уже гораздо интересней! Значит, долгое время не жил на территории Советского Союза! Бывший эмигрант?!... Очень даже возможно! Правда, очень молодой. Может тогда из семьи эмигрантов?! Далее, что мы еще знаем о нем? Очень силен — это раз! Сообразителен, нет, умен — это два! Легко входит в доверие — это три! Еще, не любит огнестрельное оружие — это, выходит, четыре! Сержант упоминал, что тот очень хорошо владеет ножом. Прекрасно! А может, ты, мой дорогой друг, и мечом также хорошо рубить можешь? Уж не японец ли тут у нас объявился? Но откуда?".

Результатом ночного бдения явилась новая ориентировка, с пометками "молния" и "огонь" разосланная по всем особым отделам дивизий и фронтов. В ориентировке призывалось обращать особое внимание на всех военнослужащих и гражданских лиц, выходящих из окружения в районе административного центра Барановичи. Разыскивался некий Кирьян. Фамилия — неизвестна, отчество — неизвестно, место рождения — неизвестно, происхождение — неизвестно. Особые приметы: высокого роста, черные волосы, нос прямой, глаза глубокие, русским владеет в совершенстве. Прекрасно ориентируется в незнакомой обстановке, хорошо сходится с людьми, быстро находит с ним общий язык. Телосложение среднее, обладает значительной физической силой. Возможно знание навыков специальной борьбы. При себе может иметь некое устройство, предположительно, оружие. Внимание! При задержании запрещается применение оружия!

Глава тридцать третья

Много ли у средневекового жителя было развлечений. Их буквально можно было по пальцам пересчитать: принародная казнь и приезд бродячих артистов. Вот и на этот раз выступление скоморохов собрало большую толпу. Кого здесь только не было: и нищие, жаждущие залезть какому-нибудь простаку в карман, и ремесленники, с любопытством озирающиеся по сторонам, и brave гвардейцы, высматривавшие себя подруг на вечер, и даже заносчивые аристократы, с презрением взиравшие на собравшихся.

В само центре дворцовой площади бесновались паяцы, выделавшие неподражаемые выкрутасы, и плыл красивый и чистый голос.

— Ой, вы, красны девицы и сильны хлопцы!

Ой, вы, почтенные матроны и отцы!

Позвольте рассказать вам историю,

Историю страшную и невиданную!

Во времена давние и далекие,

Во времена страшные и ужасные!

Жил в славном королевстве Китонском,

Великий и ужасный маг Фариан.

Знал он заклинания смертельные,

Имел артефакты мощные!

Не было во всем Китоне для него равных,

Не было сильных супротивников!

Выйдет бывало Фариан силой похвастаться,

Магию свою честному народу показать!

Молнии небо темное рвут,

Вихри по улицам кружат!

Была у него тайна заветная,

Тайна от всех скрываема!

Перстень он имел хитрый,

Перстень со слезой Драконьей!

Силу невероятную он давал,

Силой немереной наделял!

Сказочная мощь из него сочилась,

Могута безумная рвалась!

— Кто-то по дороге едет, — востроенулся капитан, осторожно высовываясь из-за мощного дуба. — Можно у них спросить.

— О чем? — засмеялся принц. — А не подскажите ли вы нам, как найти осужденного преступника, Килиана Барториуса?

Настолько явная издевка сквозила в его словах, что магистр невольно нахмурился.

— Зря вы паясничаете, Ваше высочество, — менторским тоном проговорил Зенон. — Господин капитан высказал очень здравую мысль. Однозначно ясно, что здесь произошло какое-то сражение и судя по оставшейся картине оно было очень сильным! Такое событие точно не могло пройти мимо местного правителя.

Маг вслед за капитаном также выглянул из-за дерева.

— Если вы посмотрите внимательно, то можете заметить, что люди в повозке одеты в некое подобие формы, — вновь продолжил магистр в своей учительской манере. — Скорее всего, они служат у этого правителя и в курсе, что именно здесь произошло!

До этого внимательно слушавший его капитан мгновенно сориентировался:

— Люк, отдай свой меч! Сейчас мухой к этим людям. Поспрашивай их, может они и знают чего о нашем Килиане!

В этот момент обиженно заревел Ханс:

— Командир, а почему не я?

— Ты себя хоть в зеркало видел? — буркнул ему в ответ дель Като. — С твоей рожей только закоренелых убийц в городской тюрьме пугать! Думаю, вряд ли кто устоит! А Люк, хоть и плут по своей натуре, но лицом вышел...

— Я тоже с ним пойду! — тоном не терпящим возражений заявил вдруг Краен. — Хватит мне тут сопли подтирать!

— Хорошо, Ваше Величество! — почему-то быстро и без всяких возражений согласился капитан. — Люка должен кто-то подстраховать и пусть вы будете этим человеком. Все, хватит разговоров!

Повозка, медленно выплывавшая из-за поворота, внешне практически ни чем не отличалась от тех, которые использовали китонские крестьяне. Здесь были те же деревянные колеса, грубо сколоченные ложе, многочисленные кожаные ремни и ни одной железки. Лишь сидящие в повозке люди грубо выделялись из общей картины: они совершенно не походили на вечно забитых и от всего шарахающихся крестьян. У этих рожи были чересчур наглые и сытые, особенно у того, кто сидел спереди. Возница был похож на борова, которого обрядили в человеческое платье и заставили погонять лошадей. На его пухлом теле едва сходилась какой-то диковинный кафтан, на рукаве которого виднелась красновато-черная повязка.

— Гляньте, хлопцы, яка странная парочка! — усмехнулся жирный возница, натягивая вожжи. — Здоровяк и гарный парубок, ну прям девица красная! — при этих слова он кивнул на Краена. — ... Вот бы его обер-лейтенанту Винцу отвести?! И ему было бы развлечение, да и нам точно премия перепала бы!

В ответ раздался мощный хохот трех здоровых глоток. Сидевшие в повозке мужики так громко ржали, что напугали даже лошадей.

— Ни слова, Ваше высочество! — незаметно прошептал Люк. — Не говорите ни слова! Я знаю, как разговаривать с этим отродьем.

Принц лишь с силой сжал кулаки, непроизвольно покраснев при этом.

— Здравствуйте, добрые люди! — почтительно поздоровался Люк, с трудом придавая своему лицу благоговейное выражение. — А не скажете ли вы двум бедным путникам, двум сирым погорельцам, как до города добраться к родственникам?

С людьми в повозке случилась настоящая истерика.

— Слышишь, Мыкола! — наконец-то, заговорил одни, едва отойдя от буйного смеха. — Он назвал тебя добрым человеком! Мыкола — добрый человек!... Нет! Я это точно расскажу нашим!

Вдруг прямо перед его носом нарисовался огромный волосатый кулак и сразу же грозно пробурчал его владелец:

— Ты, это видел? Запомни получше!

Из задней части повозки поднялся здоровенный мужик, рядом с которым, наверное и медведь, был бы показался всего лишь его младшим родственником.

— Ну-ка! — гаркнул он, спрыгивая на землю. — Сейчас я покажу вам добрых людей! Чего, черви земляные, совсем забыли как надо обращаться к представителям доблестной германской армии и великого вождя Адольфа Гитлера? Ты, морда, чего так уставился?! Показывай свои бумаги!

Растерянность лишь на мгновение мелькнула на лице у Люка, но он быстро почувствовал, как надо себя вести. Выражение на его лицо поменялось столь стремительно с благостного и постного на крайне испуганное, что этому мог бы позавидовать и профессиональный актер. Спина быстро выгнулась дугой.

— О, благочестивый стражник! — в его голосе сквозил настоящий страх. — Прости нас! Мы погорельцы и у нас нет с собой никаких бумаг, но мы с настоящим почтением и благоговением относимся к твоей очень тяжелой и почтенной работе. Прими от нас в знак нашего безграничного уважения небольшой подарок. Это все, что у нас осталось от нашего имущества, но мы с радостью пожертвуем все, чтобы ваше королевство крепло и богатело!

В его руке, словно по мановению волшебной палочки, появилась небольшая золотая монетка, слегка надкусанная по краям. Он поклонился еще сильнее и нерешительно вытянул руку в сторону здоровенного бугая. Люк был уверен, что прием, который в Китоне был верным способом поладить с местной стражей, будет с радостью воспринят и здесь.

Однако, реакция стражников оказалась совершенно иной. Начавшийся было по новой ржач мгновенно прекратился, едва они увидели, как в руке Люка сверкнул желтенький кругляшек. Как встревоженные тараканы мужики посыпались из повозки и взяли в кольцо двух путников.

— Смотри, командир, у него золото! — первым удивленно воскликнул Мыкола, своей огромной ручищей схватив монетку. — Золото! Ей, Богу, золото!

— Ну-ка, разойдись! — растолкал всех невысокий человек, в темной пилотке. — Михай, возьми их на прицел! Чего встали, как бараны?! Дай сюда монету!

Люк, продолжая испуганно щуриться, незаметно для остальных толкнул принца в бок и показал тонкое жало кинжала, хищно выглянувшее из его рукава.

— Точно золото! — удивился начальник. — Это интересненько получается. Смотрите, робятки, мы с вами встретили на дороге каких-то подозрительных людей, одетых в непонятно что. Говорят они в добавок как-то непонятно и не по нашему. Правильно я говорю, Михай?

Остальные и даже туповатый Мыкола, радостно и понимающе загалдели, полностью соглашаясь с мнением своего начальника. Они уже давно поняли, что он собирался сделать.

— Как говорит обер-лейтенант Винц, подозрительный человек — это кто? — с улыбкой спросил он своих товарищей и сразу же сам и ответил. — Подозрительный человек — это партизан или подпольщик! Вы поняли?

Происходящее для Люка не было особым сюрпризом. При возвращении с какой-нибудь слишком шумной попойки в городе, ему случалось встречаться с честными стражниками из городского патруля, которые ни в какую не брали предложенные деньги, или с не менее отпетыми проходимцами, желавшими в добавок к твоим деньгам забрать еще и твою жизнь. "Похоже, нам не повезло — мы встретили настоящих подонков! — со злобой подумал он. — Эти точно не отпустят! Прирежут, как пить дать!".

— И что мне с вами прикажете делать? — с милой улыбкой обратился начальник

теперь уже к путникам. — Что я, как честный начальник полиции, должен с вами сделать? Может вас прямо здесь расстрелять? Или может быть арестовать вас и отвезти в город, к обер-лейтенанту Винцу?

В этот момент принц, стоявший как статуя, вдруг спокойно произнес, глядя прямо в глаза начальнику полиции:

— Ты слишком много говоришь! Ты должен был сделать вот что!

Его рука выстрелила вперед и с противным чавканьем пробила грудь, закрытую в темный мундир. Начальник полиции, скосив глаза вниз, с удивлением лицезрел кровавый ошметок, который принц медленно вынимал из его нутра.

— А-а-а-а-а! — взорвался писклявым криком Мыкола, который, позабыв про винтовку, начал бестолков размахивать своими ручищами. — А-а-а-а-а! Господи! А-а-а-а-а!

Другие двое полицаев оказались лишь чуть сообразительнее и быстрее, чем их туповатый друг. Они успели даже приподнять оружие, когда острый клинок с силой вспорол им горло. Заливая кровью пыльную дорогу, они свалились бесформенными мешками на землю.

— А ты, куча дерьма, хочешь еще потоптать землю? — громко засмеялся Краен, лениво отмахиваясь от кулаков Мыколы. — Дать тебе еще пожить?

С края леса уже бежала на помощь вся их остальная команда. Капитан с Хансом, размахивая мечами, неслись гигантскими прыжками. Следом за ними едва поспевали оба мага.

— Ваше Величество, Ваше Величество, не трогайте его! — стараясь, чтобы его слышали, магистр орал изо всех сил. — Он нам нужен живым!

Чуть замешкавшись с ударом, принц вместо испуганной рожи здоровяка снес деревянные борта повозки.

— Живи, каинское отродье, — с шумом выдохнув из себя воздух, пробормотал Краен. — Сел! Быстро! На землю! — сразу же начал кричать он на последнего полицаю.

Огромный бугай с кулаками с голову ребенка как послушный бычок сел прямо посередине дороги и с надеждой стал смотреть на новые лица, которые, как ему наверное показалось, были более дружелюбными.

— Ну, Ваше Величество, вы даете! — присвистнул от удивления капитан, глянув на рваную дыру в груди одного из трупов. — Рукой?! Обыкновенной рукой!

Горделиво выставив вперед ногу, принц выглядел в этот момент очень воинственно. С него вполне можно было писать картину известного военначальника, только что вернувшегося с поля боя. Когда-то изысканное в своей простоте платье у него было вымазано в крови и кусочках чужой плоти. "Он слишком быстро меняется, — с тревогой смотрел на него Синко дель Като. — Какая к Каину неделя! Все может случиться в течение нескольких дней! Надо срочно найти этого изгнанника".

— Эй, ты куча дерьма! — нетерпеливо пнул безмолвного пленника капитан. — У нас есть к тебе некоторые вопросы. Если ответишь на них, то поживешь еще немного! А если будешь молчать, то Его Величество займется тобой лично! Мы ищем одного человека... Не так давно он был на этом самом поле! — капитан энергично ткнул пальце в землю. — Ты что-нибудь знаешь о нем?

Здоровяк, щуря испуганные глаза, резко замотал головой, словно пытаясь что-то сказать в свое оправдание.

— Так, ты знаешь или нет? — распаялся капитан, наклоняясь к самому его лицу.

— Знаю, знаю, господин начальник! — торопливо, захлебываясь от возбуждения, заговорил Мыкола. — Робяты бают, что партизан было тут до чорта! Все оружны. — Он что-то попытался изобразить на своих пальцах, но запутавшись, бросил. — Много их тут побили. Мы несколько дней трупы хоронили!

Магистр с капитаном переглянулись. В глазах одного надежда потухла, а второго — еще теплилась.

— Кого-нибудь живым взяли? — с напряжением в голосе задал вопрос маг.

Бугая замолчал, начав ожесточенно чесать свою сильно бритую макушку. Он морщил лоб, часто моргал веками.

— Был, вроде один! — наконец, выдал он после продолжительной заминки. — Я того дня на кухне дежурил и как раз бачки выносил, когда в подвал понесли какого-то мужика... Только бесполезно все это! Разгромили наш батальон партизаны! Рассказывали потом, что советы чуть не дивизию пригнали!

— Я чувствую, что он жив и полон здоровья! — оттащив опустившего голову капитана, втолковывал ему Зенон. — Надо добираться до других, до тех, с кем они воюют. Там и поищем Килиана!

— Хорошо, — пробормотал капитан, отводя взгляд. — Выйдем завтра с утра, а сегодня сделаем привал. Надо восстановить силы, да и припасы в повозке нам будут очень кстати. И еще один момент, господин магистр.

Дель Като взглядом показал на Краена, который заинтересованно рылся в грудке добычи.

— Его Величество весь в крови, — проговорил он. — Но похоже его это совершенно не заботит! Надо что-то сделать с его одеждой. Я, конечно, могу приказать моим солдатам, но они очень плохо это воспримут. Может пошлем вашего ученика?

Зенон в ответ понимающе кивнул:

— Думаю, с Мариоттом проблем не будет. Он, конечно, себе на уме, но особой спесью никогда не отличался. Я разберусь!

Магистр сразу же взглядом нашел молодого мага, который с каким-то отстраненным видом пялился убитых полицейских.

— Мариот! — крикнул он, привлекая внимание ученика. — Здесь где-то протекает речка. Ты бы сходил туда за водой, а то наши бурдюки совсем пусты.

Тот, оторвав глаза от мертвых тел, посмотрел на Зенона.

— Заодно,хвати с собой платье Его Высочества, — продолжил старый маг. Его нужно слегка почистить.

Внимательно наблюдая за лицом своего ученика, магистр не заметил на нем ни капли недовольствия таким поручением. Казалось, даже наоборот, Мариотт был счастлив хоть ненадолго покинуть своих путников и побыть вдали от всего этого ужаса, который сопровождал последние дни их компанию. Он мгновенно кивнул, пробормотав "да, учитель" и бросился собирать фляжки.

До речки Мариотт добирался довольно долго. В действительности, она оказалась довольно далеко, и кто-нибудь не местный давно бы уже заблудился, но маг водной стихии мог почувствовать воду за сотни лиг.

Радость, с которой он воспринял предложение Зенона, объяснялась довольно просто. Мариотт, долгое время находившемуся в практически тепличных условиях, жизненно необходимо было время, чтобы побыть одному и разобраться в себе. Поэтому именно сейчас, вышагивая по еле заметной тропинке, он был полностью погружен в себя, в свои

размышления. "Они совсем сошли с ума! — билась в его сознании мысль. — Этот спесивый капитан, наш мудрый до тошноты магистр — они же не понимают, что нас ждет дальше! О, благословенный Митра, еще маленько и наследник превратиться в монстра. Он же нас всех сожрет, не оставив и косточек!".

Лишь когда показалась небольшая речушка, протекавшая в глубоком укрытом со всех сторон деревьями русле, Мариотту стало чуть-чуть легче. Вода, ставшая его родной стихией с самых первых дней в магической школе, всегда действовала на него успокоительно; подействовала она и сейчас. Маг сел на берег и опустил ноги в протекающую воду. Глаза внимательно следили за проплывающими мимо ветками и листками, за пошмыгавшими мимо крошечными рыбешками. Незаметно для себя он все глубже и глубже погружался в мягкую магию воды, которая осторожно, словно любящая мать, окутывала его своими сетями.

Маг уже давно выпустил из рук свои пожитки и сейчас медленно сползал в воду по скользкой глине. Речка ласково принимала в свои прохладные воды разгоряченное долгой ходьбой тело: вот исчезли из виду колени, за ними последовал широкий пояс с небольшим кинжалом, потом тело погрузилось в воду по грудь и, наконец, на поверхности осталась лишь голова.

Такая мягкая и ненавязчивая магия, которая скрытно и исподволь поглощала мага, всегда являлась отличительной водяной стихии. Учителя и преподаватели магических школ и академий всякий раз предупреждали тех юнцов, которые избрали себе эту стихию для специализации, о ее опасности и противоречивости. Считалось, что стихию воды нельзя было выбрать просто по своей прихоти, так как она просто сама не примет такого начинающего мага. Если огонь или воздух, можно было покорить напористостью и даже жестокостью, то вода оставалась уделом угрюмых одиночек, склонных к мечтательным прогулкам вдали от суеты.

Мариотт был именно тем самым угрюмым одиночкой, который никогда не любил пышных компаний и застолий. Для него всегда самым излюбленным занятием оставалось копание в пыльных манускриптах королевской библиотеки или любование за неспешным течением могучего Ориона, крупнейшей реки Китонского королевства.

Течение осторожно подхватило невесомое тело и попыталось его унести. Голова исчезла под водой. Вдруг, место, где исчез Мариотт, забурлило: огромные пузыри поднимались с глубины и с шумом лопались на воздухе, странное зеленоватое свечение осветило всплывающий из воды темный силуэт. Мага, словно мощным взрывом, подняло вверх и со страшной силой выбросило на берег.

Оглушенный и растерянный он пытался приподняться, но его ноги скользили на мокрой земле. Наконец, Мариотт оставил бесплодные попытки встать и на четвереньках отполз от берег подальше, вглубь леса.

— Что это такое? — с ужасом пробормотал он, обращая внимание на свой плащ. — Что?

Почти напротив сердца разгоралось непонятное зеленоватое свечение. С каждой секундой оно становилось все сильнее и сильнее. Казалось, еще немного и странный свет прожжет плащ насквозь. Однако, никакого жара Мариотт не чувствовал. Единственное, что он испытывал в этот момент, был животный страх. Маг лихорадочным движением сбросил с себя плащ и с еще большим ужасом обнаружил, что свет исходил не из плаща, а из потайного кармана на его платье.

— А-а-а-а! — заверещал он, следом за плащом сдергивая и свой кафтан. — Прочь, прочь!

Свечение прекратилось, едва он избавился от своей верхней одежды. Она бесформенной грудой валялась у самого берега, и ничего ужасного с ней не происходило. Вдруг, Мариот подозрительно огляделся по сторонам, как будто кто-то следил за ним и ожидал удобного момента, чтобы напасть. Потом он также на четвереньках, даже не пытаясь встать на ноги, подполз к своей одежде и стал осторожно искать что-то в кармане.

— Вот он! — с восторгом сжимал он небольшой перстень, искрившийся в лучах солнца. — Как же ты чудесна слеза Дракона!

Прозрачный каплевидный камень на перстне продолжал слегка светиться и мощными толчками отдавать свою силу новому хозяину.

Глава тридцать четвертая

Молоденькая учительница, поправив белоснежную блузку, торжественно произнесла:

— Дорогие ребята, сегодня наш с вами урок литературы посвящен одному из самых важных дней в календаре любого гражданина нашей страны — девятому мая, дню великой победы над немецко-фашистскими захватчиками, дню скорби и радости. Мы с вами договорились, что каждый из вас приготовит к сегодняшнему дню небольшое сообщение о той страшной войне. Кого мы послушаем первым? Ты, Олечка, хочешь нам что-то рассказать?

К доске вышла крошечная девочка с огромным ярко-алым бантом и начала читать с небольшого тетрадного листка.

— Я хочу рассказать о своей бабушке, Антонине Степановне Кирилюк, которую почти в самом начале увезли на работу в Германию, — звенел по классу детский голосок. — За годы войны с территориями СССР, оккупированных фашистской Германией, было угнано на принудительные работы более пяти миллионов человек, из которых вернулось лишь треть. Содержание советских граждан в Германии было очень плохим, так как фашисты не считали их за людей и обращались, как с дикими животными.

Колонна автомобилей въезжала в деревню, громко сигналив, словно давно ожидаемые гости. Жители еще только выглядывали из окон, спросонья тря глаза, как единственная дорога из деревни была перекрыта солдатами.

— Вы выставили заслон? — брезгливо поднося к носу надушенный платок, спросил офицер подбежавшего к машине капрала.

— Так точно, господин обер-лейтенант! — рявкнул, вытягиваясь как на плацу, капрал. — Я направил двух солдат с пулеметчиком вон к той высоте. Оттуда прекрасно просматривается дорога в обе стороны.

Обер-лейтенант слегка привстал с места, чтобы разглядеть, куда махнул рукой его подчиненный.

— Смотрите, Кранке! — с угрозой посмотрел он на капрала. — Ни один из этих скотов не должен уйти! Германия остро нуждается в рабочих руках, и мы не имеем права упустить даже одного из этих животных! Пусть начинают!

Козырнув Кранке побежал к грузовикам, где через несколько секунд стал раздаваться его зычный ор:

— Построиться! Шевелитесь, шевелитесь, баварские задницы! А тебе, толстяк, нужно особое приглашение?!

Из грузовика стали быстро выпрыгивать и строиться солдаты. Последним слезал полный пехотинец, внушительный зад которого целую секунду висел на заднем борту грузовика.

— Жирный кусок дерьма! — не смог пройти мимо такого капрал. — Что ты там возишься? Ждешь, когда русские сами к тебе придут?

Дождавшись, когда тот встанет в строй, он строго обвел солдат глазами и начал орать:

— Деревню обыскать! Всех жителей вывести на улицу! Вперед, марш!

Через мгновение солдаты бросились в рассыпную по всей деревне. Они врывались в дома и пинками выгоняли всех на улицу. Немоощных стариков и старух за руки и за ноги

выкидывали из домов, где их подбирали сердобольные соседи.

Вскоре перед запыленным автомобилем уже стояла толпа жителей, а люди все шли и шли.

— Скоро уже? — недовольным тоном спросил обер-лейтенант. — А то так, мы до вечера здесь просидим.

— Еще несколько минут, господин обер-лейтенант! — ответил капрал. — Пара домов осталось. Здесь так много земли, что эти свинья живут очень раскидисто.

— Вот-вот, Кранке! Здесь слишком много земли! И это в то время, когда добропорядочный бюргер страдает от тесноты и нехватки хорошей пашни, — оживился офицер. — Ничего, мы здесь наведем порядок! Так, хватит ждать! — наконец, не выдержал он, открыв дверцу автомобиля. — Я начну говорить. Пусть переводят дословно!

Вдруг, совсем рядом кто-то жалобно заголосил. Недовольно поморщившийся офицер обернулся и увидел, как какая-то старуха с воплями цепляется за солдата, который вел молодую девушку.

— Что же ты, ирод, делаешь? — плакала она, преграждая солдату путь. — Куда ты тащишь мою кровиночку?

Увидев какое лицо стало у обер-лейтенанта, капрал быстро добежал до старухи и пинками отогнал ее.

— Пошла прочь, старая ведьма! — буркнул он на нее. — Что бы я больше тебя здесь не видел!

Толпа людей заколыхалась, словно бурлящая вода в весенней плотине. Несколько крепких мужиков пытались было помочь старушке, но родственники гроздями повисли на них.

— Жители деревни! — офицер поднялся на капот автомобиля. — Немецкое командование извещает вас о начале набора молодых мужчин и женщин на работы в Германию. Вам выпал чудесный шанс побывать на территории Великой Германии! Вы узнаете, как нужно эффективно трудиться, как следует организовывать трудовой процесс на сельскохозяйственных и промышленных предприятиях. Тот, кто своим прилежным и исполнительным трудом хорошо себя зарекомендует, будет допущен к работе на современной немецкой технике и в последствии вернется домой настоящим мастером.

Великий фюрер германского народа Адольф Гитлер предоставляет вам уникальную возможность внести свою посильную лепту в достижении скорейшей победы над еврейско-коммунистической заразой! Спешите записаться, и ваш правильный выбор будет замечен и оценен по достоинству!

Толпа вновь всколыхнулась и выплюнула из себя крупного, кровь с молоком, мужика. Сделав вперед шаг, он нерешительно замялся, с некоторым страхом смотря на офицера.

— Я Степан, — невнятно произнес он, комкая ручищами свою шапку. — Это..., а кормить там будут?

Обер-лейтенант, усмехнувшись, ответил:

— Все, кто поедут на работы. Будут получать полноценное трехразовое питание, включая утренний и вечерний кофе с бутербродами. Вам обеспечат квалифицированную медицинскую помощь, выдадут рабочую одежду. Вы в полной мере познакомитесь с немецким порядком!

— Три раза?! Это хорошо! Я люблю покушать, — глупо заулыбался Степан. — А, Анютку Митрону, заберете, а то мне скучно будет?

Со скабрешной ухмылкой он показал пальцем на молодую девушку, которую пыталась у солдат отбить старуха. Девушка стояла с самого края толпы, закутавшись в длинную шаль. Однако, ни стираный-перестираный сарафан, спадавший до самых пят, ни плотно укутавшая ее шаль, совершенно не скрывали достоинств ее фигуры.

Проследив, куда показал пальцев первый доброволец, офицер в восхищении забормотал:

— О! Вот это экземпляр! Это же просто сокровище, бриллиант, который просто требует, чтобы его огранил опытный ювелир!

Прищелкивая языком, он подозвал капрала.

— Ее отдельно от всех. Лучше в мой автомобиль, — негромко приказал он. — остальных в грузовики.

— Так точно, господин обер-лейтенант! — козырнул капрал. — Все сделаем в лучшем виде!

Развернувшись к солдатам, капрал закричал:

— Молодых мужчин и женщин грузить в грузовики! Старое мясо, гнать обратно! Выполнять!

Сразу же, как замолкли его слова, в толпу бросилась часть солдат, прикладами начавшаяся отделять подходящий контингент. Люди такому напору практически ничего не могли противопоставить. Здоровые мужики уже давно были на фронте, а оставшиеся на звание настоящего вояки ли бы стали претендовать. Кто-то из них, как Степан, всю призывную кампанию просидевший у мамки в погребе, сам, добровольно лез в грузовик, а кого-то браковали, как увечного.

В деревне стоял страшный ор. Девчонок, едва закончивших школы, молодых женщин отрывали от родителей и закидывали в кузов. Следом заталкивали мальчишек и парней, в свое время не попавших под призыв.

— Давай, давай, молоденькая свинка! — весело гоготал толстый солдат, хлопая по спине очередную залезающую в кузов девчонку. — Жирненькая, упитанная, просто загляденье! Как думаешь, Ханс, если я попрошу капрала, он даст мне ее на часок?

Его сосед, выполнявший те же самые движения, ответить ни чего не успел, так как сзади, под страшный гомон незаметно подобрался капрал.

— Ты что это там сказал? — возмущенно стал орать он. — На часок?! Тебе?! Я тебе, пожиратель сосисок, могу доверить вон только тех! — капрал махнул рукой в сторону сгрудившихся заплаканных стариков и старух. — Иди и выбирай себе какую-нибудь старую мегеру! Все, хватит ржать! По машинам!

Солдаты быстро затолкали оставшуюся молодежь и запрыгнули следом сами. Заголосившие родственники бросились было к бортам автомашин, как поверх голов раздались автоматные очереди. Люди попадали в пыль, закрывая головы руками.

Все эти выстрелы, раздающиеся из деревни, Килиан наверное мог бы и услышать, если бы шел чуть быстрее. Однако, он был весь погружен в себя и совершенно не обращал внимание на все то, что его окружало. "Вот, значит, о чем говорил учитель?! — не мог прийти в себя маг. — Вот о каком таинстве шла речь в тот день".

Сейчас Килиан точно знал, что должен делать. Все, что с ним произошло за последние дни, начиная со времени изгнания, превратилось из огромной разрозненной мозаики в четкую картину. Прошлые события — первый опыт оживления, обвинительное заседание Верховного Конклита, переход в новый мир, страшная война и, наконец, встреча с ней — все это предстало, как звенья одной цепи. "Я так долго страдал! — с восторгом думал он. —

Один! Все время один, как растущий в поле цветов. И вот это случилось! Я встретил ее! — на лице промелькнула легкая улыбка. — Я так страшно долго ждал! Все эти долгие годы одиночества. Только теперь я понимаю, что все это время не жил полной жизнью! Это был долгий и тяжелый сон, который, к счастью, закончился".

Ее лицо предстало пред ним как наяву. Милый с горбинкой носик, тонкие темные брови, волнующий взгляд... Он до мельчайших подробностей вспомнил, как первый раз ее увидел. "Осторожный скрип двери, и раздавшийся следом слегка напуганный голос. Потом из полумрака выступила невесомая девичья фигура, которая, казалась, могла улететь прочь от малейшего дуновения ветерка".

В этот момент все его сомнения и неуверенность исчезли, уступив место твердому пониманию цели. "Нужно срочно бежать отсюда, — с тревогой рассуждал он. — Нужно срочно бежать от этой войны, по-дальше! Куда?! Куда бежать?!". Килиан за эти дни прекрасно понял, насколько страшен этот мир, куда забросила его судьба. Воспитанный на сказках о рыцарском великодушии к побежденному, о традиционной милосердии к оступившимся, маг ужаснулся при виде открывшихся ему картин — расстрелянных пленных, страшных пыток. "Нет! Этот мир слишком ужасен, чтобы здесь можно было спрятаться! — убеждал он сам себя. — Прочь отсюда, прочь! Немедленно прочь".

Путь, по которому пошел данный мир, — путь технологий, путь металла и насилия — казался настолько неприемлем для него, что поиск убежища здесь даже не приходил ему на ум. "Значит, решено! — окончательно решил для себя Килиан. — Я возвращаюсь в Китон! Пусть я преступник, пусть я отверженный и всеми презираемый, но там мой дом и моя родина!... Ей там обязательно понравится. Разве не могут не понравиться густые тенистые леса, которые прохладным пологом окутали полноводные реки и многочисленные озера? Разве не могут не восхищать устремленные в самую синеву неба шпили прекрасных замков и дворцов?".

За столь приятными мыслями он незаметно добрался до того самого укромного местечка, где они с Петром прятались перед броском к линии фронта. Килиан вновь спрятался за густым кустарником, из-за которого открывался прекрасный обзор на деревеньку. Первый же брошенный вниз взгляд его насторожил. Около домов, прежде выглядевших совершенно пустынными, мелькали люди.

— Может на работы какие идут? — пробормотал маг, продолжая внимательно следить за бродящими около домов жителями. — Что-то молодых-то и не видно. Одни старики и старухи!

Он уже понял, что случилось что-то страшное. С шумом пролезая через густые кусты, Килиан уже не заботился о скрытности. Оставляя на острых колючках ошметки штанов, маг за несколько секунд оказался почти у самой околицы памятного дома. Первое, что ему бросилось в глаза, — дверь была распахнута настежь. Около крыльца валялись какие-то шайки, плоски, кружки.

— Что тут случилось? — шептал он, не решаясь войти в дом. — Аня?!

В доме не раздавалось ни звука. Маг медленно шаг за шагом поднимался по ступенькам. По рукам произвольно заструился огонь. Окутанный багровым маревом он вошел в комнату и увидел, что там царит тоже самое. Все было перевернуто вверх дном!

— Анята! — не мог поверить он в страшное. — Анята, это я Киря.

Сорванные древние занавески кучей покрывали сломанный стол. Рядом скособочено стоял трехногий стул. По всему полу валялись какие-то тряпки.

— Сынок, а ты что здесь делаешь? — неожиданно раздался ехидный скрипучий голос. — Уж не за барахлишком ли пришел?

Пронзивший было молнией страх сразу же отпустил его и Килиан медленно повернулся. В дверях, опираясь на изогнутую клюку, стоял древний дедок. Белыми бельмами он пялился прямо на него.

— Чего застыл то? — старичок, тяжело вздыхая, зашел, наконец-то, в дом. — Чей, говорю, ты?

Килиан молчал, продолжая разглядывать старика. Странное тот производил впечатление. С одной стороны, ни чего необычного в нем и не было. Так, старик, каких десятки в любом селении. Он был совершенно обычного потрепанно-затрапезного вида, словно только что поднялся печи. На нем были стоптанные валенки, непонятного цвета ватную брюки. Сверху старик кутался в обшитую мехом безрукавку. Однако, что-то в его облике все равно не давало магу покоя.

— Я ничей! — твердо произнес Килиан, не отводя глаз от этого человека. — Свой я, собственный! Старик, ты не знаешь, где Анюта? За ней я пришел.

— Анютку, говоришь, ищешь? — старик задумчиво почесал заросший подбородок. — А что, Анютка, она девка справная! Так, все, сынок! Нет больше Анютки!

Мага словно обухом по голове ударило!

— Ее больше нет, ее больше нет, — машинально повторил он несколько раз. — Как это так нет? — Он вплотную подошел к старику и осторожно взял его за грудки. — Ты, что это такое бормочешь старик?

Раздражение, которое долгое время накапливалось в нем, наконец-то вылилось. Пламя с резким хлопком вспыхнуло над ним, ярко осветив комнату. Старичок испуганно завертел головой по сторонам.

Глава тридцать пятая

Древняя бабка в расплывающемся от старости тряпье шла по улочке гончарного конца Китона. Она что-то бормотала про себя и то и дело отгоняла надоедливых мальчишек гнутой клюкой.

— Пошли прочь! — кричала она скрипучем как колесо старой арбы голосом. — Каинова отрыжка! Пусть пожрут ваши мозги ночные дети!

Маленькие шалуны ни чуть не боялись выжившей из ума старухи, как ее за глаза называли их родители. Мальчишки, подтягивая сползающие штаны, забегали вперед и снова кидали в нее засохшим навозом, приговаривая:

— Ведьма! Ведьма! Почему тебя еще не сожгли на костре! Ведьма!

Вот один бросок, оказывавшийся особо удачным, попал точно в цель, и бабка с грохотом старых костей упала на вымощенную мостовую. Видимо, ей было очень больно. Она зашипела, как рассерженная кобра, и стала махать своей клюкой вслед сорванцам.

— Чтоб вас разорвало каиново отродье!

Вдруг ее перекосило со страшной силой. Глаза с белыми бельмами зловеще засветились, крючковатые пальцы начало ломать.

— Грядет, он грядет! — закаркала она, начиная энергично валяться в пыли. — Грядет сущий в этой гнездо разврата! Он будет судить всех, кто жесток и несправедлив... Опомнитесь люди! Он идет!

Старуха верещала с дикой силой, продолжая кататься по мостовой. Испуганные мальчишки бросились в рассыпную.

— Все вы, — крючковатый палец обвиняюще устави́лся в раскрытые окна ремесленников. — Все вы будете страдать! Ждите, он идет! Идет сущий и видящий!

Небольшая группа людей затаилась на пригорке, с которого внимательно наблюдала за широко раскинувшейся внизу деревушкой.

— Он точно здесь! — уверенно пробормотал магистр Зенон, убирая от лица тоненькую веточку. — Пока не понятно, где именно, но точно здесь!

— Это очень хорошая новость, магистр, — оживился капитан, проверяя легко ли выходит меч из ножен. — А то я, честно говоря, начал сомневаться, что мы его найдем. Думаете с ним у нас будут проблемы? — спросил он.

Взгляд мага, пробежав вдоль деревни несколько раз, наконец, остановился у крайнего, в целом, совершенно неприметного дома. Услышав вопрос, он задумался. "А, действительно, Килиан, сынок, будут ли с тобой проблемы? — маг сам себе задал вопрос. — Ведь прошло так много времени, и ты вряд ли остался тем любопытным и сумасбродным Килианом, каким я знал тебя несколько лет назад. Кто нам поручиться, что мы не стали твоими врагами?! Кто нам точно скажет, что ты не опасен?!".

Задумчивость магистра произвела очень нехорошее впечатление на капитана.

— Что-то я не слышу ответа? — нехорошо прищурился Синко дель Като. — Давайте, господин магистр, на чистоту. Мы с вами подошли к цели нашего путешествия и мне очень не хочется, чтобы произошла какая-нибудь досадная мелочь! Выкладывайте, все что знаете об этом вашем Килиане!

— Пожалуй, вы, совершенно правы, дель Като, — глубоко вздохнув, проговорил старый

маг. — Я должен вам все рассказать, прежде чем мы спустимся вниз. Только услышать это должны все!

Маг подождал, пока заинтригованный капитан всех позовет и начал свой рассказ.

— Я начну издалека, чтобы вы ничего не упустили и были готовы ко всему, что вас может ожидать внизу... Эта история началась почти двадцать лет назад, когда я, будучи проездом в одном далеком селении, принял участие в рождении сына в семье кузнеца. Едва я взял на руки маленькое сморщенное тельце, как сразу же ощутил сильную магическую искру, таящуюся в этом человечке. Меня пронзило от головы до самых пят! Это было какое-то наваждение. Я видел, как в теле младенца рождались маленькие огоньки, как они бегали.

Вы понимаете, что я почувствовал в тот момент? На моих руках лежал будущий маг, потенциал которого был просто неимоверен. Это было просто чудо! Разглядеть магические способности в столь раннем возрасте удается очень редко. Уже давно было замечено, что чем раньше ребенок начинает постигать магическое искусство, тем больших высот он может достигнуть.

На мгновение магистр замолчал, переводя дух.

— Второй раз я с ним встретился примерно через четыре года, — продолжал маг. — Его как раз только привели в школу первой ступени. Он стоял на ступеньках весь такой светлый и любознательный, словно мир вокруг состоял только из добрых и чистых духом людей! Весь год я пристально следил за его учебой и даже намека на усталость или неудовольствие не нашел. Он познавал магическое искусство с такой страстью и талантом, что с трудом верилось в его подлое происхождение.

Однако вскоре я заметил за ним одну странность, которая его очень выделяла среди остальных учеников. Он просто до ужаса не любил использование каких-то старых уже сотни раз проверенных заклинаний, а вы, я думаю, прекрасно знаете, что нынешнее магическое искусство стоит на одном ките — следование древним традициям. Со времен Великой войны наложен негласный запрет на любые кардинальные изменения в использовании боевых заклинаний. Нынешние маги, да и я, что тут греха таить, занимаемся лишь обточкой своего мастерства, доведением его до совершенства, но мы ни идем вперед. На свою беду Килиан это слишком рано понял! Будь он постарше, возможно, он бы и смирился с этим как все, и, скорее всего, достиг бы в магии огня значительны высот. Но детская порывистость и просто адская любознательность сделали свое дело — Килиан пошел своим путем! А потом..., потом он потерял одного человека. Вы помните Черную лихорадку? Вот-вот! Жена сгорела у него на глазах. И все началось!

Магистр явно волновался, что было видно невооруженным глазом.

— Мой мальчик, мой любимый ученик нарушил основной запрет магического сообщества — запрет на занятие некромантией. Он решил, что запретное магическое искусство в застое ему сможет помочь. Выход, Килиан видел в постоянном совершенствовании, в постоянном поиске новых путей, новых боевых формул, новых целительных заклинаний. Вы понимаете, он стал поднимать мертвых, чтобы в конце концов вернуть любимую!

Это был настоящий ужас! Вы уже не помните тот необъяснимый, съедающий все твое естество ужас, который охватывал человека при виде шагающих костяков... С облезающим с костей мясом, с ржавым оружием они бросались на живых, не обращая внимания на удары мечей и тучи стрел. Древние некроманты поднимали сотни и тысячи мертвых, а потом вновь и вновь бросали их на наши войска, на стены крепостей!

Думаете, мертвец — это не воин?! Думаете, он только и ждет, чтобы его вновь отправили в преисподнюю?! Я скажу вам правду! Когда рядом с тобой падает со стрелой в горле твой давний товарищ, ты даже не успеваешь оплакать его! Через мгновение он поднимается другим! Мертвым!

Лицо мага покрылось красноватыми пятнами и рассказывал столь живо и ярко, что перед глазами его товарищей наяву вставали картины ужасного боя.

— Мы очень сильно испугались, узнав, что Килиан сумел поднять мертвого. Это был первый случай за последние четыре столетия! Первый случай, когда мы не уследили! Нужно было срочно что-то предпринять, иначе зараза могла расползтись по всему Китону! Мы хотели даже обратиться за помощью к соседним правителям.

Теперь, я надеюсь, вы уяснили, с кем нам возможно предстоит столкнуться внизу?! Раз так, тогда не будем терять времени! Мариот, мой мальчик, приготовься. Сегодня понадобятся все твои умения.

Дель Като в свою очередь оглядел солдат, которые в этот момент имели не слишком бравый вид.

— Что, я смотрю, вы приуныли? — пытаюсь выглядеть невозмутимым, засмеялся он. — Ты что это Люк? Раньше перед делом тебя невозможно было остановить, так ты мучил своими похабными историями, а теперь примолк... Да и ты, старый волк, что-то невесел?! А, Ханс?!

Было видно, что солдаты не слишком горели желанием идти в бой. Люк задумчиво теребил истрепанный до нельзя манжет своего камзола, а Ханс что-то ворчал в свои усы.

— Командир, ты только не подумай, что мы струсили, — смущенно начал после некоторого молчания Люк. — Ты же знаешь, что мы всегда шли за тобой в бой! Всегда, когда ты просил! Нам просто слегка не по себе от всех этих рассказней. Так, ведь Ханс?!

— Ничего, каинова отрыжка! — капитан в этот раз засмеялся уже по настоящему. — Никто не живет вечно! Сейчас мы спустимся вниз и любой кто посмеет встать на нашем пути, пожалеет, что родился на этом свете.

— Знает же, что сказать! — рассмеялся в ответ Ханс, вытаскивая меч.

В раз повеселевшие солдаты начали осторожно спускаться с пригорка, пытаюсь раньше времени не всполошить свою потенциальную жертву. Следом за ними плотной группой шли маги, окружившие наследника.

— Сойти! — вдруг вскрикнул Зенон, устремив взгляд на стоявший перед ним дом. — Он здесь!

Воздух около магов словно вскипел — маги окутались пеленой защитных плетений. Легкие разряды, пробегая раз за разом по щитам, с шипением выстреливали в землю.

— А кто это к нам пожаловал? — раздался насмешливый и немного дрожащий голос. — Что же это за гости дорогие?

Махнув солдатам рукой, капитан медленно шаг за шагом начал обходить молодого мага, появившегося из дома. Меч слегка подрагивал в его руке, готовясь нанести решающий удар.

— Учитель, это вы? — наконец, он узнал магистра. — Вас послали за мной? Значит, они все-таки узнали, что из себя представляет Око Драконта?

— Да, Килиан, меня послали за тобой, — маг сделал шаг вперед. — Мы должны вернуться домой! Килиан, мой мальчик, ничего не бойся! Нет ни чего не поправимого!

Молодой маг словно взорвался, едва услышав слова о доме. Он вспыхнул, как факел, превратившись в огненную фигуру. Лицо, руки и ноги оделись багрово-красным

покрывалом, жар которого плавил вокруг него землю.

— Это вы меня хотите забрать, магистр? — громовым голосом заговорил он, медленно увеличиваясь в размерах. — Значит, суда вам стало мало?! Да? Вы хотите меня и здесь добить? Что же человек за племя такое? Все он хочет убивать и пытаться! Пытать и убивать!

Резко обернувшись, Килиан бросил сгусток пламени в покосившийся домишко, из которого он только что вышел. Строение вспыхнуло в мгновение ока! Треск сгорающих бревен и пересохшей соломы сразу же заполнил воздух.

Зенон с ужасом понимал, что сейчас случится непоправимое. Капитан уже практически приблизился на длину одного броска, а его солдаты лишь ждали приказа. Рядом с трудом себя сдерживал принц, бугрившиеся мышцы которого застыли в нервном напряжении.

— Килиан, не надо! — закричал Зенон, сбрасывая все свои щиты и оставаясь перед разгневанным магом полностью беззащитным. — Остановись, мой мальчик! Давай хотя бы просто поговорим...

Поступок магистра был столь неожиданным для всех, что выглядел невероятным. Мариот, не в сила поверить в это и не желая остаться без своих щитов, осторожно отступал назад, к лесу. Капитан, не пряча меча, жестом приказал солдатам, оставаться на месте.

Ошеломленный Килиан продолжал пылать невыносимо жарким пламенем, за которым лишь слегка угадывался контур его тела. Однако, на глазах жар стал медленно спадать. Громадный живой костер начал съеживаться и уменьшаться в размерах. Вскоре, показался ни чуть не обгоревший маг, стоявший в центре выжженного круга.

— Я готов говорить, учитель, — глухо произнес он, делая шаг навстречу Зенону. — Вы никогда не были лжецом и думаю, вам можно верить...

Они встали друг против друга, словно два противника на магической дуэли. Молодой маг и старый магистр. Бывший ученик и старый учитель. Оба слегка подрагивали от избытка энергии, готовой выплеснуться от малейшего намека на опасность.

— Учитель, я не могу отправиться с вами! — чуть не отчаянии начал Килиан. — Я хочу, но пока не могу! Магистр, я встретил ее! Я встретил того самого человека, о котором вы говорили! Помните? Та, которая изменит твой мир... Помните, вы так мне сказали? Это она, учитель! Та самая!

— Сынок, я рад за тебя, — улыбка осветила лицо старого мага. — Так, бери ее с собой. Мы спрячем ее в каком-нибудь горном селении, где ее ни кто не найдет. Там она дождетя тебя! Ты понимаешь, мой мальчик?

Лицо Килиана, на секунду ставшее мечтательным, вновь окаменело, а кулаки окутались пламенем.

— Учитель, ее забрали! — зло бросил он. — Я совсем чуть-чуть не успел. Ее увезли и я должен идти за ними. Спалю! — вдруг, диким зверем маг. — Все станет огнем! Все станет огнем!

Он вскинул в разные стороны руки. -

— Все! Все сгорит!

Ни чего больше не говоря, маг побежал прочь из деревни, оставляя на пыльной дороге четкие оплавленные следы.

— За ним! — коротко бросил Зенон. — Нам его не остановить! Он слишком силен! Посмотрим, куда он идет...

Глава тридцать шестая

На немецкой стороне раздавались взрывы. Казалось, по площадям работала даже не полковая артиллерия, а артиллерия корабельного калибра. Ухала так, что даже здесь за несколько десятков километров, дрожала земля и в окопах осыпались стенки. Время от времени над лесом, расположенным сразу же за немецким краем обороны, на мгновение зажигалось зеленоватое зарево. Оно держалось каких-то несколько секунд и потом гасло, в воздухе оставляя медленно падающие искорки.

У обзорной щели наблюдательного пункта, выдвинутого далеко вперед за линию окоп, в полном молчании стояли трое военных. Один из них внимательно в бинокль рассматривал передний край немецкой обороны. Опытный глаз привычно отмечал извилистую цепь многометровых ходов сообщений, массивных дотов и дзотов с торчащими из них пулеметными стволами. Даже с такого расстояния было видно, с какой основательностью немцы оборудовали свои позиции. Странно было лишь одно — полное отсутствие всякого движения. Передний край казался полностью вымершим. В окопах не мелькали серые каски, не вился дымок полевой кухни...

— И давно уже так? — наконец, командарм оторвался от бинокля, и красными от постоянного недосыпа глазами посмотрел на стоявшего перед ним начальника штаба.

— Со вчерашнего вечера, Василий Осипович, — поспешно ответил тот, нервно протирая свое пенсне. — Складывается впечатление, что немцам в тыл кто-то ударил и, похоже, ударили очень сильно! Немцы практически по всему нашему краю оставили свои позиции и спешно куда-то перебрасывают войска.

Командарм вновь взялся за бинокль и еще раз прошелся по знакомым ориентирам. Все, действительно, выглядело очень странно и подозрительно. Рядом вновь ухнуло так, что с бревенчатого наката посыпалась серая земля.

— Товарищ полковник, вы себе отдаете отчет в том, что вы сейчас говорите? — командарм отложил в сторону бинокль. — Вы, что мне так и прикажете докладывать в Ставку, что, мол, на немцев напали какие-то окруженцы и поэтому войска на всем юго-западном направлении могут совершенно спокойно спать?! Я так понимаю, вы совершенно не владеете ситуацией и нам, скорее всего, придется сделать соответствующие выводы.

Начальник штаба молча пожирал командарма глазами, даже не пытаясь оправдаться. В этот момент в разговор вступил третий военный, молча до этого слушавший:

— Товарищ командующий армией, разрешите обратиться?!

— Комбат, ты бы еще извинился в добавок! — недовольно проговорил тот. — Давай уже... Что там у тебя?

Комбат подошел к обзорной щели и, кивая в стороны немецкого края обороны, начал докладывать:

— Со вчерашнего дня за линию фронта нами было отправлено три разведгруппы. Одна сразу же вернулась, напоровшись на оставленный противников заслон. От двух остальных до сих пор нет вестей.

Над лесом расцвел очередной зеленоватый цветок, на этот раз далеко переплюнув своих более ранних собратьев.

Колонна автомобилей плелась по лесной дороге. Хотя дорогой в точном смысле этого

слова ее вряд ли можно было назвать! Две еле видные сквозь густо пробивающуюся траву колеи от древних повозок — вот и вся дорога.

В легковом автомобиле в этот самый момент шла очень занимательная беседа, точнее говорил один пассажир, а второй — ненавистно молчал.

— Что же вы, милая фройлян, все время молчите? — уже около получаса допытывался обер-лейтенант. — Или мой русский не совсем правильный? Или я вам слишком сильно ненавиствен?

Девушка забила в самый угол заднего сидения и выглядела нахохлившейся вороной.

— Значит, я вам не нравлюсь? — офицер придвинулся к ней чуть ближе и небрежным движением положил руку на ее коленку. — Так это бывает...

Холеная рука скользнула по ноге выше. Девушка среагировала мгновенно: превратившись в разъяренную фурию, она осыпала обер-лейтенанта градом ударов. Небольшие кулачки неприятно забарабанили по насильнику.

— Тварь! Доннерветтер! — выругался офицер, батистовым платком вытирая поцарапанное лицо. — Значит, германский офицер, благородный дворянин для тебе не хорош?! Привыкла у себе в навозе валяться! Так, посмотрим, как ты запоешь, когда я отдам тебя старине Кугэлю! Он любит свежее мясо с восточного фронта! Эх, до чего же он его любит! Ты, еще будешь умять меня! На коленях приползешь, как миленькая! Поняла, русская тварь!

Девушка, обхватив колени тоненькими ручками, затихла в углу сидения.

— Я тебе устрою! — ни как не мог успокоиться офицер. — А ты, чего вылупился?

Прямо на него обернувшись смотрел встревоженный водитель.

— Господин, обер-лейтенант, на дороге стоит какой-то человек. Что мне делать?

— Солдат, ты баран что-ли? — закричал обер-лейтенант. — Дави его! Хотя, подождика! Пусть его проверят!

Из шедшего за ними грузовика уже бежали двое солдат, выставившие вперед карабины. Стоявший на дороге человек, выглядел довольно странно и офицер ни как не мог понять, почему. Длинный темный плащ, надетый на него, с расстояния сорока — пятидесяти метров выглядел очень истрепанным и старым. Длинный черный волосы, спадавшие ему на плечи, также не блистали особой чистотой. Руки он держал на виду, слегка раздвинув их в сторону. Словом, это был обычный бродяга, каких с началом войны на дорогах оказалось чересчур много.

За несколько метров солдаты вскинули оружие, но путник продолжал оставаться на месте.

— Ведите его сюда! — крикнул из окна офицер.

Солдаты приблизились к нему вплотную и, вдруг, вспыхнули ярким пламенем.

— Засада! — не своим голосом заорал обер-лейтенант. — Назад! Назад, гони!

Тяжелая машина, которая прекрасно смотрится на мостовой плаца, на узкой дороге оказалась в западне. Развернуться ей мешала заросшая молодыми березками обочина.

— Что стоишь идиот? — вне себя от ярости заорал офицер, стуча по водительскому сидению. — Давай, давай! Сгорим же!

Из грузовиков, сгрудившихся позади грузовиков, наконец-то, начали выбегать солдаты. Откуда-то с боку застучал пулемет, начали хлопать выстрелы карабинов.

Обер-лейтенант осторожно приоткрыл дверцу автомобиля и выполз с заднего сидения. Крепко зажатым вальтером он нервно водил из стороны в стороны, ожидая, что именно

сейчас на него броситься враг.

Вокруг царил настоящий ад. Ничего не понимающие солдаты падали во все стороны, задевая грузовики, своих товарищей. На дороге с треском догорали уже четверо трупов.

— Спалю! — распался Килиан, выпуская наружу свой гнев. — Да, будет везде огонь!

С его рук один за другим слетали сгустки пламени. Адскими факелами вспыхнули березы, тянувшиеся ввысь вдоль обочины. Огонь с радостью пожирал ветки, стволы деревьев, потом прыгал на траву и здесь набрасывался на сухие листья и хворост. Дорогу заволокло дымом, гарью. Становилось тяжело дышать!

— Еще! Еще! — не мог остановиться маг, срываясь в боевой транс. — Еще огня!

Уже давно замолк пулемет, сгоревший с так и не успевшим ничего понять хозяином. Не было слышно выстрелов! Сквозь удушающую пелену доносились лишь хрипы задыхающихся людей и вопли горящих за живо солдат.

Обернувшись багровой и пылающей пеленой, маг шел среди корчащихся людей. Выпущенные кем-то пули даже не успевали до него долететь, сгорая едва коснувшись его огненной короны.

— Где ты, Анята? — ревел он в белую пелену. — Где ты?

Не услышав ответа, Килиан испустил очередной шар пламени. Стоявший у самой обочины грузовик со страшным грохотом взорвался, наполняя воздух свистом смертоносных осколков.

Вокруг него было уже на пламя, а что-то другое! Красноватые щупальца, рвущиеся в разные стороны, окрасились в режущий до боли глаза желтый цвет. От него уж не шел огонь, он сам стал огнем!

Вокруг него уже не осталось живых солдат, только скрючившиеся обгорелые кости. Оба грузовика, в которых ехала охрана, превратились в обугленные остовы.

Вдруг, в самом центре бывшей колонны, начали вырастать мощные фонтаны взрывов. Горящие деревья словно спички разлетались в разные стороны. Огненный шторм, который еще мгновение назад был здесь полновластным хозяином, столкнулся с не менее страшной силой — человеческим гением, направленным на разрушение и уничтожение. По небольшому пятачку лесной дороги начала молотить артиллерия.

— Смешайте их с пылью! — презрительно махнул рукой высохший как мумия старик с полковничьими погонами.

— Да, господин оберст! — козырнул крепко сложенный офицер и через несколько секунд он уже влазил в танковый люк.

Взревев двигателями отдельный полк тяжелых танков, который в рамках подготовки к широкомасштабному наступлению перебрасывался к Барановичам, двинулся к месту не утихающего боя.

— Дави на всю железку, Фридрих! — старался перекрыть шум двигателя командир. — Когда артиллерия закончит, мы уже должны быть там!

Тяжелые машины шли широким охватом, оставляя после себя целые просеки.

— Осколочный! — командир высунулся из люка, вслушиваясь в постепенно затихающую канонаду. — Возможна противотанковая артиллерия! Приготовится!

Лесная дорога появилась неожиданно, выскочив из чащобы. Командирский танк, недовольно урча, перегнулся через глубокую обочину и прибавил газу.

— Огонь! — заорал командир, едва в густом дыму разглядел силуэт какой-то техники. — Огонь! Осколочный, заряжай!

Снаряд, выпущенный из танкового орудия буквально разорвал выглядевший более или менее целым грузовик.

— Вперед! Не останавливаться! — командир с силой хлопнул люком, исчезая внутри железного монстра. — Дави, все что видишь! Цель слева!

У самой обочины, где деревья еще стояли целыми, по земле катались какие-то фигурки. Задыхаясь, они пытались откашляться...

— Огонь! — вновь скомандовал командир и орудие выплюнуло очередной снаряд.

— Наблюдаю вражеского огнеметчика! — около уха заверещала рация. — Около сгоревшего грузовика!

Неведомой силой Килиана, все еще пылавшего как смоляной факел, отбросило с дороги в самую гущу деревьев. Обеспокоенный наводчик пытался с гарантией уничтожить вражеского огнеметчика, вновь открывая огонь. Переломанное тело словно детский мячик долбило об деревья.

— Готов, господин лейтенант! — в эфире раздался радостный голос. — Точно в цель!

— Хорошо, Курт! — рявкнул в микрофон командир. — Всем! Повторяю, всем внимание! Продолжить поиск!

Килиан застонал. Глаза залепило чем-то теплым и они не хотели открываться. "Похоже, все, — с каким-то облегчением подумал он. — Кончился мой бой...". Он попытался пошевелить рукой — чудом, не задетая, она охотно отозвалась.

— Если я мертв, то вот вам мой подарок, — прошептал маг, еле шевеля губами. — Каларийнен эсимирайти!

Сплетая последнее плетение, он вложил в него все свои нерастроченные силы, всю свою ненависть к врагам. Огромный ствол света вырвался из его груди и сквозь пелену густого дыма умчался в небо. От лежащего мага по земле зазмеились рваные трещины, уходившие на десятки метров в стороны. По земле побежал Зов!

По всей окрестности Зов поднял к жизни все и всех, до чего только смог дотянуться своими щупальцами. На сельских кладбищах из-под покосившихся крестов полезли мертвецы. Умершие недавно, одетые в еще свежие одежды, умершие десятки лет назад в истлевших от времени тряпках, они сразу же брали след и нестройными толпами шли на охоту.

— Идите! Идите, дети ночи! — хрипел умирающий Килиан. — Сравняйте с землей это гнездо ненависти! Всех! Всех!

Вспарывая землю, мертвецы лезли из-под аккуратных покрашенных крестов немецких гарнизонов. Блестя железными побрякушками они молча нападали на своих бывших товарищей и рвали их плоть.

— А-а-а-а-а! — визжал, как подранный поросенок, немецкий солдат. — А-а-а-а-а!

Еще дымящийся, с поджаристой корочкой вместо кожи, мертвец с урчанием вцепился в его ногу и полосовал ее огрызками своих зубов.

— Назад! — махал рукой обезумевший офицер, пытаясь вытащить пистолет из кобуры. — Назад! Отходим!

Санитарная команда, пришедшая сразу же вслед за танками, оказалась разорванной заживо.

Чуть больше повезло танкистам, которых первое время спасала железная броня их боевого друга. Как только все началось, не повезло лишь одному экипажу, члены которого пытались вернуть на место слетевшую гусеницу.

— Вторая машина, ответьте! — долдонил в этот момент командир в микрофон. — Ответьте вторая машина! Что у вас происходит? Черт, что еще там? Фридрих, кто-то барабанит по люку... Проверь!

Схватив автомат, Фридрих откинул передний люк и нос в нос столкнулся с сильно обгоревшим солдатом.

— Пустите! — умолял он, тыкаясь черным лицом. — Умолю, пустите! А-а-а-а!

На глазах изумленного наводчика обгоревшее тело что-то стянуло вниз к гусеницам, откуда сразу же раздались булькающие звуки. Через мгновение из клубящегося дыма на танк выпрыгнуло окровавленное тело, ранее бывшее рядовым первого класса Карлом Штайнмаером.

Больше книг на сайте - Knigolub.net